

Фольклорное
наследие

**БЫЛИНЫ
И ПЕСНИ
АЛТАЯ**

фольклорное
наследие

БЫЛИНЫ И ПЕСНИ АЛТАЯ

**Из собрания
С. И. Гуляева**

**Барнаул
Алтайское книжное
издательство
1988**

Р 1
Б 95

Печатается по изданию:

*Былины и песни Южной Сибири:
Собрание С. И. Гуляева. Новосибирск, 1952.*

Б 95 **Былины и песни Алтая: Из собрания
С. И. Гуляева /Сост. Ю. Л. Троицкий. —
Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1988. — 392 с.**

Книгу составили былины, исторические песни и другие произведения устного народного творчества, записанные на Алтае известным русским фольклористом XIX века С. И. Гуляевым.

Книга открывает цикл «Из фольклорного наследия Алтая».

Издается к 100-летию со дня смерти ученого.

Б $\frac{4702010100-21}{M138(03)-88}$ 30—88

Р 1

© Алтайское книжное издательство, 1988.
Вступит. статья. Составление. Оформление.

ПОДВИЖНИК СИБИРСКОЙ НАУКИ

В знаменитом толковом словаре В. И. Даля слово «подвижник» определено как «славный великими делами на каком-либо поприще; доблестный делатель». Несомненно, что эта характеристика в полном объеме приложима к Степану Ивановичу Гуляеву, известному сибирскому фольклористу, этнографу, естествоиспытателю. Современное понимание слова «подвижник» подразумевает также и бескорыстие, как обязательную черту подвижничества. Этот сопутствующий смысл мог появиться в языке лишь тогда, когда появилось обозначаемое им явление. Так вот, жизненный путь С. И. Гуляева являет собой пример удивительного бескорыстия, переходящего в самопожертвование. Это в полной мере ощущали уже современники ученого, те, кто близко знал его. И. Я. Слобцов, родственник и первый биограф Гуляева, как только решил писать о нем мемориальный очерк (сразу после смерти Степана Ивановича в 1888 г.), стал подыскивать эпитафию, как требовал того жанр поучительной биографии. Эпитафией он взял автоэпитафию русского поэта XVIII века И. И. Хемницера: «Жил честно, целый век трудился и умер наг, как наг родился», и, видимо, нельзя было найти более точный поэтический эквивалент жизненному пути сибирского ученого.

* * *

Степан Иванович Гуляев родился в 1805 году в селе Алейском Колывано-Воскресенского (с 1836 г. — Алтайского) горного округа в семье унтер-шихтмейстера Ивана Петровича Гуляева. Звание шихтмейстера, по тогдашней табели о рангах, приравнивалось к 13 и 14 классу, а «унтер-шихтмейстеры носили офицерский мун-

дир и шину, а при Павле Петровиче — косы и буки», вспоминал Гуляев. Мать Степана Ивановича — Дарья Степановна Бурнашова, дочь офицера из донских казаков. На закате своей жизни Гуляев писал: «Матушка имела непохожий на северянок южно-европейский тип, густые, черные, не седевшие до старости волосы. Имела отличный голос, и пела много народных и обрядовых песен. Мы, дети, любили слушать их, так же как и рассказы о временах минувших».

Первоначальное образование Степан получил дома, от матери: «Нас, трех братьев, выучила она грамоте, усаживая за стол в кухне, где стряпала, и в случае нашего непонимания отрывалась от своего занятия показать нам учимое. Не знаю как, — пишет Гуляев, — но я скоро выучился грамоте и читал отлично». Видимо, материнское влияние на маленького Степана было определяющим; сам он прежде всего отмечал ее трудолюбие и доброту. Об этом и лучшие строки его воспоминаний: «Матушка знала многие рукоделия, ткала холст и простенькие сукна, из которых шила нам курточки и прочие вещи, распорядилась сенокосом и пашней, которая находилась у нас в восемнадцати верстах от селенья Локтевского завода, близ чудских бугров, «злодарей». Это была энергичная, красивая женщина, каких немного встречалось мне в жизни. Бедных надеяла она получаемому с пашни пшеницею и другим зерновым хлебом, который оставался от домашнего нашего употребления».

Родина С. И. Гуляева — село Алейское — своим появлением обязано сереброплавильному заводу, возле которого оно и возникло в 70-е годы XVIII столетия. Главная особенность подобных поселений состояла в соединении черт городского и сельского укладов жизни. «Их жители, — пишет современная исследовательница З. Г. Карпенко, — занимались работой на кабинетских предприятиях, торговлей, извозом. Связь с сельским хозяйством сохранялась — существовало огородничество и скотоводство, зажиточные горожане держали помногу лошадей для перевозки кабинетских грузов. Но земледелием занимались даже крестьяне, жившие в Барнауле и Колывани».

Близость к народу, во многом крестьянский образ жизни были характерной чертой семьи Гуляевых. Именно в детские годы закладывается интерес Степана Ивановича к русской народной песне, обрядам, сказкам.

Особенно сильное впечатление на будущего этнографа оказали «помочи», традиционный способ крестьянской взаимовыручки, которые нередко организовывались в доме Гуляевых. «Так как при нашем хозяйстве требовалось немало рук, — вспоминал он, — то матушка устраивала «помочи» — женские и мужские: женские для пряжи шерсти со своих овец и пряденья льну, приготовления впрок капусты; мужские для сенокосения и жатвы. Помочане и помочанки, по окончании работы, возвращались домой, одевались в цветное платье и собирались у хозяйки, угощались за приготовленными уже столами... после ужина начиналась пляска под скрипку... пляска сменялась «круговыми» (хороводными) или обрядовыми песнями, и так продолжалось до утра...»

Детские впечатления явились той основой, на которой сложился Гуляев-этнограф и фольклорист. Не случайно в основу первых публикаций молодого исследователя лег материал, услышанный им в эти детские годы. В предисловии к своей статье «О сибирских круговых песнях», напечатанной в «Отечественных записках», Степан Иванович писал: «Проведя юность в Западной Сибири, моей родине, я сохранил в памяти те явления ее жизни, которым способнее был сочувствовать. Как помню, так и передаю их вам, но помню верно...» А по поводу своей обширной работы «Этнографические очерки Южной Сибири» он отмечал: «Статья эта, заключающая описание свадебных обрядов, народные песни, заговоры знахарей и словарь, была составлена из воспоминаний отроческих и юношеских лет и материалов, присылавшихся в Петербург с разными лицами...»

Эти материалы, однако, приходилось добывать с большим трудом; то, о чем умолчал Гуляев в своей статье, восстанавливается по его переписке. В марте 1839 года, ободренный успехом первой публикации, он пишет матери: «Теперь, любезная маменька, прошу Вас покорнейше об исполнении моего давнего желания: «старинны». Самое верное и лучшее средство попросить об этих песнях, заклинаниях и проч. Василия Степановича Трубачева и Ивана Степановича Лушникова, моих старых товарищей, также и Александра Михайловича Мангазеева, я с ним об этом уже говорил». С этих пор слово «старина» в переписке Гуляева обозначает разнообразные жанры фольклора и этнографический ма-

теринал. По делу с присылкой «старины» налаживалось медленно, и спустя несколько месяцев Степан Иванович напоминает: «Вы, любезная маменька, не исполнили просьбы моей о песнях, а я уже напечатал в «Отечественных записках» и статью о сибирских песнях. Прошу Вас напомнить Александру Михайловичу Мангазееву о его обещании, он хотел собрать для меня кой-какие древние песни». Далее следует важное признание Гуляева: «Я хочу пуститься в литературу. Винаваты будете, если я не успею познакомить читателей «Отечественных записок» со стариною, причиною будете Вы!» И, наконец, последний аргумент, чтобы расшевелить читателей: «Обещают за статьи и деньги!» Усилия не пропали даром: благодаря присланным из Сибири ценнейшим записям русского фольклора и этнографическим описаниям, С. И. Гуляев публикует крупную историко-этнографическую статью «Алтайские каменщики» (1845 г.) и знаменитые «Этнографические очерки Южной Сибири» (1848 г.).

Умение мобилизовать для научного поиска людей, чаще всего к нему не готовых, выдвигает С. И. Гуляева в число незаурядных организаторов провинциальной науки прошлого столетия. Слово «провинциальная» в данном случае не носит никакого оценочного оттенка, скорее оно определяет жесткие условия работы ученых, разобщенных между собой и удаленных от научных центров на огромные расстояния, к тому же плохо обеспеченных специальной литературой и необходимой естественно-научной базой. Отметим только одну черту Гуляева — организатора научного поиска — его умение разговаривать с каждым из многочисленных своих корреспондентов (а среди них были люди самого разного социального положения — крестьяне, купцы, священники, губернаторы) на его языке. Узнав однажды, что знакомый крестьянин Семен Никитович Казанцев отправляется в горы на поиск руд, Гуляев попросил его обращать внимание на минеральные ключи. «Так как Казанцев, — пишет Степан Иванович, — не понимал значения слова «минеральный», то напомнив ему известную всему русскому народу сказку о Иване-царевиче, который, отыскивая Жар-птицу, похищавшую яблоки в саду его отца, ездил за живую водою в Индийское царство, — сказал шутливо, что эта самая живая вода и есть минеральная, которая должна находиться и на Алтае. Затем, объяснив приметы и свойства горя-

чих и холодных минеральных источников, дал Казанцеву необходимые наставления и советы». Так были открыты знаменитые белокурихинские источники, давшие рождение современной здравнице.

Когда понадобилось изложить соображения о духовных учебных заведениях Сибири в письме к одному церковному сановнику, Гуляев спрятал свои отнюдь не ортодоксальные взгляды за церковнославянскую риторику, подыскав соответствующие цитаты из священного писания.

В статье о механике Ползунове, напечатанной в «Вестнике промышленности» за 1858 год, Степан Иванович, стремясь привлечь внимание власть имущих к бедственному положению народных умельцев и изобретателей, перешел на язык высочайших манифестов и указов, декларирующих поддержку и помощь изобретательской мысли. Тем самым создавался стимулирующий контраст между словом и делом верховной власти.

Эта способность говорить с крестьянином образами фольклора, со священником — цитатами из Библии, а с администраторами — языком циркуляров указывает на глубину интеллектуальной культуры ученого. Подобное «многоязычие» вовсе не означало аморфности личности «полиглота», но предполагало скорее существование некоторого, продолжая лингвистическую аналогию, собственного языка, точнее — идеи, с позиции которой было возможно столь широкое общение.

Такой идеей для С. И. Гуляева была мысль о пользе отечеству. Но само по себе словосочетание «польза отечеству» достаточно абстрактно, а потому может наполняться различными, иногда противоположными, смыслами. Можно вспомнить, что «польза отечеству» — устойчивая формула из лексикона просвещенного абсолютизма, но столь же часто встречается в революционных декабристских документах.

Наблюдения над статьями С. И. Гуляева, его естественно-научными опытами и перепиской с чиновниками и купцами позволяют утверждать, что служение пользе отечеству имело для ученого четкое просветительское содержание и объективно носило буржуазный характер. Естественно-научные и гуманитарные интересы краеведа сформировались в конечном счете под влиянием экономических запросов страны в условиях усиливающегося кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства...

В 1819 году Степан в возрасте 14 лет вместе со своим братом Иваном поступает в Барнаульское горное училище. Проживали братья в Барнауле у своей тетки Степаниды Степановны, вдовы купца Ефтина, «женщины красивой и бодрой», как помянет ее позднее Степан. Барнаульское горное училище было открыто во второй половине 1780-х годов и являлось по тем временам довольно демократичным учебным заведением: «...поскольку достаточного количества учеников из сыновей инженеров и чиновников набрать не удалось, — пишет об училище исследовательница З. Г. Карпенко, — пришлось открыть в него доступ детям мастеровых и солдат».

Горное училище в Барнауле давало среднее техническое образование; основными предметами в нем были естественно-научные дисциплины. Одним из основателей училища и его преподавателем был выдающийся физик В. В. Петров, открывший в 1802 году электрическую дугу. Заметной достопримечательностью училища была и крупная, по сибирским меркам тех лет, библиотека, насчитывавшая сотни экземпляров книг по основным разделам техники и гуманитарного знания. Почти по всем предметам, которые преподавались в училище, С. Гуляев показал незаурядные способности. Это подтверждает аттестат, содержащий краткие характеристики: «...физике и химии во время обучения обучался с отличными успехами и прилежанием... истории общей и российской обучался очень хорошо...» Трудно утверждать, каким предметам отдавал предпочтение Степан Иванович в стенах училища, думается, однако, что уже в это время история, русская литература, фольклор в круге его интересов и чтения занимают первое место. И. Я. Словцов пишет о записных книжках, которые вел в то время Гуляев и куда он заносил наблюдения об этнографической стороне городского и сельского быта.

Этот же биограф, хорошо знавший ученого лично, замечает, что Степан Иванович «делается ревностным собирателем народных былин, песен, сказок; подмечает варианты русских напевов, варианты в тексте; начинает разбираться — какие песни и напевы откуда занесены. Все это вносит он в свои записные книжки». Свидетельство биографа чрезвычайно важно, ибо в современной фольклористике бытует мнение, что Гуляев при публикации не останавливался перед искажением текстов в русле господствующего тогда славянофиль-

ского подхода к фольклору, согласно которому каждая конкретная запись былины или исторической песни рассматривалась лишь как материал для построения древнего «первотекста». Многочисленные аргументы, в том числе исходящие от самого фольклориста, также как сопоставление полевых записей и публикуемых ученым текстов, заставляют усомниться в справедливости этого утверждения. Во всяком случае, редакторская правка С. И. Гуляева, если она и имела место, вызывалась скорее «техническими» причинами — лакунами в тексте, явными «несообразностями» в речи сказителя, нежели методологическими соображениями.

Ученый часто подчеркивал, что та или иная песня «списана с буквальной точностью со слов» или «с голоса» сказителя. И это очень важное признание, поскольку позволяет отождествить гуляевскую методику полевой записи фольклора с передовой для науки середины XIX в. фонетической записью, которую пропагандировал, к примеру, фольклорист-демократ П. И. Якушкин, будущий знакомый Гуляева.

В полную силу гуманитарные интересы молодого горного чиновника развернутся уже на следующем жизненном витке — в Петербурге. В мае 1827 года, согласно предписанию министра императорского Двора, С. И. Гуляев был принят в горное отделение Кабинета старшим писцом.

Переселение на житье в столицу волновало ум 22-летнего юноши:

Беспечный, видел я в мечтах воображенья
Перед собой вдали роскошный жизни путь,
Где ждут меня любви и славы упоенья, —

так писал он, переосмысливая прозу служебного назначения в велеречивых штампах романтической поэзии. И вот уже оказывается, что не министерский циркуляр, а сама «судьба закинула меня на Север дальний //И на брегах Невы все тот же я — печальный...».

Но не меланхолия и грусть, а самая активная деятельность были характерны для первого его петербургского десятилетия. Основное время занимала служба, но продвижение по служебной лестнице шло медленно, так как чиновникам третьего разряда, к которому был отнесен Гуляев, даже для получения низшего,

14 класса, требовалось прослужить четыре года после окончания учебного заведения. Но был и другой путь продвижения по службе. Десятилетия существования огромной бюрократической машины петровского «регулярного» государства выработали целую обойму средств и способов ускорить свой служебный рост и получение связанных с этим наград и поощрений. Сошлемся на авторитетное мнение грибоедовского Скалозуба: «Да, чтоб чины добыть, есть многие каналы». Среди таких каналов — использование родственных или дружеских отношений, подкуп должностных лиц, взятка, лезть.

Медленное продвижение Гуляева по службе, так же как сопровождающая каждое новое назначение чина формулировка «за выслугу лет», означает, что в распоряжении молодого чиновника оставался единственно честный, санкционированный законом способ — напоминание о себе власть имущим. О существовании в чиновничьей среде того времени традиции напоминания писал Л. Н. Толстой в романе «Анна Каренина»: «Степан Аркадьевич приехал в Петербург для исполнения самой естественной, известной всем служащим, хотя и непонятной для неслужащих, нужнейшей обязанности, без которой нет возможности служить, — напомнить о себе в министерстве». Почти все ордена, полученные С. И. Гуляевым «в воздаяние особых трудов и усердия к службе», были им запрошены в рапортах на имя вышестоящих лиц: «Так как служба моя по Горному Департаменту,— писал Гуляев, находясь уже в Барнауле, — составляет 24 года в Сибири, считая три года за четыре, всего 35 лет по гражданскому ведомству, я приобретаю право на получение ордена св. Владимира 4 степени...»

К моменту переезда в Сибирь Степан Иванович достиг чина «коллежского ассесора со старшинством». Но не служба и «чиновничья колея» занимала Гуляева. В первые же годы петербургской жизни он начинает посещать вечерние классы Академии Художеств, развивая в себе давнюю склонность к рисованию. Позднее, став исследователем Сибири, Гуляев собственноручно будет делать всевозможные зарисовки местностей, географические карты, копировать книжные миниатюры, в том числе из знаменитой древней книги Козьмы Индикоплова. Вообще первое десятилетие столичной жизни Степана Ивановича можно назвать периодом упор-

ного самообразования. Почти невозможно по имеющимся источникам выяснить круг чтения С. И. Гуляева тех лет, однако характер первых публикаций позволяет утверждать, что он серьезно занимался естественными науками, а также языкознанием, этнографией, фольклористикой, русской историей и, бесспорно, был хорошо знаком с отечественной литературой. Об этом же говорит и состав личной библиотеки ученого, которая начала складываться в Петербурге. Среди книг мы найдем «Краткую ботанику. Курс гимназический», «Материалы для минералогии России», «Путешествие барона А. Гумбольдта по Америке» и т. д. Но много книг собственно исторических и сибиреведческих: «Соображения о применении к Западной Сибири основных положений преобразования судебной части в России статского советника Спасского», «Обозрение главных оснований местного управления Сибири», «Учреждение для управления сибирских губерний» и др. Без сомнения, отбор книг для личной библиотеки был у Гуляева далеко не случаен, вот почему состав домашней библиотеки — важный источник для выяснения научных и политических интересов ее владельца.

Вскорее в жизни Гуляева происходит перемена. «В это время, — сообщает биограф И. Я. Словцов, — познакомился он с семейством одного заслуженного чиновника, бывшего столоначальником в сиротском суде, Филиппа Николаевича Пояркова. Семейство Пояркова состояло из Екатерины Семеновны, получившей воспитание в Смольном монастыре, и двух дочерей — Саше и Нади, из коих старшей, имевшей лет тринадцать от роду, пригласили давать уроки из некоторых предметов и рисования. Привыкнув к этому доброму семейству, С. И. Гуляев полюбил свою ученицу, и когда той исполнилось шестнадцать лет, женился на ней. В приданое за женою получил небольшой деревянный домик, в одном из отдаленных предместий, в который и переехал вскоре после свадьбы». Спустя два года, в 1838 году, родился сын Александр. Всего у С. И. Гуляева было десять детей, шесть сыновей и четыре дочери; в живых, однако, осталось три сына и две дочери: Александр, два Николая, Елизавета и Надежда.

В Петербурге сложился круг общения ученого, куда входили крупный ученый лингвист И. И. Срезневский и известный фольклорист-демократ П. И. Якушкин.

К Срезневскому С. И. Гуляев относился с особым пиететом: высоко отзывался о его деятельности, советовался по поводу своих научных занятий. Уже после переезда из Петербурга в Барнаул он писал Срезневскому: «С нетерпением жду отзыва Вашего насчет моих занятий, тем более, что из него я увидел бы, на что именно нужно обратить внимание». Судя по обширной переписке, которая продолжила их знакомство, Гуляев был тепло принят в доме академика. «Письма Ваши, — писал он Срезневскому, — доставили мне особенное удовольствие; всякое письмо из Петербурга от лиц, искренне мною уважаемых, драгоценно, освежая в памяти минувшее». А в другом письме приписал: «Ласки и радующие Вашего семейства я не забуду...» Не случайно при организации нового журнала «Вестник промышленности» Срезневский рекомендовал его редактору Ф. В. Чижову наряду с известным химиком Д. И. Менделеевым и Гуляева в качестве незаменимого сотрудника и корреспондента. О последнем он писал Чижову: «Гуляева еще не видел, а на него надеюсь очень; может быть, он найдет сотрудников из сибиряков, кроме того, что и сам сообщить может занимательные данные». В другом письме академик Срезневский сообщал: «Говорил я и Гуляеву и не напрасно. Есть статьи его, кои отдаст Вам А. И. Кошелев... не потеряйте Гуляева как сотрудника...»

Удалось найти несколько свидетельств, в которых описываются знаменитые «субботы» И. И. Срезневского, где бывал Гуляев. Хронологически это вторая половина 50-х годов прошлого века. Известно также, что именно в это время «субботы» Срезневского активно посещает начинающий журналист Николай Александрович Добролюбов, в то время студент Главного педагогического института, работающий под руководством профессора Срезневского в области славянской филологии. Возникает естественное предположение о знакомстве Добролюбова с Гуляевым. Но как это проверить? Чтение писем будущего революционера-демократа и сподвижника Н. Г. Чернышевского (который, кстати, тоже высоко оценивал Срезневского) дало лишь беглое упоминание 2—3-х имен посетителей «суббот», среди которых сибирский ученый не значился. Но вот перед нами сатирическое стихотворение Добролюбова «В тиши ночной, когда весь мир забылся сном...», описывающее в весьма ироническом ключе завсегдатаев

«суббот» Срезневского. Стихотворение написано в 1858 году, когда Н. А. Добролюбов был уже редактором отдела критики журнала «Современник» и профессиональным журналистом. К этому времени складывается его политическая программа, и Добролюбов не без сожаления вспоминает о годах, потраченных на «чистую» науку. Отсюда и резко ироничные характеристики посетителя салона Срезневского. Очень важно, что в основе иронии и сарказма Добролюбова — политическая, а не личностная оценка гостей академика и их разговоров. Более того, описывая два салона — Срезневского и Благовещенского (тоже преподавателя педагогического института), — автор поэтической сатиры главным объектом осмеяния делает кружок Благовещенского, который является дурным подражанием научному собранию:

Но во сто крат несчастней тот несчастный,
Которому попасть придется в круг ужасный,
Что Благовещенский вокруг себя собрал,
Упитанный телец, трусливый либерал!

Все лица, описанные Добролюбовым, названы по именам и легко узнаются, и лишь один человек именован Федором Степановичем. Вот что о нем говорится:

Федор Степаныч как с безоблачным раздумьем
Молчал там много лет и вдруг заговорил...
Блажен, кто за его развитием не следил.

Все комментаторы помечают Федора Степановича «лицом не установленным». Можно предполагать, что это — Степан Иванович Гуляев. Почему же он назван Добролюбовым «Федором Степановичем»? Возможно, автор стихотворения не запомнил точно имени Гуляева, ведь он был одним из неприметных гостей салона. Кроме того, искажение имени в поэтическом тексте было обычным делом. К примеру, Добролюбов тогда же в поэтической пародии на известного историка и публициста Погодина называет его «Максимом Петровичем» вместо Михаила Петровича.

По свидетельству современника, «народу на этих субботниках бывало много, и все академики, профес-

сора, педагоги, сановники и генералы от науки — все люди с большими именами, с видным общественным положением, со связями и значением в свете». Гуляев, разумеется, к светским львам никак не относился, а потому его многолетнее молчание в кружке Срезневского скорее не поэтическое преувеличение, а констатация факта. Что касается «развития» Федора Степановича, то и эта черта может быть отнесена к Гуляеву, который имел весьма скромное образование на фоне прочих гостей академика. Очевидно, что наблюдавшие Степана Ивановича не один год люди должны были отметить весьма быстрое его «развитие». Наконец, выражение «вдруг заговорил», если оно в самом деле описывает речевое поведение Гуляева, может указать на совершенно конкретную ситуацию. Эпизод связан со статьей С. И. Гуляева о Ползунове, которая появилась в журнале «Вестник промышленности» в начале 1858 года. По словам сына Гуляева, «поводом к написанию статьи был следующий случай, как рассказывал мне отец. Както у профессора Срезневского собрались гости и разговор зашел о паровых машинах. Говорили о недостатке механизмов в России и отец поразил компанию словами: «Господа! Первая паровая машина давно применена к действию у нас в Сибири, нашим сибирским механиком-самоучкою». Компания удивилась, не хотела верить, никто не слыхал про Ползунова. Отец обещал им напечатать историю устройства Ползуновым машины».

Сам Степан Иванович в сопроводительном письме к редактору журнала подтвердил указанные мотивы написания статьи: «...поводом же к этому было выраженное однажды сомнение в постройке у нас, до Ватта еще, паровой машины неизвестным в ученом мире механиком». Удивление «ученого мира» сообщением Гуляева хорошо вписывается в ситуацию неожиданности, которую Добролюбов обозначил словом «вдруг». К тому же простота и привычность имени и отчества Степана Ивановича приводила к тому, что не очень знакомые ему люди переименовывали имя, называя его, например, Иваном Степановичем. Такие ошибки встречаются в его переписке.

Как бы то ни было, но если личные контакты Н. А. Добролюбова и С. И. Гуляева остаются предположительными, то знакомство великого критика и публициста с научными трудами алтайского ученого —

факт бесспорный. Будучи студентом, Н. А. Добролюбов готовился под руководством Срезневского заняться исследованием «особенностей великорусской народной поэзии». Была составлена программа будущих штудий. Среди самых важных источников своей работы, наряду с такими известными фольклористами, как Киреевский, Сахаров, Снегирев, молодой Добролюбов указывал и Гуляева, его статью «Этнографические очерки Южной Сибири». А книге Степана Ивановича «Опыт грамматики русского языка» Н. А. Добролюбов посвятил специальную рецензию, в которой отметил сильные и слабые стороны лингвистического опыта сибирского ученого.

Занимаясь кружком И. И. Срезневского, нельзя не изумиться разнообразию позиций людей, его составляющих. Что объединяло их вместе и сглаживало разноречивых суждений? Почему домашний очаг Срезневского стал для Гуляева самым теплым, пожалуй, очагом в Петербурге, возле которого он многие годы грел душу? Разумеется, интерес к науке помогал находить общий язык, но не только это. Привлекала личность Срезневского. Вспоминает П. Н. Полевой, сын известного историка и журналиста: «Признаюсь, что первая лекция И. И. Срезневского меня поразила и охватила каким-то особенным жаром. Это было что-то чрезвычайно увлекательное, образное, яркое, богатое любопытными и новыми фактами. При этом много влияла сама внешность профессора: его смуглое лицо было подвижно и выразительно, а его черные большие глаза горели таким огнем, так превосходно дополняли его речь, так привлекали к нему все наше юношеское внимание, что им нельзя было не увлечься, ему нельзя было не довериться, не предаться ему всей душой!»

Не менее восторженный отзыв о Срезневском оставил и молодой Добролюбов: «Целый день насквозь у Срезневского и не жалею об этом: он меня просто очаровал сегодня своим поэтическим настроением, своим юношеским чистым влечением к науке...»

И спустя многие годы, бывая в Петербурге наездами в служебных командировках, С. И. Гуляев обязательно посещал семейство Срезневских. Об одном таком посещении вспоминает известный филолог И. Ягич: «На еженедельных вечерах у Измаила Ивановича я имел случай видеть многих его посетителей из литературного мира; помню, как я наслаждался чтением Аполлона

Майкова из его «Двух Миров», как много неизвестного о сибирской жизни узнал из рассказов приехавшего из Барнаула Гуляева, вспоминаю спор с покойным Будиловичем о судьбах славянского мира, затянувшийся далеко за полночь...»

Итак, в сознании петербургских современников имя сибирского ученого звучало рядом с именами химика Д. И. Менделеева, историка А. С. Будиловича, поэта А. Майкова и других известнейших людей русской науки и культуры прошлого столетия.

Кружок И. И. Срезневского способствовал формированию литературных вкусов и пристрастий С. И. Гуляева. Любимым чтением академика и близких к нему людей был, как известно, Н. В. Гоголь, с которым Измаил Иванович состоял в переписке. Гоголь высоко ставил собирательскую и публикаторскую деятельность Срезневского. А образы и цитаты из произведений писателя стали почти паролем для окружения ученого и часто мелькали в его переписке. Это тем более характерно, что Н. А. Добролюбов, разбиравший домашнюю библиотеку Срезневского, ужасался ее односторонности и бедности именно по части художественной.

В письме к учителю из Венеции от 21 августа 1868 года В. Ламанский благодарит Измаила Ивановича за «урок во внимательности» и тут же подыскивает параллель из «Мертвых душ»: «Вашим замечанием я был поставлен в положение почтмейстера после рассказа о капитане Копейкине». Именно этот гоголевский образ встречается и в письмах С. И. Гуляева. Жалуюсь на непонимание близких и финансовые затруднения, Гуляев писал своему зятю И. Я. Слобцову: «Я не высказывал Вам огорчения и жалоб; теперь говорю о них, вызванный действиями (по секрету сказать) капитана Копейкина, которому надо и бутылку французского вина, и театр, и котлеты, и суплеты...» Далекое не случайно это обращение к образу Копейкина. Дело в том, что еще в 1876 году Степан Иванович отослал в редакцию «Русской старины» списки знаменитых прошений мичмана Кропотова, который стал прообразом капитана Копейкина. Кропотов, уволенный из морской службы в начале царствования Александра I, оказался без средств к существованию. Бесполезность хождений по влиятельным лицам натолкнула его на счастливую мысль рассмешить и заинтересовать власть имущих необычными по форме и слогу прошениями. И вот уже

министры внутренних дел, юстиции, народного просвещения, морских сил, лесной департамент получают удивительные бумаги, составленные вроде бы по формуляру, но по языку и содержанию весьма странные. Министру внутренних дел: «Если бы вы взяли на себя труд анатомировать и раскрыть порученную вам внутренность, сколько бы вы нашли в недрах ея испорченных, силою несправедливости, кишок...»; в лесной департамент, графу Орлову: «Десять лет болтался я, плавая между водяными пузырями, наконец пузырь моего счастья лопнул, я выплыл на верх моего злополучия, нашел себя из водяных выключенным. Прикажете, ваше сиятельство, поместить меня в лесные...» и т. д.

Этот воистину раблезианский юмор, замешанный к тому же на кондовом чиновничьем канцелярите, имел социальную подоплеку. Бездушные колеса «регулярного» государства перемололи кости не одному мичману Кропотову: из такой же фантастической реальности возник тыняновский поручик Кижэ. Не от хорошей жизни человек начинает «возбуждать к себе участие жалостью, привлекать к себе внимание фокусами» (выражение И. И. Срезневского).

Но в посланиях Кропотова была одна уловка, мимо которой С. И. Гуляев пройти не мог. Каждое письмо отставного мичмана настолько полно учитывало образ адресата, что перепутать письма, даже при отсутствии обращения, было невозможно. Также писал свои письма и Степан Иванович.

* * *

Служебный перевод из Петербурга в Барнаул в 1859 году круто изменил жизнь С. И. Гуляева. Прежде всего он получил возможность непосредственно заняться собиранием фольклора русских крестьян Сибири. Даже свой переезд, несмотря на дорожные трудности и обремененность семейными заботами, Гуляев использовал для научных целей. Во все время своего полуторамесячного путешествия из Петербурга в Барнаул Степан Иванович вел дневник, «писанный, впрочем, наскоро и большей частью на облучке тарантаса». Кроме обычных дорожных впечатлений, он заносил в дневник «нужные сведения о промышленности и торговле по сделанному мне (т. е. Гуляеву. — Ю. Т.) поручению». Это поручение исходило, видимо, от научных обществ

и периодических изданий, интересующихся развитием местных производительных сил. Упомянутые дорожные записи послужили основой для нескольких пространных писем к академику И. И. Срезневскому. Письма эти — весьма ценный источник не только для исторического изучения тех мест, которые описал Гуляев, они дают прекрасный материал для выяснения его собственных взглядов и позиции по ряду экономических и культурных вопросов. Всего два примера. «Вообще все Зауралье, которое я проехал, — писал он в одном из писем, — представляет край благодатный, но еще не разработанный, особенно в земледельческом отношении — Тобольская губерния. Тамошние крестьяне сеют хлеб, преимущественно пшеницу, на одной и той же земле более 50-ти лет, без удобрения, давая только отдыхать одно лето... держат много коров, овец и домашних птиц...» А вот фрагмент того же письма с описанием Перми: «Узнав, что здесь (в Перми. — Ю. Т.) учреждена библиотека, я записался. Основанная недавно, с февраля месяца (1859 г. — Ю. Т.), по мысли учителя семинарии прекрасного человека Александра Григорьевича Воскресенского, она сделалась необходимою для пермского народонаселения, удовлетворяя возникшую потребность чтения... Задачей учредителей было доставить людям небогатым, за крайне умеренную плату, возможность читать современные журналы...»

В Барнауле Степан Иванович Гуляев получает место советника отделения частных золотых промыслов Алтайского горного правления. И хотя, как писал в письме ученый Срезневскому, он «был обласкан всеми здешними горными чиновниками, составляющими тесный кружок», но несмотря на это, — писал он, — «я не могу еще освоиться с новым моим положением и привыкнуть к местным обычаям». Надо сказать, что к «местным обычаям» Гуляев так и не привык, ибо под этим эвфемизмом подразумевалось беззастенчивое взяточничество. Беспощадная борьба с этим злом, предельная личная честность надолго создали Степану Ивановичу репутацию «странного чиновника».

В сибирский период научная деятельность С. И. Гуляева развертывается в полную силу. Его естественнонаучные интересы реализуются в различных проектах и предложениях, способствующих развитию местной промышленности и имеющих объективно буржуазное

содержание. По-прежнему собирает Гуляев фольклорный и этнографический материал, значительно расширяет сеть корреспондентов и информаторов, работающих по его заданию. Самым большим итогом собирательской деятельности С. И. Гуляева явились уникальные записи бытовавшего в Сибири русского героического эпоса.

Целевой установкой для С. И. Гуляева в его научно-краеведческой работе были программы и уставы научных обществ. Устав Академии наук (1836 г.) предписывал своим членам «...попечение о распространении просвещения вообще и о направлении оного ко благу общему...». Академия должна была «...приспособлять полезные теории и следствия опытов и ученых наблюдений к практическому потреблению...», а также «обращать труды свои непосредственно в пользу России, распространяя познания о естественных произведениях Империи... кои составляют предмет народной промышленности и торговли...».

Понятно, что для чиновника, занимающегося наукой лишь в свободное от службы время, естественно-научные интересы проявлялись в утилизации природных богатств Сибири, а на первых порах и просто в их пропаганде. Руководством к действию и в то же время практическим указанием для многих собирателей (и для Гуляева в том числе) послужила Программа изучения русского народного быта, опубликованная в 1848 году и ставившая задачу собрать материал «о тех классах населения, в коих народные особенности сохраняются наиболее полно, — весь так называемый простой сельский народ, а также и средние классы горожан — мещане, купцы, разночинцы», — указывала Программа.

Сам С. И. Гуляев с крайней щепетильностью обосновывал свои корреспонденции, обязательно указывая на их соответствие программам научных обществ и периодических изданий. Показательно в этом смысле письмо С. И. Гуляева к редактору «Отечественных записок», опубликованное в журнале и открывающее первую статью Степана Ивановича: «...вы обещали нам... изображать... жизнь нашего отечества — его быт общественный и частный, его успехи в науках, искусствах и промышленности, труды правительства и содействие частных лиц в развитии народного образования, пояснять темные места в нашей истории, раскрывать перед

нами домашнее наше житье-бытье в повести, в очерках нравов и обычаев, в преданиях, песнях и поговорах — словом, сроднять русских с родною Русью изучением ее исторической и настоящей жизни...» Предлагая в соответствии с этой программой свою статью, ученый замечает: «...мне думается, что грешно скрывать от «Отечественных записок» то, что знаешь про Русь, и я уверен, что мнение разделит со мной всякий, кто внимательно читал ваш журнал...» Отсылая в Русское географическое общество «приходно-расходную книгу» управляющего придворными садами Ф. И. Кошелева, С. И. Гуляев писал: «...так как в книге этой заключаются сведения о ценах, существовавших тогда на рабочие руки и разные предметы, Географическое же Общество обращалось, сколько помнится, к публике о сообщении ему подобных сведений, то я долгом счел представить ее Вам (барону Ф. Р. Остен-Сакену. — Ю. Т.) для Статистического Отделения».

Прогрессивную позицию занял Гуляев и по вопросу происхождения и авторстве сборника Кирши Данилова в острой дискуссии, которая развернулась в то время. Он писал: «...многие из песен, известные не только в горном округе, но, вероятно, и в других местах Сибири, имеют величайшее сходство по стихам и содержанию с поэмами Кирши Данилова; почему не справедливо думать, что те и другие созданы народным воображением и что поэтому Данилов собрал только некоторые поэмы в одно целое, а не сочинил их...» В качестве доказательства этого предположения ученый привлекает собственные наблюдения над диалектными особенностями песен, он приходит к выводу, что «происхождение песен... должно отыскиваться на северо-востоке нашего отечества...».

Выполняя подвижническую работу по собиранию устного народного творчества, С. И. Гуляев понимал срочность этой работы: «Мне желательно было бы, — писал он в Географическое общество, — собрать это дорогое народное достояние, пока не уничтоженное цивилизацией, представляющее богатый материал для будущих гениальных композиторов».

Сам Гуляев не раз подчеркивал, что целью его исследований и опытов является «извлечение пользы в обществе». Многие естественно-научные исследования Степана Ивановича были направлены на уничтожение иностранной монополии на различные изделия и полез-

ные ископаемые, на поиск более экономичных и дешевых материалов.

Программа естественно-научных занятий была, видимо, сформулирована Гуляевым лишь в самом общем виде. Часть этой программы описана им самим: «В программу моих исследований входило... обращать внимание... на чудские бугры, попадающиеся на них статуи, или, как называет их простой народ, болваны, надписи на береговых утесах, пещеры, на минеральные ключи...»

Почти всю нужную ему информацию С. И. Гуляев получал через добровольных своих помощников-корреспондентов. Нередко он сам составлял для них программы поиска (если это были естественно-научные исследования) или программы с методическими указаниями (в случае собрания фольклора). «К сожалению, — писал С. И. Гуляев, — у меня нет ни одного экземпляра программы о собирании памятников русской народной словесности. Для некоторых лиц, желающих содействовать в этом, должно было самому составлять коротенькие программы, естественно, недостаточные...»

Сеть корреспондентов С. И. Гуляева была достаточно обширной, а по социальному положению — разнообразной: крестьяне, разночинцы, священники, сельская интеллигенция. Как правило, один и тот же корреспондент работал по нескольким программам. «Исполняя Ваше поручение, — писал Гуляеву помощник, — я занялся отыскиванием песнопевцев и один уже есть на примете, за которым завтра же пошлю, а недели через две пришлю небольшую тетрадочку с песнями и сказками. Камень, про который говорил, и глину пришлю со следующей почтой: теперь же посылаю песню про «Платова казака», хотя знаю, что она у вас есть написана, но посылаю для сравнения и пишу так, как мне ее диктовали, т. е. языком простонародья...»

Разумеется, отсутствие специальной подготовки сказывалось в работе корреспондентов и на качестве их записей. Вот письмо достаточно опытного помощника С. И. Гуляева Дмитрия Соколова, приславшего краеведу несколько былин: «Милостивый государь Степан Иванович! Как я уже... уведомлял Вас, что... начну писать нужное для Вас, потому и сделал для этого на первый случай три тетради по 6 листов каждая, в надежде, что в скором времени запишу их бывальщинами,

старинными проголосьными песнями и проч., но не знаю того сам, что намерен писать; и полагаясь только на свое старание, не рассчитав наперед, с таким ли примечанием будут объяснять знающие это... — обманул себя; много осталось стариков, которые прежде умели рассказывать и петь про Князя Владимира и богатырей его: Илью Муромца и проч., а в настоящее время отозвались незнанием. За сведением об этом я провел довольно времени, но напрасно... Я приступил, — продолжает Соколов, — к исполнению следующих статей по письму Вашему, т. е. проголосьных песен и проч. — что представляю при сем; разумеется, это, может быть, самая малая часть того, что знают жители здешнего завода, но что же я буду делать, когда сам совершенно ничего не знаю того, что Вам нужно, а со справками идет дело неспешно...»

К чести Гуляева надо заметить, что он никогда не приписывал себе ту работу, которую выполняли корреспонденты и добровольные помощники. Напротив, отсылая свои фольклорно-этнографические или естественно-научные материалы издателям газет и журналов, различным научным обществам, Степан Иванович всякий раз указывал свои источники и непременно просил о присылке отдельных оттисков с напечатанными статьями, которые, вместе с его благодарностью, служили поощрением корреспондентам в их бескорыстной работе.

Научно-поисковая работа С. И. Гуляева была плодотворной: множество открытий и изобретений в естественно-научной области, превосходные фольклорно-этнографические записи, исторические исследования, публикация большого количества документов, всего около 150 статей и заметок. Поражает сама разносторонность интересов ученого: минералогия, палеонтология, горное дело, археология, фольклористика, история, — нет, пожалуй, области науки, которую бы обошел С. И. Гуляев. Свою работу он рассматривал как способ содействия экономическому и политическому процветанию России и в то же время как возможность для «мыслящего человека» избежать обывательской праздности «чиновничьей колеи». Эффективность работы ученого была обусловлена определенным уровнем развития провинциальной науки, что выражалось в ее слабой дифференцированности и давало возможность заниматься одновременно в разных областях.

Этому способствовал и организационный талант С. И. Гуляева, сумевшего создать разветвленную сеть корреспондентов и помощников в Сибири.

Именно на Алтае Гуляев ощутил общественную необходимость своей подвижнической деятельности, и беспокоила его более всего нехватка времени: «...материалов здесь находится много, что я и не знаю, достанет ли времени на ознакомление с ними», — писал он в уже упоминавшемся письме к Срезневскому.

Однако времени «доставало» на очень многое — прекрасные записи фольклора, в том числе героического былин киевского цикла, собрание этнографического материала, включая ставшее классическим описание русской крестьянской свадьбы и масленицы, десятки старопечатных книг и рукописей, собранных у старообрядцев, а среди них — редчайший список «Сказания о Мамаевом побоище», редкая же книга «Топография Козьмы Индикоплова» с семьдесятю миниатюрами, — и все это богатство Гуляев безвозмездно передавал Публичной библиотеке в Петербург. Не прошла мимо Гуляева и рукописная сибирская литература.

Так, в 1871 году он отослал издателю «Русского архива» П. И. Бартеневу вместе с вновь найденными стихотворениями Державина и «написанную солдатом Измайловского полка Василием Макаровым в 1802 г. поэму «Солдатская жизнь». Авторы академического издания «Очерков истории литературы Сибири» отмечают широкое хождение этой поэмы в среде сибиряков и ее обличительный характер. Гуляев писал о ней Бартеневу: «Сочинение Макарова я нахожу интересным в том только отношении, что в нем описываются существовавшие тогда в гвардейских полках суровые обычаи и порядки, вызвавшие известную семеновскую историю».

С негодованием отзывался он в письме к М. П. Погдину о «несовременных мерах» духовных властей, требующих изъятия и уничтожения старообрядческой литературы. «Меры эти, — писал Гуляев, — ожесточая только народ, ничего благотворного не приносят, отбираемые же книги гниют в консисторских подвалах, Синоде, в секретной канцелярии Министерства внутренних дел».

В области естественных наук в активе сибирского ученого — изобретение способа окраски овчинных ту-

лупов в черный цвет (знаменитые «барнаулки»), создание нового типа свинцовой пули (результат осмысления русских неудач в Крымской войне), акклиматизация нетрадиционных для Сибири растений и деревьев, пчеловодство и т. д. При этом — огромная переписка, связанная с популяризацией и распространением полученных результатов. С. И. Гуляев зачастую добровольно брал на себя роль посредника между промышленником и купцом, между путешественником и издателем.

Дослужившись до чина статского советника, Гуляев, конечно, не сделал головокружительной карьеры, но он и не стремился к этому. Более того, он явно тяготился невозможностью сделать научные исследования делом всей жизни.

«Попавши волсю-пewолею в чиновничью колею... по семейным обстоятельствам и заботам о завтрашнем дне, я не мог... посвятить себя исключительно любимому предмету», — писал он.

Не всегда находил Гуляев понимание у своих близких, часто попрекавших его научными занятиями. В письме к И. Я. Словцову он как-то пожаловался: «Они хотят отнять у меня то удовольствие, которое составляет потребность моей натуры; они желали бы, чтобы я, попав в чиновничью колею, погрузился бы в ней, как улитка в раковину... да без этих занятий науками жизнь человека мыслящего была бы тягостью».

Еще более обескуражила ученого сложившаяся на Алтае система казнокрадства. Все попытки пресечь это зло окончились для Гуляева резким окриком из Петербурга.

Однако ни разу не изменил он своим принципам, чему немало удивлялись другие чиновники. А ведь служил Степан Иванович уже начальником «золотого стола», т. е. отделения, которое ведало распределением золотоносных участков между частными лицами, и, по словам биографа, он пропускал «через свои руки миллионы золота».

Но вот что писал Гуляев Словцову незадолго до своей смерти: «Сейчас явился приказчик от Флягина за уплатой; на днях приходили от двух Морозовых, не знаю, что мне делать? Было три билета внутреннего займа и те заложены. Любезная моя супруга настаивает, чтобы продал дом и купил другой — маленький.

Предлагать подобные советы весьма легко, но как исполнять...»

14 мая 1888 года С. И. Гуляев умер. Биограф и близкий родственник ученого И. Я. Словцов вспоминал:

«Накануне вечером он сидел в гостях у сына; увлекшись разговором, в 9 часов он вдруг спохватился: «Надо торопиться домой, меня ждет пациент!» Он в это время лечил крестьян от ревматизма смесью осинового дегтя с минеральным маслом. На другой день после смерти, когда С. И. Гуляев лежал на столе, один из пациентов-крестьян принес на поминавание души 50 коп., считая себя должником за излечение».

Именем Гуляева названа одна из улиц Барнаула, о нем рассказывают в местном краеведческом музее. И все же мы в долгу перед памятью бескорыстного краеведа: нет научной биографии ученого, остаются неизданными прекрасные фольклорные записи, сделанные им, до сих пор не восстановлен его приоритет в некоторых естественно-научных открытиях. Но интересен нам Гуляев прежде всего как личность. Один чиновник однажды написал Степану Ивановичу: «Дай бог Вам пожить и дать мне нравственное поучение». Думается, и мы могли бы брать уроки нравственности у сибирского ученого Гуляева.

При жизни С. И. Гуляев не смог опубликовать собранный им эпический материал в полном объеме. Небольшие подборки фольклорных текстов оказались рассыпанными по дореволюционным академическим изданиям и периодике.

Только в советское время, благодаря усилиям замечательного фольклориста и историка русской культуры М. К. Азадовского, разрозненные публикации были соединены в единый сборник «Былины и исторические песни из Южной Сибири», изданный в Новосибирске в 1939 году. Заслуга Азадовского состояла не только в том, что он собрал самую полную антологию гуляевского фольклорного наследия, но и в том, что им была дана принципиальная оценка эпической традиции на Алтае, показано место С. И. Гуляева в истории русской фольклористики Сибири. Ученый подчеркнул близость сборника Гуляева к знаменитому «Сборнику Кирши Данилова»: «...оба они происходят из Западной Сибири, и в их репертуаре много общего. Вместе с тем, они сохранили более, чем какие бы то

ни было другие былинные тексты, много черт глубокой древности, что ставит оба эти сборника на одно из первых мест в русской фольклористике», — писал М. К. Азадовский.

Однако ему был неизвестен огромный архив С. И. Гуляева, содержащий автографы его информаторов и корреспондентов, и, следовательно, за пределами научного анализа оказалась «кухня» фольклориста — текстология фольклора.

Первой к архиву Степана Ивановича обратилась исследовательница Р. С. Липец, но использование ею рукописного собрания ограничилось анализом методики работы Гуляева как фольклориста.

В 1952 году И. Г. Парилов издает в Новосибирске самое полное до сих пор собрание гуляевских текстов «Былины и песни Южной Сибири». Эта книга может считаться первым собственно научным изданием русского сибирского фольклора в записи Гуляева. И. Г. Парилов проделал огромную работу по сверке черновых и беловых вариантов текстов и дал научный комментарий к каждой публикации. Однако книга, составленная Париловым, давно стала библиографической редкостью, во многом устарели и положения его вступительной статьи. Новые архивные материалы, обнаруженные в последнее время, также требуют ее переиздания. Предлагаемая читателю книга содержит новую вступительную статью и подборку писем ученого и его корреспондентов. Большинство писем публикуется впервые.

Эта переписка представляет собой ценнейший источник для изучения не только биографии и деятельности ученого, но также уровня краеведческой работы и общения сибирской интеллигенции. В книге представлена лишь малая толика огромного эпистолярного наследия Гуляева, исчисляемого тысячами писем, и частично уже утраченного безвозвратно. К счастью, эпистолярное поведение ученого отличалось высокой культурой не только в смысле понимания своих корреспондентов, но и в составлении черновика на каждое значимое письмо. Черновой вариант, таким образом, может заменить для нас утраченные тексты, но и сам по себе он важен: сличение беловика письма с черновиком показывает своим несопадением процесс мышления автора, раскрывает его творческую лабораторию.

Когда читаешь письма Степана Ивановича, в глаза бросается одна присущая им черта: желание услужить. В этом слове не только нет ничего обидного, наоборот, оно как бы выражает бескорыстие ученого. Он очень старался быть всем полезным, независимо от чина и уровня собеседника. Он мог, например, уже будучи старым и больным человеком, поехать плохой дорогой за сотни верст, чтобы приобрести редкую рукопись, а потом безвозмездно передать ее в публичную библиотеку. Или, отложив срочные дела, засесть за воспоминания о покойном друге-фольклористе П. И. Якушкине, когда его об этом просили.

Заметен в письмах С. И. Гуляева и такой энергичный интерес ко всему окружающему, который в настоящее время именуется активной жизненной позицией. Теперь трудно сказать, являлся ли этот интерес результатом энциклопедичности занятий ученого или, наоборот, энциклопедичность была следствием этого интереса. Ясно одно: главным двигателем в деятельности Гуляева было осознанное желание экономического и культурного процветания Сибири.

В переписке Степана Ивановича упомянуты десятки добровольных помощников и крестьянских умельцев; значит, возможен новый архивный поиск, воссоздание новых безвестных биографий.

Особенно важна переписка Гуляева для понимания его «полевой» работы как фольклориста и этнографа. Изучение его писем-отчетов развенчивает предубеждения против методики записи и воспроизведения текстов и позволяет отнести С. И. Гуляева к передовым фольклористам середины XIX века.

Можно надеяться, что первая в нашей литературе публикация писем Гуляева и его корреспондентов поможет понять настоящий масштаб его научной деятельности, а также откроет традицию дальнейших публикаций его переписки.

* * *

Уходящие десятилетия неизбежно меняют акценты в восприятии фольклорного наследия прошлого. Но чем глубже пропасть между человеком и породившей его природой, чем выше степень нашего вмешательства в самые основы биологического существования, тем

настойчивее в нас потребность возвращения к истокам. По гениальному выражению Пушкина, «одна только история народа может объяснить истинные требования онога». А фольклор — это и есть начало истории.

Вот почему «ностальгия по настоящему» упорно зовет нас оглянуться назад, чтобы лучше увидеть будущее.

Ю. Л. Троицкий

БЫЛИНЫ

Степан Иванович делается ревностным собирателем народных былин, песен, сказок, подмечает варианты русских напевов, варианты в тексте; начинает разбираться — какие песни и напевы откуда занесены.

И. Я. Словцов

Со слов крестьянина
Леонтия Тупицына в Барнауле

1

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Первая поездка его в Киев

Прежде всего Тупицын рассказал известное предание о том, как Илья Муромец сиднем сидел тридцать лет и потом получил силу богатырскую, как отец его купил ему жеребёнка у попа за 300 рублей и как в первый раз отправился Илья Муромец поленичать¹.

Выводил Илья Муромец добра коня
Из завозеньки из новья,
Накладывал он потнички бумажные,
На потнички седельшко черкасское,
⁵ Крал обет на палицу боевую,
И на саблю на острую,
На копые мурзалецкое,
Чтобы не увязывать до города до Киева,
До солнышка до Сеславьева.
¹⁰ И ставал в стремяшко гольяшное,
И садился в седельшко черкасское.
Не ясен сокол в перелет летал,
Не белый кречет перепархивал,
Туто ехал удалой добрый молодец,

---

¹ Примечание Гуляева, ГААК, ф. 163, д. 214, л. 226.

- 15 Старый казак Илья Муромец.
Он и едет ко городу ко Кидошу.
Над Кидошом градом по грехам учинилося:
Подступала сила поганая.
Бил, топтал он силу поганую,
- 20 Бил, топтал трои суточки,
Не пиваючи, не едаючи,
Со добра коня не слезаючи.
И во том во городе во Кидоше
Выходили попы, отцы дьяконы,
- 25 Выносили образа и иконы святы,
И служили они службу молебную.
«То ли город наш бог защитил,
То ли ангел святой,
И выбил, вытоптал силу поганую?»
- 30 И едет старый казак ко городу Кидошу,
И едет мимо той церкви соборныя,
И говорят попы, отцы дьяконы:
«Ой ты гой еси, удалой добрый молодец!
Садись за стол хлеб-соль кушати,
- 35 Ты скажи нам свою отчнну».
Проговорил удалой добрый молодец:
«Я по поездке Юриш-Марш-Шишмаретин,
По потехе Борис-королевич млад;
Не изволю я хлеб-соль кушати,
- 40 А скажите мне дорожку прямоезжую
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву».
И проговорят попы, отцы дьяконы:
- 45 «Ой ты гой еси, удалой добрый молодец!
Больша де дорожка прямоезжая
Прямо шла во стольный Киев-град,
Дак залег Соловей-разбойник,
Не пропускает ни конного, ни пешего».
- 50 Проговорил удалой добрый молодец:

- «Мне туда и дорога-путь».
И подъезжает он к батюшке Днепру-реке.
Не случилось ни мостов, ни переездчиков.
И зачал удалой, добрый молодец дубье рвать,
55 Зачал он через Днепр-реку мост мостить,
Переезжât через Днепр-реку на ту сторону.
И слышал Соловей, вор-разбойничек,
И слышал за пятнадцать верст,
И летит навстречу добру молодцу;
60 И садился он на сырой дуб кряковистой,
И приклонялся сырой дуб ко сырой земле.
Засвистал Соловей по-соловьинному,
Зашипел Соловей по-змеинному,
Заревел Соловей по-звериному.
65 Под Ильею конь пал накорач.
И выдергивал он шельгу подорожную,
Стегал коня по тучным бедрам,
Сам, молодец, приговаривал:
«Ах ты, волчья сыть, травяной мешок!
70 Не слышал ты свисту богатырского,
Не слышал ты шипу змеиного,
Не слышал ты реву звериного?»
Тут конь под Ильей рассержается:
Он скакал выше лесу стоячего,
75 Ниже облака ходячего.
И брал старой свой тугой лук,
И брал из колчана калену стрелу,
И клал он на тетивку шелковую,
Стрелял Соловья, вора-разбойника,
80 Попадал ему в правый глаз,
И падает Соловей на сыру землю,
И приковал его ко стремяну,
Ведёт его по чисту полю,
И ведёт его ко высоко терему,
85 У Соловья, вора-разбойника,
Дочь была сдогадлива:

- Отворяла она вороточки широкие,
На ворота клала сабельку острую,
Хотела срезать старому буйну голову:
- 90 «Ой ты гой еси, удалой добрый молодец!
Заезжай ко мне ты на широкий двор!»
А старый казак был сдогадливой;
Берет он ее на чинжалище острое,
Бросат ее на сыру землю.
- 95 И едет добрый молодец чистым полем,
И видит он в поле девять молодцов,
Девять молодцов в кулачки бьются
И сами говорят таковы слова:
«Вон батюшко едет, мужика ведет».
- 100 Наотворот того другі говорят:
«Нет, мужик-от ведет нашего батюшка».
И едет старый мимо молодцов.
Они хочут похитить добра молодца.
Проговорит старый казак Илья Муромец:
- 105 «Закликни ты своих малых детей,
Не закликнешь — самого смерти предам».
Проговорит Соловей, вор-разбойник:
«Не троньте вы удала-добра молодца;
У меня силушки не с вашу есть,
- 110 Да старый казак в горсти зажал,
Насыпайте вы тележки златокованы,
Насыпайте золота, серебра,
Везите во стольный Киев-град
И везите на царев кабака,
- 115 Пойте вы добра молодца и чествуйте,
Чтобы он меня пустил в живности».
Едет Илья Муромец чистым полем
И видит опять девять сынов
Соловья, вора-разбойника,
- 120 В кулачки бьются.
Опять напирают на Илью Муромца.
Соловей им тут опять отказал:

- «Вы не троньте стара казака,
Стара казака, Илью Муромца,
125 Вы не троньте, лучше кланяйтесь».
Едет он опять чистым полем
И завидел опять: девять сынов в кулачки бьются,
И те опять напирают на стара казака,
Стара казака Илью Муромца.
- 130 Проговорит Соловей, вор-разбойник:
«Не троньте вы молодца прямоезжего,
У меня силы не с вашей, да старый
в горсти зажал».
- И немного у него сынов — только
двадцать семь.
- И едет старый ко городу, ко Киеву,
135 Ко ласковому князю Владимиру;
И едет на улицу на широкую,
Ко тому ко терему высокому,
Ко тому окошечку стекольчату.
Со добра коня старый соскакивал,
140 Ни к чему коня он не привязывал,
Никому коня он не приказывал.
Идет к воротичкам решетчатым,
И спросил он у ворот приворотников,
И спросил он у дверей придверников,
145 Отворял он двери помалешеньку.
И ступал он в палату потихошеньку.
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Кланяется на все стороны:
- 150 «Здравствуешь, ласковый Владимир-князь,
И со душечкой со княгинею!»
Князьям-боярам — наособицу.
Говорят ласковый Владимир-князь:
«Добро жаловать, удалой, добрый молодец!
155 Ты скажи нам, добрый молодец, свою отчину».
«Ой ты гой еси, ласковый Владимир-князь!

- Из того я города из Мурома.
Старый казак Илья Муромец.
Ехал я мимо Днепра-реки,
160 Очистил вам дорожку прямоезжую». Злые бояре подмолчивые
Говорят таковы слова:
«Мужик ты, мужик, деревенщина,
Хвастаешь не былёй своей,
165 Чужим именем называешься:
Где тебе похитить Соловья, вора-разбойника!»
Тут старому за беду стало,
За великую досаду показалось.
Говорит он таковы слова:
170 «Гой еси ты, ласковый Владимир-князь!
Скрой ты оконенку стеклянную,
Посмотри на улицу на широку,
Стоит ли мой добрый конь?»
Послушал его ласковый Владимир-князь,
175 Скрыл оконенку стеклянную,
Посмотрел на улицу на широку
И увидел, что стоит добрый конь
С Соловьем, вором-разбойником.
Тут старому за беду стало,
180 За великую досаду показалось,
Надевал он черну шляпу, вон пошёл.
Тут ласковый Владимир-князь
Наливает чару зелена вина
И бежит скоро на красно крыльцо:
185 «Ой ты гой еси, удалый добрый молодец,
Хоть выпей ты чару зелена вина!»
И проговорит старый казак Илья Муромец:
«Ах ты гой еси, батюшка Владимир-князь!
190 На приходе ты гостя не употчевал,
На походе ты гостя не учествуешь».
И зашёл старый на царев кабак,
Пил-гулял трои суточки.

- Проговорит ласковый Владимир-князь:
195 «Ох ты гой еси, мой верный ключничек,
Ты поди позови Илью Муромца
Ко ласкову князю Владимиру,
Позови ты его на почестный пир,
Позови ты его честнешенько,
И кланяйся ему низешенько».
- 200 Тут ключничек не ослушался,
Зовет стара казака Илью Муромца:
«Пожалуйте, старый казак Илья Муромец,
И пожалуйте, тебя князь зовет,
Князь зовет да на почестный пир».
- 205 Тут старый не ослушался:
Надевает черну шляпу, вон идет,
Идёт он на улицу на широку,
Ко тому ко терему высокому,
Отворят он двери помалешеньку,
- 210 Запират он двери потихошеньку,
Крест кладет, старый, по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Кланяется на все стороны:
«Здравствуешь, ласковый Владимир-князь,
215 Со душечкою со княгинею!
Князья, бояре — наособицу!»
- Проговорит ласковый Владимир-князь:
«Добро жаловать, удалый добрый молодец,
Ты старый казак, Илья Муромец!
- 220 Ты садись-ко на лавочку булавуую,
За один стол хлеб-соль кушати».
Наливает князь чару зелена вина,
Не малу чару — в полтора ведра,
Подает удалу добру молодцу.
- 225 Принимает молодец единой рукой,
Выпивает молодец единым духом.
Проговорит ласковый Владимир-князь:
«Гой еси ты, старой казак,

- Ты, старой казак, Илья Муромец!
230 Приведи ты Соловья, вора-разбойника,
Во мой во высок терем,
В мою палату белокаменну,
Заставь посвистать по-соловьему,
Заставь пошипеть по-змеиному,
235 Заставь пореветь по-звериному». *Тут старый казак вставал на ноги,
Идет на улицу на широкую,
Ко своему коню доброму,
Отвязыва́т Соловья, вора-разбойника.*
240 От того стременышка гольяшного,
Ведет в палату белокаменну,
Заставляет свистать в полсвиста,
Пошипеть помалешеньку,
Пореветь потихошеньку.
245 Берет старый казак князя под пазуху,
Молоду княгиню под другу руку.
Зачал Соловей свистать по-соловьему;
Тут бояре оглушились,
Падают они на кирпичат пол.
250 Стал унимать Соловья Илья Муромец.
Тут Соловей прирассёрдился,
Хотел оглушить Илью Муромца, —
Все окошечки повылетели,
Новая палата вскрылася.
255 Тут старому за беду стало,
Сохватил он саблю острую
И ссек Соловью буйну голову.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЦАРЬ КАЛИН

Поднимался собака злой Калин-царь,
И с ним было силушки сорок царей
со царевичем.

- И сорок королей с королевичем;
У каждого царя силы по три тысячи,
5 И с самим царем силы не сказано.
И подступал он под стольный Киев-град,
И ехал через батюшку Днепр-реку,
Становился на луга на зеленые,
Разоставлял белы шатры полотняны,
10 И стал в шатрах опочив держать.
Не спится собаке, вдвое грезится.
Выходил собака из бела шатра,
Говорил собака таковы слова:
«Гой еси, мои слуги верные, сорок царей!»
15 Несите мне ременчат стул,
Станемте мы думушку думати,
Кого мы пошлём в стольный Киев-град?
А есть у нас татарин трех сажен,
В толщину татарин шести аршин,
20 У него голова, как сена копна,
У него глаза, как пивны ковши,
Промежду глазами калена стрела,
Промежду ушами туг-зеленый лук».
И тут татарин не ослушался,
25 Бежит татарин во стольный Киев-град
Ко ласкову князю Володимиру,

- Ко солнышку ко Сеславьеву;
Бежит на улицу на широко
И воходит в палату белокаменну.
- 30 Богу собака не молится
И ласкову князю не кланяется,
И сам говорит таковы слова:
«Сгой еси ты, ласковый Владимир-князь!
Сдавай ты нам стольный Киев-град
- 35 Без бою, без драки и без рубежа,
Без того кроволитья напраснова;
Девок, баб мы пленницам выловим,
Самово князя в полон возьмем».
- 40 Тут-то Владимир-князь испужается,
Его резвые ноги подсекаются,
И белые руки опустилися,
И буйна голова зачем с плеч не катится.
Есть у батюшки Днепра-реки,
Уж как ездил там удалой добрый молодец,
- 45 Под ним добрый конь как бы лютый зверь,
И сам на коне, как сокол, сидит.
По имени старый казак Илья Муромец;
И сам он говорит таковы слова:
«Что ты, батюшка наш, Днепр-река,
50 Не по-старому течешь, не по-прежнему.
Посередь тебя струичка кровавая?»
Будто провещует батюшка Днепр-река
Старому казаку Илье Муромцу:
«Ехал ко мне злой Кáлин-царь,
55 Злой Кáлин-царь, сын Смородьевич,
Подступал он под стольный Киев-град,
Становился он на луга на зеленые,
И просит он у князя поединщика».
- 60 И тут старому за беду стало,
Поворачивал он своего добра коня,
Поворотил свое лицо белое,
И бежит он скоро в стольный Киев-град,

- И ко ласкову князю Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьеву.
- 65 И бежит на улицу на широку,
И соскакивал старой со добра коня,
Не спрашивал у ворот приворотников,
Не спрашивал у дверей придверников,
Отворял он двери помалешеньку,
- 70 Запирал он двери потихошеньку,
Воходил он во светлую во светлицу;
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому:
«Здравствуешь, ласковый Владимир-князь,
- 75 И со душечкой со княгинею!»
Князь не может ему ответу дать.
«Что у те, князь, за болван стоит,
Болван стоит да неотесанный?»
Взял поднял свою черну шляпу
- 80 И ударил татарина поганова,
И прошиб он стену белокаменну,
И улетел татарин за три версты,
За три версты пятисотные.
И тут князь возрадуется,
- 85 Наливает он чару зелена вина,
Не малую чару — в полтора ведра,
Дает чару Илье Муромцу.
Принимат старый единой рукой,
Выпиват старый единым духом.
- 90 Отошедши, старый поклоняется.
И говорит ласковый Владимир-князь,
Говорит таковы слова:
«Сгой еси ты, старый казак,
Старый казак Илья Муромец!
- 95 Послужи ты мне верой-правдою,
Верой-правдою неизменною.
Согони ты собаку, зла Калына-царя,
С моего поля зеленова».

- Говорит князю Илья Муромец:
- 100 «Послужу я тебе верой-правдою,
Верой-правдою неизменною,
Только дай ты мне благословеньицо».
И садился старый на добра коня,
И едет он в церковь соборную,
- 105 И входил он в церковь соборную
И ставил он свечу воска ярова
Перед матерью пресвятой богородицей,
И сам ставал на колена,
И поднимал свои руце ко верху:
- 110 «Мати божия, пречистая богородица,
Пособи ты мне согнать зла Калина-царя;
За твой я дом стою — церкву соборную,
И за тебя, мать пресвятая богородица!»
И встал и пошел из церкви соборныя.
- 115 И садился он на добра коня.
И едет ко своей матери родимья,
И мать его выходит на красно крыльцо,
И встречает она сына на радостях.
«Здравствуешь, моя матушка родимая!
- 120 Здорово ты живёшь здоровешенько?»
«Я, милый сын, здорова и здоровешенька;
Дак у нас, у ласкова князя Володимира,
Не так здорово,
Подступал собака злой Калин-царь,
- 125 И просит он поединщика».
«Дак благословляй ты, матушка родимая,
Мне съездить согнать царя Калина,
Согнать со чиста поля».
Ну и зачал он по силе поезживать,
- 130 И зачал татар поколачивать,
И куда едет — делат улицу,
И куда повернет — переулочки.
И злые татары сдогадливые,
И копали они шанцы глубокие,

- 135 И становили в них сабли вострые;
Первый шанец конь перескочил,
Второй шанец бог перенес,
В третий шанец конь вскочил,
Сабли в шанце раздвоилися;
- 140 Тут татары задавили Илью Муромца,
И связали ему руки белыя,
Сковали ему ножки резвыя,
И ведут его к царю Калину,
И бьет его Калѣин-царь по белу лицу.
- 145 И бегаёт его маленький Калѣиненочек,
Калѣиненочек, маленький цареночек;
«Не довлѣть тебе молодца бить по белу лицу,
И тебе лучше бы молодца уговаривать».
Тут-то молодцу за беду стало,
- 150 Поднимает он кверху руки белые:
«Спас ли ты, боже милостивый,
За твой я дом стою, пресвятая богородица!».
Не попало старому казаку Ильѣ Муромцу,
Не попало палицы боевыя,
- 155 Не попало ему сабли вострыя,
Не попало копья мурзамецкого;
Встряхнулся, ничего не стало на нём,
Попал ему татарин трех сажень,
И сохватал он татарина за резвы ноги
- 160 И стал по силе похаживать,
И зачал татар поколачивать,
Поколачивать силу татаринном.
И куда идет — делат улицу,
Во сторону вернет — переулочки;
- 165 И согнал собаку со чиста поля.

ПРО ИЛЮ МУРОМЦА И ЦАРЯ КАЛИНА

- У ласкова князя у Владимира
Заводился пир на веселе:
Собиралися князья, бояра,
Сильные могучие богатыри
5 И вся поленица удалая.
Заводился пир в полупире,
Сахарные кушанья в полукушанье,
Питья медвяны в полупитье.
Стали бояры наедатися,
10 Стали они напиватися,
Стали бояры призахвастываться:
Кто хвастает чистым серебром,
Кто хвастает красным золотом,
Кто хвастает скатным жемчугом,
15 Кто хвастает золотой казной...
Как возговорит Владимир-князь:
«Полно вам, бояры, хвастати!
Стану я вас дарить, жаловать,
Кого буду дарить чистым серебром,
20 Кого буду дарить красным золотом,
Кого — скатным жемчугом».
Тот-то стала говорить княгиня:
«Ты гой еси, батюшка Владимир-князь!
Всех ударил ты, всех ужаловал;
25 Одного только удалого добра молодца
Не дарил ты и не жаловал,

- По имени Илью Муромца».
«Ты глупая, княгиня, неразумная!
Подарю я удала доброго молодца
30 Теми дарами, которые мне пришли
От татарина, от Бусурманова:
Подарю я его той шубой соболиною».
Илья Муромец берёт шубу за один рукав
И бьёт шубу о кирпичат пол,
35 Сам к шубе приговаривает:
«Велел-то мне бог шубу бить
О кирпичат пол;
Велит ли мне бог бивать
Татарина Бусурманова!»
40 Тут князья и бояры подмолвились:
«Гой еси, батюшко, Владимир-князь!
Всем-то нам твои дары по любви пришли,
Одному-то удалому молодцу
Дары те не по любви пришли,
45 Что по имени-то Илье Муромцу:
Он берет шубу за один рукав
И бьет о кирпичат пол
И сам к шубе приговаривает:
«Велел бог бивать шубу о кирпичат пол,
50 Велит ли бивать князя Владимира?»
Тут-то Владимир-князь вскричал:
«Вы гой еси, слуги верные и неизменные,
Скурлаты мои, немилостивые!
Возьмите-ко удалого доброго молодца,
55 Что по имени-то Илью Муромца;
Поведите его на горы на высокие.
Бросьте его в погребы глубокие,
Задёрните решетками железными,
Завалите чашей, хрящом-камнем!»
60 Тут взяли удалого молодца
Скурлаты немилостивые,
Повели на горы на высокие.

- Бросили в погребы глубокие,
Задержали решетками железными,
65 Завалили чашей, хрящом-камнем!
Княгиня была сдогадливая:
Копала подкопы под те погребы глубоки,
Поила и кормила удалого молодца,
Илью Муромца, ровно три годы.
- 70 Через три года накатилась сила неверная,
Того было царя Калины,
Обстала престольный Киев-град
Вокруг на шестьдесят верст.
Тут весьма Владимир-князь
75 Закручинился и запечалился.
Повесил буйну голову на праву сторону,
Потупил очи ясные в кирпичат пол.
Тут ему княгиня подмолвилась:
«Что ты, батюшко, Владимир-князь,
80 Закручинился, запечалился,
Повесил буйну голову на праву сторону,
Потупил очи ясны во кирпичат пол?»
«Ты гой еси, княгиня, неразумная!
Накатилась на нас сила неверная,
85 Того было царя Калины,
Обстала престольный Киев-град
Вокруг на шестьдесят верст;
А нет у нас стоятеля и оберегателя —
Удалова, добра молодца Ильи Муромца!»
- 90 Говорит тут княгиня князю Владимиру:
«Ты гой еси, батюшка, Владимир-князь!
Ты вскричи своим слугам верным
и неизменным
Скурлатам немилостивым,
Чтобы сходили они на горы на высокие,
95 Развалили чащи, хрящи-камни
И отворили решетки железные,
Посмотрели бы удалова добра молодца,

- По имени Илью Муромца:
Не жив ли он?»
- 100 Отвечает ей Владимир-князь:
«Ах ты, глупая княгиня, неразумная!
Сними-ко себе буйную голову, —
То приростет ли она снова?
Так будет ли жив через три годы».
- 105 Говорит княгиня князю Владимиру:
«Посылай только, он жив сидит».
Выходил князь Владимир на красно крыльцо,
И вскричал своим голосом
Слугам верным и неизменным:
- 110 «Вы гой еси, слуги верные!
Вы подите-ко на горы на высокие,
Развалите чащи, хрящи-камни,
Раздерните решетки железные:
Посмотрите, жив или нет Илья Муромец?»
- 115 Пошли слуги на горы на высокие,
Развалили чащи, хрящи-камни,
Отворили решетки железные,
И вскричали:
«Ты гой еси, удалый добрый молодец!
- 120 Илья Муромец!
Жив ли ты или нет?»
Он отвечает: жив я, удалой доброй молодец,
Илья Муромец!
Тут спускали к нему лестницы,
- 125 В погребы глубокие;
И выходил Илья Муромец,
И повели его к князю Владимиру.
Говорит тут ему Илья Муромец:
«Ты гой еси, батюшко, великий князь!
- 130 Нет у меня коня доброго
И всей сбруи богатырския».
Тут Владимир-князь приказывал
Привести его коня доброго,

- Принести палицу боёвую,
135 Саблю вострую, копьё бурземецкое.
И седлал Илья Муромец тут коня доброва,
Надевал на себя всю сбрую богатырскую,
Садился на коня и вскричал:
«Ты гой еси, батюшко, Владимир-князь!
140 Подай-ко мне своих изменщиков!»
Привели к нему князей-бояров,
И он им посек головы,
И побежал он в силу неверную,
Бегал по силе день до вечера,
145 Темную ночь до бела света;
Второй день бегал до вечера,
Вторую ночь до бела света;
Третий день бегал до вечера,
Третью ночь до бела света;
150 Тогда порешил он силу неверную,
Прибежал и спал трои сутки.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И БОГАТЫРЬ ТУРОК

- Как из далеча, из чиста поля,
Из раздольица из широкова,
Высзжает тут старый казак,
Стар-старый казак Илья Муромец.
- ⁵ На своем-то он на добром коне,
На левой бедре сабля вострая,
Во правой руке тупо копые.
Он тупым копыем подпирается,
Своей храбростью похваляется:
- ¹⁰ «Что велит ли бог в Царе-граде быть?
Я старых турков всех повырублю,
Молодых турчат во полон возьму».
Не откуль взялся богатырь Турок:
С Ильей съехался, не здоровался;
- ¹⁵ Приразъехались, приударились.
Он и бьет Илью вострым концом,
Илья Муромец бьет тупым копыем;
Он сшибает Турка со добра коня.
Уж как пал Турок на сыру землю;
- ²⁰ Он поддел Турка на тупо копые,
Он понес Турка во чисто поле,
Во чисто поле, к морю синему.
Он бросал Турка во сине море:
Как сине море всколыбалось,
- ²⁵ На пески вода разливалась.

ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И АЛЕШЕ ПОПОВИЧЕ

- Уж как по морю-то было, по морю,
По синему морю Хвалынскому,
Уж как плавал там Сокол-корабль;
Он и плавал там ровно тридцать лет.
- ⁵ По крутым бережкам не причаливал,
Рудожелтого песку в глаза не видывал,
На якоре Сокол не ставал.
Хорошо этот кораблик изукрашен был,
Изукрашен был плисом-бархатом.
- ¹⁰ Нос у корабля по-сокольному,
Корма у корабля по-змеинному.
Носом владел Алеша Попович млад,
Кормой владел Многолюд богатырь,
А всем кораблем — Илья Муромец.
- ¹⁵ На Муромце кафтан хрущатой камки;
На кафтане были пуговики вальсяжные:
Что в каждой пуговке по камешку,
Что в каждом камешке по люту льву.
Нападали на Сокол-корабль разбойники,
- ²⁰ Что крымские татары со калмыками,
Хотели они корабль в полон себе взять.
Илья Муромец по кораблю похаживаёт,
Своей тросточкой по пуговкам поваживаёт,
Золоты пуговики в кафтане разгораются,
- ²⁵ Лютые звери в пуговках разсержаются.
Уж как крымские татары испугались,
С корабля во сине море побросались.

ПРО ИЛЮ МУРОМЦА И ТУГАРИНА

- Как было то к князю ко Володимеру
 Князья-бóяре собирались,
 Собирались, низко кланялись,
 Становились в победный круг,
 5 Речи слушали княжецкие.
 Молвил слово Володимер-князь:
 «Князья-бóяре вы мои верные,
 А и головы у вас разумные, —
 Изберите вы молодца из промеж себя.
 10 А я дам ему рать мою сильную;
 А кто похочет, тот с ним пойдет,
 А кто с ним нейдет — тот останется
 Берегчи князя со княгинею».
 Князья-бóяре слово слушали;
 15 Слово выслушав, поклонилися,
 Стали думати думу крепкую.
 Надумали, говорили таково слово:
 «Гой еси ты, ласков Володимер-князь!
 Мы все с тобой, со княгинею,
 20 За тсбя положим наши головы,
 А рать поведет Илья Муромец:
 Мы дадим ему наших детушек,
 Коней смелых, сабли острые,
 Стрелы меткие со туга лука».
 25 На том дело порешилося.
 Слали гонца к Илье Муромцу:
 «Спехом спеши, рать в поле веди
 На того ли ворога на Загорскова,
 На Тугарина на Белевича».
 30 В те поры Ильи Муромца дома не случилось;
 Полевал он далече во чистом поле, —

Зверя лютова на копье ловил,
Соболей, куниц на низок низал.
Во дворе была токмо Савишна,
35 Молода жена Ильи Муромца.
Слышит слово молода жена Савишна, —
Грозен наказ княжецкой-ат, —
Молодое сердце надорвалось:
«Добро, — молвит, — ты, гонец, назад беги,
40 А Илья за тобой не замешкает».
Проводила она гонца ласково,
Наказала коня седлать доброва,
Одевалась в платье богатырское,
Не забыла колчан каленых стрел,
45 Тугой лук, саблю острую;
Как села в седло, только и видели.
И поехала ко городу Киеву,
К великому князю к Володимеру.
Как завидели князья-бояре богатырский скок,
50 Как слышали князья-бояре богатырский

свист —

Не дивилися долго скоку, посвисту.
Высылали спешно всю рать могучую,
Сами к ласкову князю воротилися:
«Пошла-де рать с Ильей Муромцем,
55 А Тугарину-де с ним не сдобровать».
Далеко в чистом поле рати стретились.
У Тугарина рать — туча черная,
Княжецкая рать — молонья светлая.
Как сошлись, не взвиделись.
60 А и Тугарин не взвидел бела дня,
Убежал он в свои улусы Загорские,
Проклинаючи богатыря Илью Муромца.
А богатырь Илья Муромец
Знать не знал, ведать не ведал,
65 Кто за него бился с Тугарином.
(Служил службу царскую, государскую).

ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И БОРИСКЕ

- Что по край было синего моря,
На заставе на богатырской,
Стояли тут пять богатырей:
Первой — Илья Муромец,
5 Второй — Кольван сын Иванович,
Третий — Самсон сын Васильевич,
Четвертый — Добрыня Никитич млад,
И пятый — Алеша Попович.
Не пропускали они ни конного,
10 Ни конного и ни пешего,
Ни царского и ни боярского;
Ни зверя рысучего,
Ни птицы летучей.
Млад ясен сокол летит —
15 Перо выронит;
Добрый молодец убежит —
Головой вершит.
На заре, заре ранней утренней,
На рассветичке свету белого,
20 На восходе солнца ясного, —
От сна Илья пробуждается.
Выходил Илья из белого шатра,
Пошел Илья на Днепр-реку умываться;
А сам зрел, смотрел во чистое поле;
25 Завидел Илья удалого добра молодца;
Под молодцом конь — как лютой зверь,
На коне молодец, как ясен сокол;

- Хороша управа молодецкая,
Хороши его доспехи богатырские.
- 30 По правую руку летит ясён сокол,
Во руках держит третра-перо,
Сквозь пера не видать лица белого,
Не мог признать Илья удалого доброго
молодца.
- Приходил Илья ко белым шатрам,
35 Выходил среди кругá,
Говорил Илья таковы слова:
«Братцы вы мои, товарищи!
Кто из вас поудалее всех?
У кого конь порыскучее, —
- 40 Бежать за удалым добрым мóлодцом,
Расспросить его о дедине, отчине,
И чей такой добрый мóлодец?
Царь или царевич,
Король или королевич,
- 45 Или русский могучий богатырь?
Если русский богатырь — то побрататься,
А неверный — переведаться.
Ответ держит Алеша Попович:
«Я из вас поудалее всех,
- 50 У меня конь порыскучее».
Побежал Алеша за добрым мóлодцом:
Бежал он день до вечера,
Темную ночь до белá светá.
Нагнал он доброго мóлодца
- 55 На рассветечке свету белого,
На восходе солнца ясного;
И кричит Алеша звучным голосом:
«Ты постой, добрый мóлодец!
Ты или русской богатырь, —
- 60 Или засельщина-деревенщина;
Ты коня украл, или мужика убил,
А сюда заехал — хвастаешь,

- Чужим именем называешься?»
Тут-то Бориску за беду стало,
65 За великую досаду показалось;
Поворачивал он коня, как люта зверя,
Навстречу к Алеше Поповичу;
Берет Алешу за белы руки,
Снимает его с добра коня,
70 Кладет на тучные бедра.
Вынимает шелепугу подорожную;
Стегал он Алешу Поповича
И посадил его на доброго коня.
Едет Алеша пьян, шатается,
75 Ко добру-коню приклоняется.
Завидел Алешу Поповича Илья Муромец:
«Говорил я тебе, Алеша, наказывал, —
Не пей ты, Алеша, зелена вина,
Не ешь сладких пряничков».
80 Отвечает Алеша Илье Муромцу:
«Рад бы я не пить зелена вина
И не есть сладких пряничков.
Напоил меня удалый добрый молодец
дó пьяна.
И накормил он меня дó сыта,
85 Той шелепугой подорожною!»
Хватал Илья своего коня,
Побежал он за добрым молодцом;
Бежал Илья день до вечера;
Нагнал удала добра молодца.
90 На рассвете свету белого,
На восходе солнца ясного,
Ударились они палицами боёвыми,
Палицы их разгорались,
В руках изломались.
95 Скакали они со добрых коней,
Схватились они за белые руки.
Тут-то Бориско — на носок востёр —

- Сшибал Илью на сырую землю
И садился ему на белые груди.
- 100 И говорил Илья таковы слова:
«Ты, базыга, базыга старая!
Зачем ты на малого отрока напускаешься?»
Берёт его Илья на белые руки,
Стаёт на резвы ноги,
- 105 Метал его выше дерева стоячего,
Ниже облака ходячего,
Не допускал его до сырой земли,
Подхватывал его на руки белые.
Тут-то Бориско приужахнулся.
- 110 И говорил Бориско таковы слова:
«Охота ты, охота, моя молодецкая,
Полетай-ко, охота, к моей матушке,
Спроси-ко ты у моей матушки, как с Ильей
переведаться?»
- 115 «Говорила я тебе, дитя, наказывала:
Где ты с Ильей съедешься, —
Только Илье низко кланяйся:
По роду Илья тебе отец родной».

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН ЕГО

- На матушке на Днепре-реке
Стояли три шатерчика,
Во тех шатрах три богатыря:
Первый-от богатырь — Илья Муромец,
5 Второй-от богатырь — Иван русский,
Третий-от богатырь — Алеша Поповский сын.
По утру-то было рано ранешенько,
Выходил-то Илья Муромец
Из своего шатра белополотняного
10 На Днепру-реке умыватися.
Увидал-то Илья Муромец
На гнедом коне млада юношу.
Из-за копья щита не видать его.
Говорил-то Илья Муромец
15 Своим друзьям-товарищам:
«Кто из нас, братцы, поудалее всех,
А добрый конь порезвее всех,
Догнать, достичь младаго юношу,
Спросить его, каких родов, каких городов.
20 Если русский богатырь — побратуемся,
А неверный богатырь — переведаемся».
Тогда сказал Алеша Поповский сын:
«Уж как я-то, братцы, поверчее вас,
А мой добрый конь порезвее всех».
25 Тогда седлал он добра коня
И бежал с утра день до вечера
И догнал, достиг доброго молодца

- И вскричал своим вешшим голосом:
«Ты стой, постой, добрый молодец,
30 Ты скажи, каких родов, какого города,
Если русский богатырь — побратуемся,
А неверный богатырь — переведаемся».
Тут-то молодой юноша
Обращал своего добра коня,
35 И схватил-то он Алешу Поповича
И бросил-то его поперек седла
И драл его шелепугой подорожной.
Тут-то Алеша Попович возмолился:
«Отпусти и свободи, молодой юноша,
40 Я не стану хвалиться твоей силою».
И приезжал-то Алеша ко товарищам,
Выходил-то навстречу Илья Муромец,
И говорил-то Илья слово ласково:
«Я наказывал тебе, Алеша Поповский сын,
45 Что не упивайся ты зелена вина».
Тогда садился Илья на добра коня
И бежал Илья скоро-наскоро.
Он догнал, достиг млада юношу,
И вскричал Илья вешшим голосом:
50 «Ты постой, дождись, добрый молодец,
Ты скажи, каких родов, какого города?»
Тут-то малой юноша
Обращат назад добра коня,
Не говорил слова приветлива,
55 Бил-то Илью во белую грудь
Он долгим копьём тупым концом,
Вышиб Илью из седла долой.
Тут-то Илья в своей горячности
Схватил млада юношу.
60 И поверг его на сыру землю,
И садился к нему на белую грудь
И спрашивал его о роде, племени:
«Ах, базыга ты, твоя седа борода,

Если бы сидел я на твоей груди,
65 Не спросил бы тебя о племени,
А вскрыл бы твою скоро грудь
Исешал (?) бы кровь со печенью».
И тут-то у молодого юноши
Блеснул на руке золотой перстень.
70 Тут узнал-то Илья Муромец:
Этот юноша — его сын родной.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ И ОТЕЦ ЕГО НИКИТА РОМАНОВИЧ

(Бой со Змеем)

- Доселева Рязань селом слыла,
 А нынече Рязань слывет городом.
 И жил во Рязани богатый гость,
 Что по имени Никита, сын Романович;
- ⁵ Девяносто лет жил Никита, не старился,
 Выводил из стойла добра коня,
 Накладывал потнички бумажные,
 На потнички — ковры сорочинские,
 На коврички — седелочки черкасские.
- ¹⁰ Подтягивал подпруги шелковые,
 Двенадцать подпруг шелковых,
 Садился старой на добра коня.
 Не ясен сокол в перелет летел,
 Не белый кречет перепорхивал, —
- ¹⁵ Туто ехал удалой, добрый молодец.
 Под ним добрый конь, как бы лютой зверь,
 На коне-то сбруя под оправою,
 Под оправою однозолотною;
 Сам на коне, как сокол, сидит.
- ²⁰ Едет он ко городу Киеву,
 Едет он ко ласкову князю Владимиру,
 Ко солнышку ко Сеславьеву;
 Едет он ко высокому ко терему,
 Выезжает на улицу на широку.

- 25 Со добра коня Никитушка соскакнвал,
Ни к чему он коня не привязывал,
Никому он коня не приказывал.
Спрашивал он у ворот приворотников,
Спрашивал он у дверей придверников,
- 30 Отворял двери потихошеньку,
Запирал он двери помалехоньку,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому:
«Здравствуешь, ласковый Владимир-князь,
35 Со душечкой со княгинею!»
«Добро пожаловать, удалый, добрый молодец,
Ты Никита, сын Романович,
За один ты стол хлеба кушати.
Он кладет крепок и со панцирем,
- 40 Кладет на дубовый стол.
Отошедши, Никита поклоняется:
«Ой ты гой еси, ласковый Владимир-князь,
Ты давай мне попа, отца духовнова,
Давай ты игумна и пострижника,
- 45 Давай монаха и учителя,
При старости мне лет душу спасти».
И проговорит ласковый Владимир-князь:
«Гой еси ты, удалой, добрый молодец,
Гой еси, Никита, сын Романович!
- 50 На кого ты оставляешь стольный Киев-град?
На кого оставляешь меня, князя Владимира?»
Проговорит Никита, сын Романович:
«Я надеюсь на чадо свое милое,
На того ли на Добрыню Никитича».
- 55 Проговорит ласковый Владимир-князь:
«Гой еси, Никита, сын Романович!
Он малешенек ишшо и глупешенек,
Глупешенек, — только трех годов».
Он дает ему попа, отца духовнова,
- 60 Дает игумна и пострижника,

- Дает монаха и учителя.
Немного Никита пожил — переставился:
Остается у Никиты житье-бытье,
Остается у Никиты все богатство,
65 Остается у Никиты молодая жена,
Молода Амельфа Тимофеевна,
Остается у Никиты чадо милое —
Молодой Добрыня Никитьевич,
Молодой Добрыня семи годов.
70 Стал Добрынюшка на возрасте,
Стал на возрасте — в пятнадцать лет;
Стал по улице похаживать,
Стал он палицей помахивать,
Зачал сабелькой пофыркивать,
75 Стая он кóпьицом подпиратися.
У Добрыни сердце възъярилося,
Могучи плечи расходилися:
Не может уничтожить свое ретивó сердце,
Идет он во светлую во светлицу,
80 Сам говорит таковы слова:
«Гой еси ты, моя матушка родимая,
Молода Амельфа Тимофеевна!
Сдавай ты мне коня богатырского,
Сдавай ты всю сбрую богатырскую».
85 И проговорит ему родима матушка:
«Ах ты, мое дитятко сердечное,
Ты малешенек еще и глупешенек.
Поживи-ко ты ишшо малешенько,
Покопи-ко ишшо ума-разума,
90 Потерять тебе будет буйна голова».
«Ах ты, матушка мне родимая,
Не могу я уничтожить ретиво сердце,
Мне охота съездить далéче.
Съездить далéче во чисто поле,
95 Пострелять мне гусей-лебедей,
И пушистых, перистых серых уток».

- Не мѡгла мать переставить таковы слова:
И выводит она ему добра коня,
Из тоя из конюшни из новыя,
100 И выносит всю сбрую богатырскую.
И накладывал Добрыня потнички бумажные,
И на потнички — ковры сорочинские,
И на коврички клал седелочки черкасские.
Подтягивал двенадцать подпруг шелковых.
105 Надевал на себя платье соотцовое;
Соотцово платье ему узехонько
и коротохонько.
И ставал он в стременушко гольяшное,
И садился он в седельшко черкасское.
И стоит его матушка у стремена,
110 Молода Амельфа Тимофеевна,
И плачет она, как река течет,
И сама говорит таковы слова:
«Ах ты, мое дитяtko сердечное,
Поедешь ты дáлече в чисто поле,
115 Постреляешь ты сколько гусей-лебедей
И пушистых, перистых малых уток,
И приедешь ты к батюшку Днeпру-реке,
Захотись тебе будет покупатися,
Захотись тебе будет, Добрынюшка, потешиться,
120 И станешь ты, серый селезень, поплавати,
И, ярый гоголь, поныривать.
Через первую ты струичку переплывешь,
Через втору струичку персплывешь,
Через третью струичку не плавай ты:
125 И тут струи вместе сходятся,
И унесет тебя к горам, горам ко высоким,
Ко тому тебя ко люту змею;
Пожрет тебя злой Зменшшо-Горынишшо».
Благословился он у своей родимой матушки
130 И поехал в далече в чисто поле.
И стрелял он сколько гусей-лебедей

- И пушистых, перистых малых уток.
И приехал он ко батюшку Днепру-реке,
И вздумал он попутаться,
135 И вздумал он, удалой, добрый молодец,
потешиться.
- И стал он, серый селезень, поплавати,
И стал он, ярой гоголь, поныривать.
Через первую струичку он переплыл,
Через втору струичку он переплыл.
- 140 У Добрыни сердце возъярилося,
И могучи плечй расходилися;
Переставил он матушкино благословеньцо.
И тут струи вместе соходилися,
Унесло его к горам, горам ко пещерам.
- 145 Услышал зменшшо за пятнадцать верст
Поплávку его богатырскую;
Вылетат из пещеры глубокия,
И летит на Добрыню Никитича,
И зычит, кричит зычным голосом:
- 150 «И святы отцы писали-прописалися,
Сказали: мне от Добрыни смерть будет;
Я теперь Добрынюшку живьем сглону,
Живьем сглону и хоботом убью,
И Добрыню искрой засыплю».
- 155 И тут Добрыня приужахнулся:
«Ах ты, змеишшо, злой Горынишшо!
Не честь твоя, хвала молодецкая, —
Наступаешь ты на тело нагое,
Тело нагое — то же мертвое.
- 160 Дай ты мне, змей, сроку на три дни,
На три дни и на три часа,
На три часа, на три минуточки».
И дает он ему сроку на три дни,
И дает он ему сроку на три часа,
- 165 И дает он ему сроку на три минуты;
Улетает опять змей в пещеры глубокие.

- И выходят Добрыне три дни, три часа,
И выходят Добрыне три минуты;
Все он плава́т на синем море,
170 И летел опять змеишшо, злой Горынишшо
Из той пещеры глубокие.
И доплыват Добрыня до желта песка,
И доплыват Добрыня крута бережка;
И выскакивал Добрыня на желты пески.
- 175 По желтым пескам Добрыня стал поскакивать,
Зажимал Добрыня ком желта песка,
Бросал в змеишша, зла Горынишша,
Отшиб змеишшу тридцать хоботов;
И падал змеишшо на сыру землю,
180 И бил его Добрыня о сыру землю.
«И тут змеишшо Добрыне взмолился:
Я тебе, Добрыня, давал сроку на три дня,
Я давал тебе сроку и на три часа,
Я давал тебе сроку на три минуты».
- 185 Проговорит Добрыня Никитич млад:
«Ты не будешь ли летать ко городу,
И не будешь ли ты летать ко Киеву,
И ко ласкову князю Владимиру,
И не будешь ли ты уносить княгиню
Апраксию?»
- 190 Проговорит Змеишшо-Горынишшо:
«Я не буду летать ко городу,
И не буду летать ко Киеву,
И к ласкову князю Владимиру,
И не буду уносить княгиню Апраксию».
- 195 Проговорит Добрыня Никитич млад:
«Ты врешь, собака, неустойчивой!»
Говорит тут змей Горынишшо:
«Ты будь-ко мне, Добрыня, больший брат,
А я тебе буду, змеишшо, меньший брат.
- 200 Я дам тебе добра коня богатырского,
И дам тебе потнички не почены,

- И дам тебе коврички не держаны,
И дам тебе седельшко черкасское
И со всею сбруей богатырскою».
- 205 Туто молодцы побратались:
Добрыня стал бóльший брат,
Зменшшо стал мёньший брат.
Опустил змея Добрыня в живности,
И улетел зменшшо в пещеры глубокие,
- 210 И подделал себе крылья бумажные,
Полетел он в стольный Киев-град
Ко ласкову князю ко Владимиру;
И ходила княгиня в зеленом саду,
И ступала княгиня с камня на камень,
- 215 Со бела камня ступала на люта змея.
Вкруг ног ее зменшшо обвивается,
Садит ее на могучи плеча
И унес ее в пещеры свои глубокие...
А там Добрыня приуправился
- 220 И идет он в стольный Киев-град,
Ко своей он матушке родимыя.
И выходит его матушка на красно крыльцо.
И встречат она свое чадо милое —
Молодова Добрыню Никитича
- 225 На великих своих радостях.
И проговорит Добрыня Никитич млад:
«Здорово ты, матушка родимая,
Молодая Амсльфа Тимофеевна!
И здорово ты живешь, здоровешенько?»
- 230 И проговорит родима матушка:
«Ах ты, мое дитятко сердечное,
Я здорова живу, здоровешенько,
У нас у ласкова князя Владимира
Случилось несчастьице великое:
- 235 Вечор было поздым-поздешенько,
И ходила княгиня в зеленом саду,
И ступала княгиня с камня на камень,

По насадкам палицы будут разгоратися;
 Вы тот бой бросайте о сыру землю.
 275 Станете вы саблями рубитися, —
 Сабельки у вас исчербятся;
 И тот бой бросайте о сыру землю.
 Станете вы копыями колотися, —
 По насадкам у вас копыя изломаются;
 280 И тот бой бросайте о сыру землю.
 И вы друг друга чумбурами сподергайте,
 Сохватаетесь вы, молодцы, ручным боем
 Распахивай ты свою полу правую,
 И выдергивай ты шельгу подорожную,
 285 И стегай ты змеишша по могучим плечам,
 И стегай ты, приговаривай,
 Что от конского поту змея пухла.
 Застегáшь ты его до смерти,
 Своей плетью шелковою».

290 Благословился он у своей матери родимыя
 И поехал в далече в чисто поле.
 И едет он к горам, горам ко высоким,
 И ко тем пещерам ко глубоким.
 Услышал Змеишшо-Горынишшо,
 295 Услышал за пятнадцать верст:
 Едет-де Добрыня Никитич млад;
 И летит к нему навстречу,
 И зычит, кричит зычным голосом:
 «Что святы отцы писали-прописалися,
 300 Сказали: мне от Добрыни смерть будет,
 Смерть будет — живóму не быть, живому
 не слыть,
 Я теперь Добрыню живьем сглону,
 Живьем сглону, хоботом убью,
 Хоботом убью, дымом задушу,
 305 Дымом задушу, искрой засыплю».

Тут Добрыня приужахнулся,
 Знимал свои руки на небо,

Сам говорил таковы слова:
«Спас ли, спас, боже милостивой,
310 Мати пречистая, пресвятая богородица!
Создай, господи, дождичка».
Неоткуль гроза-туча накатилося,
И скорым-скором крупен дождь пошел;
Подмочило у змея крылья бумажные,
315 Падал змеишко на сыру землю.
Они зачали палицами битися,
По насадкам у них палицы разгоралися;
Они тот бой бросали о сыру землю.
Зачали саблями рубитися,
320 Сабельки их расщербилися;
И тот бой бросали о сыру землю.
Стали они копьями колотися,
Копья у них изломалися;
И тот бой бросали о сыру землю.
325 Они друг дружку чунбурами сподергали
Сохваталися молодцы ручным боем.
Распахивал Добрыня полу правую,
Вытягивал шелыгу подорожную,
И стегал он змея по могучим плечам,
330 И стегал, сам приговаривал:
«От конского поту змея пухла».
И застегал Добрыня змеишка до смерти,
Изрубил змеишка в куски во мелкие.
И садился Добрыня на добра коня,
335 И поехал во пещеры глубокие,
И нашел он княгиню Апраксию.
Лежит княгиня на перине на перовья,
На подушечках на пуховых;
На правой руке у ней лежит змеинчишко,
340 И на левой руке змеинчишко.
Так она ему, Добрыне, израдовалась,
Израдовалась, слезно заплакала:
«Ах ты гой еси, удалой добрый молодец!

Прилетит змеишшо, злой Горынишшо,
345 И пожрет обоих нас, добрый молодец.
И проговорит удалой добрый молодец:
«Великая ты княгиня Апраксия!
Победил я Змеишша-Горынишша,
Изрубил его на мелки куски
350 Своей сабелькою острою».
Тут княгиня возрадовалась:
И встает она на резвы ноги.
Одного змеинчишка он взял — рáзорвал,
И другого змеинчишка взял — растоптал;
355 И садился Добрыня на добра коня,
И садил княгиню Апраксию,
И повез ко князю ко Владимиру,
Ко солнышку ко Сеславьичу.
И дорогой говорит таковы слова:
360 «Гой еси ты, молода княгиня Апраксия!
Покрестоваемся мы крестами однозолотными,
И ты будь мне сестра крестовая,
А я тебе буду крестовой брат».
Тут они крестами покрестовались.
365 И поехал Добрыня со княгинею
Во Киев-град, на улицу на широку;
И идет он на улицу на широку;
И увидел ласковый Владимир-князь
Во то окошечко косящато,
370 Во ту оконенку стекольчату,
И бежит он скоро на красно крыльцо,
И радуется он удалу, добру молодцу
И своей княгине Апраксии,
И сам говорит таковы слова:
375 «Гой еси ты, Добрыня Никитич млад!
Где ты взял княгиню Апраксию?»
Отвечает Добрыня Никитич млад:
«А взял я ее у змея у Горынишша,
Во тех во пещерах во глúбоких;

380 И похитил я Змеишша-Горынишша,
Застегал его до смерти,
Изрубил Змеишша на мелкие куски».
И тут ласковый Владимир-князь возрадовался,
И собирал он беседу-столованье,
385 Столóванье — почестный пир;
И собирал он князьев, бояров,
И веселился он, радовался.
Как возговорил Владимир-князь:
«Гой еси ты, Добрыня Никитич млад!
390 Доступил ты княгиню Апраксию
От того от змея Горынишша,
Дак благословляю тебе ее взять в
замужество».

Проговорит Добрыня Никитич млад:
«Гой еси, ласковый Владимир-князь!
395 Мне нельзя ее взять за себя замуж:
Она будет мне, княгиня, сестра крестовая.
Покрестовались мы крестами однозолотными».

**ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ
И ВАСИЛИЙ КАЗИМЕРСКОЙ**

- У ласкова князя Владимира,
 У солнышка у Сеславьича
 Было столованье — почестный пир,
 На многих князей, бояров
- 5 И на всю на поленицу богатую,
 И на всю на дружину на храбрую.
 Он и всех поит и всех чествует,
 Он-де всем, де-князь, поклоняется;
 И в полупире бояре напивались,
- 10 И в полукушаньях наедались.
 Князь по гриднице похаживат,
 Белыми руками помахиват,
 И могучими плечами поворачиват,
 И сам говорит таковы слова:
- 15 «Ой вы гой еси, мои князья и бояры,
 Ой ты вся поленица богатая,
 И вся моя дружина храбрая!
 Кто бы послужил мне князю верой-правдою,
 Верой-правдою неизменною?
- 20 Кто бы съездил в землю дальнюю,
 В землю дальнюю, Поленецкую,
 К царю Батуру Батвесову?
 Кто бы свез ему дани-пошлины
 За те за годы за прошлые,
- 25 И за те времена — за двенадцать лет?
 Кто бы свез сорок телег чиста серебра?

- Кто бы сvez сорок телег красна золота?
Кто бы сvez сорок телег скатна жемчуга?
Кто бы сvez сорок сороков ясных соколов?
30 Кто бы сvez сорок сороков черных соболей?
Кто бы сvez сорок сороков черных выжлыков?
Кто бы свел сорок сивых жеребцов?»
Тут большой за меньшого хоронится,
Ни от большого, ни от меньшего ответу нет;
35 Из того из места из середнего
И со той скамейки белодубовой
Выступал удалой, добрый молодец
На свои на ноженьки на резвые,
На те ли на сапожки зелен-сафьян,
40 На те ли каблучки на серебряны,
На те ли гвоздички золочены,
По имени Василий, сын Казимерской.
Отошедши, Василий поклоняется,
Говорит он таковы слова:
45 «Ой ты гой еси, наш батюшко Владимир-князь,
Послужу я тебе верой-правдою,
Позаочи — в очи не изменю;
Я-де съезжу в землю дальную,
В дальную землю Поленецкую,
50 Ко тому царю Батуру ко Батвесову;
Я свезу твои дани-пошлины
За те за годы, годы прошлые,
За те времена — за двенадцать лет,
Я свезу твое золото и серебро,
55 Я свезу твой скатной жемчуг,
Свезу сорок сороков ясных соколов,
Свезу сорок сороков черных соболей,
Свезу сорок сороков черных выжлыков,
Я сведу твоих сорок сивых жеребцов».
60 Тут Василий закручинился
И повесил свою буйну голову,
И потупил Василий очи ясные

- Во батюшко во кирпищат пол;
Надевал он черну шляпу, вон пошел
- 65 Из того из терема высокого.
Выходит на улицу на шіроку,
Идёт по улице по шірокой;
Навстречу ему удалой, добрый молодец
По имени Добрыня Никитич млад.
- 70 Пухову шляпу снимал, низко кланялся:
«Здравствуешь, удалой, добрый молодец,
По имени Василий, сын Казимерской!
Что идешь ты с пиру невеселой?
Не дошло тебе от князя место доброе?»
- 75 Не дошла ли тебе чара зелена вина?
Али кто тебя, Василий, избесчествовал?
Али ты захвастался куда ехати?»
И тут Василий, ровно бык, прошел.
Забегат Добрынюшка во второй раз;
- 80 Пухову шляпу снимал, низко кланялся:
«Здравствуешь, удалой, добрый молодец,
Ты по имени Василий, сын Казимерской!
Что идешь ты с пиру невеселой?
И не весел ты идешь, не радошен.
- 85 Не дошло ль те, Василий, место доброе?
Не дошла ль от князя чара зелена вина?
Али ты захвастался, Василий, куда ехати?»
И тут Василий, ровно бык, прошел.
Забегат Добрынюшка в третий-де раз;
- 90 Пухову шляпу снимат, низко кланется:
«Здравствуешь, удалой, добрый молодец,
По имени Василий, сын Казимерской!
Что ты идешь с пиру невеселой?
Невесел ты идешь с пиру, не радошен?
- 95 Не дошло ль тебе, Василий, место доброе?
Не дошла ль тебе чара зелена вина?
Али кто тебя, Василий, избесчествовал?
Али ты захвастался куда ехати?

Я не выдам тебя у дела ратного
100 И у того часу скоросмертного!»
И тут Василий возрадуется:
Сохватал Добрыню он в беремячко,
Прижимат Добрынюшку к сердечешку,
И сам говорит таковы слова:
105 «Гой еси, удалой, добрый молодец,
По имени Добрыня Никитич млад!
Ты, Добрыня, будь большой мне брат,
А я, Василий, буду меньшей брат.
Я у ласкова князя Владимира
110 На беседе на почестныя,
На почестныя, на большом пиру
Я захвастался от князя съездити
Во ту во землю, во дальнюю,
Ко царю Батуру ко Батвесову —
115 Свезти ему дани-выходы
За те годы — за двенадцать лет:
Свезти туда золото, серебро,
Свезти туда скатный жемчуг,
Свезти сорок сороков ясных соколов,
120 Свезти сорок сороков черных соболей,
Свезти сорок сороков черных выжлыков,
Свезти сорок сивых жеребцов».
И проговорит Добрыня Никитич млад:
«Не возьмем везти от князя от Владимира,
125 Не возьмем от него дани-пошлины:
Мы попросим от собаки Батура Батвесова,
Мы попросим от него дани-пошлины».
И тут молодцы побратались,
Воротились назад ко князю Владимиру.
130 Идут они в палаты белокаменны,
Крест кладут по-писаному,
И поклон ведут по-ученому;
Поклоняются на все стороны:
«Здравствуешь, Владимир-князь,

- 135 И со душечкою со княгинею!»
Князьям бóярам — наособицу,
И поговорит ласковый Владимир-князь:
«Добро жаловать, удалы, добры молодцы,
Ты, Василий, сын Казимерской,
- 140 Со Добрынюшкой со Никитичем
За один бы стол хлеб-соль кушати!»
Наливает князь чары зелена вина.
Не малы чары — в полтора ведра,
Подает удалым, добрым молодцам.
- 145 Принимают молодцы единой рукой,
Выпивают чары единым духом,
И садятся на скамеечки дубовые,
Сами говорят таковы слова:
«Гой еси, ласковый Владимир-князь!
- 150 Не желаем мы везти от тебя дани-пошлины;
Мы желаем взять от Батура от Батвесова,
Привезти от него дани-пошлины
Ласкову князю Владимиру.
И садись ты, ласковый Владимир-князь,
- 155 Садись ты за дубовый стол,
И пиши ты ярлыки скорописчаты:
«Дай ты мне, собака, дани-пошлины
За те за годы за прошлые,
И за те времена — за двенадцать лет,
- 160 И дай ты нам злата, серебра,
И дай ты нам скатна жемчуга,
И дай ты нам ясных соколов,
И дай ты нам черных соболей,
И дай ты нам черных выжлыков,
- 165 И дай ты нам сивых жеребцов».
Подает ласковый Владимир-князь
Удалым молодцам ярлыки скорописчаты,
И берет Василий Казимерской
И кладет ярлычки во карманчики;
- 170 И встают молодцы на резвы ноги,

- Сами говорят таковы слова:
«Благослови нас, ласковый Владимир-князь,
Нам съездить в землю Поленецкую».
- И выходили молодцы на красно крыльцо.
- 175 Засвистели молодцы по-соловьиному,
Заревели молодцы по-звериному.
Как из далеча, далеча, из чиста поля
Два коня бегут, да два могучие
Со' всею сбруею богатырскою,
- 180 Брали молодцы коней да за шелков повод
И ставали в стремянышки гольяшные,
И садились во седельшки черкасские,
Только от князя и видели,
Как удалы молодцы садилися,
- 185 Не видали, куда уехали:
Первый скок нашли за три версты,
Другой скок нашли за двенадцать верст,
Третий скок не могли найти.
Подбегают они в землю дальнюю,
- 190 В землю дальнюю, Поленецкую,
К тому царю Батуру ко Батвесову,
Ко тому ко терему высокому.
Становилися на улицу на широку,
Скоро скакивали со добрых коней;
- 195 Ни к чему коней не привязывали,
Никому коней не приказывали,
Не спрашивали они у ворот приворотников,
Не спрашивали они у дверей придверников,
Отворяли они двери на пятау,
- 200 Заходили в палату белокаменну,
Богу молодцы не молятся,
Собаке Батуру не кланяются,
Сами говорят таковы слова:
«Здравствуешь, собака царь Батур!
- 205 Привезли мы тебе дани-пошлины
От ласкова князя Владимира».

- И вынимáт Василий Казимерской,
 Вынимáт ярлыки скорописчаты
 Из того карману шелкового
 210 И кладет на дубовый стол.
 «Получай-ко, собака, дани-пошлины
 От ласкова князя Владимира».

 Распечатывал собака Батур Батвесов,
 Распечатывал ярлыки скорописчаты.
- 215 А сам говорил таковы слова:
 «Гой еси, Василий, сын Казимерской,
 Отсель тебе не уехати!»
 Отвечат Василий, сын Казимерской:
 «Я надеюсь на мати чудную, пресвятую
 богородицу.
- 220 Надеюсь на родимого на брателка,
 На того ли братца на названого,
 На Добрыню ли на Никитича».

 Говорит собака Батур таковы слова:
 «Поиграйте-ко, добры молодцы, костью,
 картами!»
- 225 Проговорит Василий, сын Казимерской:
 «Таковой игры я у те не знал здесь,
 И таковых людей из Киева не брал я».

 И стал Батур играть костью, картами
 Со младым Добрынею Никитичем.
- 230 Первый раз собака не мог обыграть,
 Обыграл Добрыня Никитич млад,
 И второй раз собака не мог обыграть,
 Обыграл его Добрыня Никитич млад,
 И в третий раз собака не мог обыграть,
- 235 Обыграл его Добрыня Никитич млад.
 Тут собаке за беду стало,
 Говорит Батур, собака, таковы слова,
 Что отсель тебе, Василий, не уехати!
 Проговорит Василий, сын Казимерской:
- 240 «Я надеюсь на мати пресвятую богородицу,

- Да надеюсь на родимого на брателка,
На того на братца названого,
На того Добрыню Никитича!»
Говорит собака таковы слова:
- 245 «Ой ты гой еси, Василий, сын Қазимерской,
Станем мы стрелять на три версты,
За три версты пятисотных,
За тот сырой дуб кряковистый,
Попадать в колечко золоченое».
- 250 И проговорит Василий, сын Қазимерской:
«А такой стрельбы я у тебя не знал,
И таковых людей не брал из Киева». Выходил собака на красно крыльцо,
Зычал, кричал зычным голосом:
- 255 «Гой еси вы, слуги мои верные!
Несите мне-ка тугой лук
И несите калену стрелу». Его тугой лук несут девять татаринов.
Калену стрелу несут шесть татаринов.
- 260 Берет собака свой тугой лук
И берет калену стрелу;
Натягает собака свой тугой лук
И кладет стрелу на тетивочку,
И стреляет он за три версты,
- 265 За три версты пятисотных.
Первый раз стрелил — не дóстрелил,
Второй раз стрелил — перéстрелил,
Третий раз стрелил — не мог попасть.
И подает свой тугой лук Добрынюшке,
- 270 Добрынюшке Никитичу,
И подает калену стрелу.
Стал натягать Добрыня тугой лук,
И заревел тугой лук, как лютые звери,
И переламывал Добрыня тугой лук надвое,
- 275 И бросал он тугой лук о сыру землю,
Направлял он калену стрелу наперед жалом,

И бросал он стрелу за три версты,
За три версты пятисотных,
И попадал в сырой дуб кряковистый,
280 Во то колечко золочено;
Разлетался сырой дуб на драночки,
И тут собаке за беду стало,
За великую досаду показалось;
Говорит собака таковы слова:
285 «Ой ты гой еси, Василий, сын Казимерской,
Что отсель тебе не уехати!»
Проговорит Василий, сын Казимерской:
«Я надеюсь на пречистую богородицу,
Да надеюсь на родимого на брателка,
290 Да на того братца названова,
На того Добрыню Никитича».
Проговорит собака царь Батур:
«Да нельзя ли с вами, молодцы, побороться?»
Проговорит Василий, сын Казимерской:
295 «Я такой борьбы, собака, не знаыввал,
Таковых людей не брал из Киева».
И тут собаке за беду стало;
Он кричал, зычал, собака, зычным голосом;
Набежало татар — и силы сметы нет.
300 И выходил Добрыня на улицу на широку,
И стал он по улочке похаживать.
Сохватались за Добрыню три татарина;
Он первого татарина взял — рáзорвал,
Другого татарина взял — растоптал,
305 А третьего татарина взял за ноги,
Стал он по силе похаживать,
Зачал белыми руками помахивать,
Зачал татар поколачивать:
В одну сторону идет — делат улицу,
310 В бок вернет — переулочек.
Стоял Василий на красном крыльце,
Не попало Василью палицы боевья,

- Не попало Василью сабли вострыя,
Не попало ему копыя мурзамецкого.
- 315 Попала ему ось белодубова,
Ось белодубова семи сажень;
Сохватал он ось белодубову,
Зачал он по силе похаживать,
И зачал татар поколачивать.
- 320 Тут собака испужается,
По подлавичью навалается;
Выбегал собака на красно крыльцо,
Зычал, кричал зычным голосом:
«Гой еси, удалы, добры молодцы!
- 325 Вы оставьте мне хоть на приплод татар,
Вы оставьте мне татар хоть на племена».
Тут его голосу молодцы не слушают,
Зычит, кричит собака зычным голосом:
«Я отдам ласкову князю Владимиру,
- 330 Отдам ему дани и пошлины
За те за годы за прошлые,
За те времена — за двенадцать лет;
Отдам сорок телег красна золота,
Отдам сорок телег скатна жемчуга,
- 335 Отдам сорок телег чиста серебра,
Отдам сорок сороков ясных соколов,
Отдам сорок сороков черных соболей,
Отдам сорок сороков черных выжлыков,
Отдам сорок сивых жеребцов».
- 340 Тут его молодцы послушались,
Бросали худой бой о сыру землю.
Идут они ко высокоу, нову терему,
Выдает им собака дани-пошлины;
Насыпает тележки златокованные,
- 345 Отправляет в стольный Киев-град
Ко ласкову князю Владимиру,
И ко солнышку ко Сеславьеву.
Тут сядились добры молодцы на добрых коней,

- Ставали во стременышки гольяшныя,
350 И садились в седлышки черкасския,
И поехали молодцы в свою сторону.
Ко ласкову князю Владимиру.
Едут ко высокоу, нову терему,
Становятся на улицу на широку;
355 Воходят во палату белокаменну,
Крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому:
«Здравствуешь, ласковый Владимир-князь!»
«Добро жаловать, удалы, добры молодцы!»
360 Он садит их на скамейки на дубовые,
Наливает чары зелена вина,
Не малые чары — в полтора ведра,
Подает удалым, добрым молодцам;
Принимают молодцы единой рукой,
365 Выпивают молодцы единым духом,
На резвы ноги стают, низко кланяются;
«Ой ты гой еси, ласковый Владимир-князь,
Привезли мы тебе дани-пошлины
От собаки Батура Батвесьева!»
370 Кланяется им ласковый Владимир-князь,
Кланяется до сырой земли:
«Спасибо вам, удалы, добры молодцы,
Послужили вы мне верой-правдою,
Верой-правдою неизменною!»

ПРО ДОБРЫНЮ И ЖЕНУ ЕГО

(Отрывок былины)

- У того было приходу Воскресенского,
Что по той-то было улице Устретенской,
Тут стояли-то палаты белокаменны.
Не от ветричка палаты зашаталися,
5 Не от вихорю палаты отворялися:
Заходил туда Добрыня со товарищи,
Со князьями, со бояры, со богатыри.
В полпьяна они, бояре, напивалися,
В полсыта они, бояре, наедалися,
10 Во хмелю-то все бояре приростахасталися:
Еще кто-то бы похвастал своей удалю,
Еще кто-то бы похвастал своей бодростью,
А Добрынюшка похвастал молодой женой!
Что над тем-то все бояре усмехнулися,
15 Друг на друга-то бояре оглянулися,
Со беседашки бояре разъезжалися,
Со Добрынею бояре распрощалися,
Над Добрынею бояре все смеялися,
Меж собой они, бояре, разговор вели:
20 «Еще чем-то нам, Добрыня, сын Никитьевич,
Еще чем-то ты, Добрынюшка, нам хвастаешь!..»

ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД АЛЕШИ ПОПОВИЧА

- Что не стук-то стучит во тереме,
 Что не гром-то гремит во вѣсоком, —
 Подымается чадо милое,
 Чадо милое порожденое,
⁵ Свет Алешенька Чудородыч млад.
 «Ах ты, мать моя, родна матушка,
 Свет Амирфа Тимофеевна!
 Дай ты мне благословеньцо,
 Благословеньцо позаочное,
¹⁰ Погулять мне по белу свету».
 «Ах ты гой еси, чадо милое,
 Чадо милое порожденое,
 Порожденое, однокровное,
 Свет-Алешенька Чудорович!
¹⁵ Ты не можешь, Алеша, на коне сидеть,
 Ты не можешь, Алеша, конем владеть,
 Булатная сабелька тебе вѣтяжела,
 Златая кольчуга тебе вѣдолга».
 «Ах ты гой еси, мать родимая,
²⁰ Свет Амирфа Тимофеевна!
 Я могу, Алеша, на коне сидеть,
 Я могу, Алеша, конем владеть,
 Могу, Алеша, конем шурмовать,
 Булатная сабелька мне вѣлегка,
²⁵ Златая кольчуга мне вѣкоротка».

**АЛЕША ПОПОВИЧ
И ЕКИМ ИВАНОВИЧ**

- Алеша Попович млад
Со Екимом, сыном Ивановичем,
Выезжали на расстани на широкие;
На расстанях лежит бел-горюч камень
5 На камешке подписа подписаны,
Все пути-дорожки рассказаны.
Тут-то Алеша, поучен человек,
Соскакивал со добра коня,
На камешке надписи рассматривал,
10 Все пути Екиму рассказывал:
«Слушай-ка, Еким, сын Иванович;
Первая дорожка — в Чернигов-град,
Вторая дорожка — в Путерему (?),
Третья дорожка — в славен Киев-град.
15 Во Чернигове-городе не бывано,
И пива, вина много не пивано,
Калач бел-крупищат не рушиван,
И белая лебедка не кушана;
Домы, кабаки были вольные,
20 Молодушки были приветливы,
Девушки — прелестливы;
А мы с тобой, Екимушка, у пьянчивы,
Запьемся, Екимушка, загуляемся,
Потерять-то нам будет слава добрая,
25 Вся-де выслуга богатырская.
Тоже-де в Путереме не бывано,
И пива и вина много не пивано,

- Калач бел-крупичат не рушиван,
И белая лебедка не кушана;
- 30 Дома, кабаки были вольные,
Молодушки были приветливы,
Красные девушки прелестливы;
А мы с тобой, Екимушка, у пьянчивы,
- 35 Запьемся, Екимушка, загуляемся,
Потерять-то нам будет слава добрая,
Вся-де выслуга богатырская.
Во Кieve-городе было бывано,
Много пива, вина было пивано,
Калач бел-крупичат много рушиван,
- 40 Белая лебедка много кушана.
Завладел у князя Владимира
Хорошую дочь княжну-королевишну
Змей Тугаретин.
Туда побежим на выручку».
- 45 Садилась они на добрых коней,
Они били коней по тучным бедрам,
Тут-де их кони прирассердились,
С горы на гору кони перескакивают,
Темные леса промеж ног пуцают,
- 50 Реки, озера хвостом устилают.
Подбегали ко городу ко Киеву,
Скакали через стену белокаменную
К тому столбу ко дубовому,
Ко тому колечку ко злаченому.
- 55 Коней они не привязывают,
Никому держать не приказывают,
Отпирают гридню на пятау,
Запирают гридню наплотно,
Приходят среди полу кирпичата,
- 60 Молитву творят сами сусову (исусову).
Крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
Кланяются, поклоняются

- На все на четыре стороны,
65 Князю и княгине наособицу,
Наособицу и особь статью.
«Милости просим, люди добрые,
Люди добрые, храбрые воины!
Садитесь-ка вы в куть по лавице».
- 70 «То-де нам место не по рядине».
«Второе место — в дубову скамью».
«То-де нам место не по вотчине».
«Третье место — куда хотите».
«Неси-ко ты, Алешенька Попович млад,
- 75 То ковришко волокитное!»
Этому ковришку Владимир-князь удивляется:
«Хорошо-де ваше ковришко волокитное!»
Красным золотом оно было вышивано,
В углах-то было вшивано
- 80 По дорогу камню самоцветному,
От его-то от пацыря (?)
Как луч стоит от солнца.
«Стели-ко его за печной за столб!»
И садятся они с Екимом за печной за столб.
- 85 Не от ветричку палата зашаталася;
Не от вихорю палата всколыхалася;
Прилетал змеишшо Тугаретин,
Отпират он гридню на́ пятау,
Запират он гридню не на́плотно,
- 90 Господу богу не молится,
Чудным образам не поклоняется;
Садят его за столы за дубовые,
За скатерти браные,
За яствы сахарные.
- 95 Калач бел-крупничат за праву шшоку бросат,
Белую лебедку — за леву шшоку.
Говорит Еким таковы слова:
«У попа было у Ростовского
Был кобелище цынгалище (?)»,

- 100 Охоче по подстолюю ходить,
Костью подавился,
Оттого и переставился;
А тебе, змею, не миновать того».
«Что у те, князь, за пешным столбом?
105 Что за сверчок пишшит?»
Отвечат князь Владимир:
«А маленьки ребятки промежу себя говорят,
Сами бабки делят».
Подают змею чару зелена вина,
110 Зелена вина полтора ведра,
А весом чара в полтора пуда,
Принимат он чару единой рукой,
И выпиват он чару на единый дух,
Говорит Еким, сын Иванович, таковы слова:
115 «У попа у Ростовского
Была корова бурая,
По поварням ходила,
Барды по чану выпивала, — треснула,
А тебе, змею, не миновать того!»
120 Схватил зменшшо Тугаретин
Ножишшо-чинжалишшо
И бросил за печной за столб.
Тут-то Алешенька подхватчив был,
Подхватывал ножишшо-чинжалишшо
125 Правую полою кафтанною,
Тут-то они возопяли:
«Сам ли ты, Еким, бросишь
Или мне велишь?»
«Сам я не бросаю и тебе не велю:
130 Нечего кровенить палату белокаменну,
Надо со змеем переведаться
На поле Куликовом,
На том елбане раскатистом».
Покатился змей Тугарин
135 Из палаты белокаменной,

Надел крылья бумажные
И полетел на поле Куликово,
На те елбаны раскатисты.
Выходили Еким со Алешей
140 На улицу широкую,
Еким Алеше наказыват:
«Ежли два часа не буду, беги на выручку».
И сам садится на добра коня,
Бежал на поле Куликово,
145 На те елбаны раскатисты;
Втыкал копые мурзомецкое
И вбегал на тупой конец,
И смотрел во чисто поле.
Завидел змея Тугарина
150 Выше лесу стоячего,
Ниже облака поплывучего.
Говорит змей Тугарин:
«Что тебя, Еким, огнем сожечь,
Или живьем сглотить,
155 Или тебя дымом заглушить?»
Взмолился богу господу
Еким, сын Иванович,
Наипаче пресвятой богородице:
«Сошли, господи, крупчата дождя,
160 Подмочи у змея крылья бумажные!»
Неоткуль туча грозная подымалася,
И дал бог крупчата дождя,
Подмочило у змея крылья бумажные,
И повалился змей на сыру землю.
165 Тут подхватывал его Еким
На копые мурзомецкое
И протыкал ко сырой земле,
И отсек буйну голову.
Тут-то миновалось два часа, —
170 Побежал Алеша на выручку;
Не видит он света белого,

Не видит он и солнца красного.
Сбегался со Екимом навстречу
И бил его бусвой,
175 И сшиб со добра коня,
Притыкал его в грудь белую
Копьем мурзомецким,
И угодил в крест чувственный.
Соскакнвал Алеша со добра коня,
180 Брал его на руки белые,
Садил в седло черкасское.
Поехали путем-дорожкой
Ко князю Владимиру;
И бросали голову змея Тугарина
185 За стену белокаменную.
Выходил князь Владимир
Сеславич, красно солнышко,
На улицу широкою и просит:
«Милости просим, храбрые воины,
190 За единый стол хлеба откушати!»
Отвечали они князю Владимиру:
«На приезде гостя не учествовал,
На отъезде не учествовать».

АЛЕША ПОПОВИЧ

- У нас-то было во Московском государстве
Строена была палатушка белокаменная,
Белокаменная палатушка грановитая,
Крытая палатушка жостью белою,
5 Изукрашена палатушка медью красною:
И в той-то палатушке — столы дубовые,
А на столиках — скатерточки шелковые,
На скатерточках — тарелочки золотые,
Во тарелочках — яствочки сахарные.
- 10 Собрались-то князья-бояры,
Все-то князья-бояры кушают,
Белу лебедь они рушают.
Все-то князья-бояре принакушались,
Принакушались и прирасхвастались:
- 15 И кто-то хвастает молодой женой,
И кто-то хвастает добрым конем,
Кто-то хвастает удачей молодецкою
И послугою царскою.
Расхвастался Алеша Попович молодой,
- 20 Расхвастался службой царскою,
Удачей богатырскою,
Не боялся в чистом поле педруга, небрата
своего.

ОБ АЛЕШЕ ПОПОВИЧЕ

Издáлече, из чистá поля
 Выезжали два русские сильные богатыря:
 Один богатырь — Илья Муромец,
 Другой-то — Алеша Попович млад.
 5 Приезжали к батюшку синю морю
 На те тихие морские заводи.
 Не случилось им тут ни серого гуся, ни
 лебедя.

И ни малой пташечки — серой утки:
 Не на чем им сердце приутешить,
 10 И могучие плечи прирасправити.
 Побежал-то Алеша через ту степь
 Саратовскую.

Среди было степи Саратовской,
 Тут стоял-то сырой дуб крeкóвистый.
 Что на том дубу на крeкóвистом
 15 Тут сидела птица вещая.
 Перелетная — черен ворон.
 Он с крыла на крыло перелетывает,
 С ноги на ногу переступывает.
 Тут Алеша удивляется и рассержается,
 20 Соскакивает с доброго коня,
 Снимает тугой лук со могучих плеч
 И берет из колчана каленую стрелу,
 И закладывает в свой тугой лук.
 Хочет птицу вещую подстрелити,
 25 Могучие плечи прирасправити,

Свое сердце приутешити.
Проговаривает птица черен ворон русским

языком:

«Ты гой еси, Алеша Попович!
Тебе на мне сердце не утешити,
30 И могучие плечи не расправити!
Побегай-ко, Алеша, через эту степь
Саратовскую,

Ко той было речке ко Саратовке,
Ко тому камню бел горячему,
К тому кусту ракитовому:
35 Тут сидят-то два татарина, некрещенные;
Полонили они красную девицу,
Красную девицу — душу русскую,
И один татарин уговаривает:
«Ты, по-русскому — красная девица,
40 А по-нашему будь голчаночка»,
А другой-то говорит:
«Увезем мы тебя, красна девица,
Увезем тебя к себе в Литву,
Отдадим тебя за татарина за дородного,
45 За хорошего — в косу сажень,
Все мы ему покоряемся и поклоняемся».
Тут Алеша надевал тугой лук на могучие
плечи,

Клал стрелу во колчаночку,
Заскакивал Алеша на доброго коня,
50 И бежал-то Алеша через ту степь
Саратовскую,

Ко той речке Саратовке,
К тому камню бел горячему,
К тому кусту ракитову:
Одного татарина он конем стоптал,
55 Другого татарина мечом зарубил!
Соскакивал Алеша со доброго коня,
И падал доброму коню во правую ногу:

МИХАИЛ КАЗАРЯТИН

- Из того Волынца, крепка города,
 Из той Корелы из богатя
 Выезжал удалый, добрый молодец,
 Молодой Михайло Казарятин,
 5 Казары попа церкви соборныя.
 Под ним добрый конь — как бы лютый зверь;
 На коне-то сбруя под оправою,
 Под оправою да однозолотною.
 Сам на нём, как сокол, сидит.
- 10 Вывозил он с собой триста стрел,
 И каждая стрела стоит по три тмы,
 Что по три тмы — по три тысячи.
 Да не тем те стрелы были дороги, —
 Потому стрелки были дороги,
- 15 Кабы строганы стрелки из кипарис-древа;
 Кипарис-древо здесь не водится,
 Здесь не водится оно, не плодится;
 Оно плодится за Ефрат-рекой.
 Да не тем те стрелки были дороги:
- 20 Да перо было тагулиное;
 Тагула-птица здесь не водится¹,
 Здесь не водится, здесь не плодится,
 Она плодится на Ефрат-реке.
 Клеены те стрелочки китом-рыбою, —

---

¹ Что за птица тагула — сказитель не мог объяснить: говорил только, что заморская (С. Г.).

- 25 Кита-рыба здесь не водится,
Она плодится во Ефрат-реке.
Да не тем те стрелки были дороги:
Он днем стрелят, по ночам собира́т;
Где стрела стоит — тут свеча горит,
- 30 Свеча горит да воску ярова.
Бежит Михайло чистым полём,
Во чистом поле стоит част ракивов куст;
На кусте сидит пташка вешшая,
Пташка вешшая — знать перелетная,
- 35 Перелетна пташка — млад чёрной ворон;
И берет Михайло свой тугой лук,
Из колчана берет калену стрелу,
Хочет он застрелить пташку вешшую.
Провещует пташка руським языком:
- 40 «Ой ты гой еси, удалый, добрый молодец!
Не стреляй ты меня, пташку вешшую,
Пташку вешшую, знать, перелетную,
Я скажу тебе вестку радостну:
Как у батюшки да у синя моря,
- 45 У синя моря да у сыра дуба,
Стоит бел шатер да бел полотняный;
Во шатре сидят три татарина,
Три татарина, три бусурманина,
Меж имя сидит девка руськая,
- 50 Девка руськая, полоняночка».
Тут Михайло черна ворона послушался.
Едет он ко синю морю,
Ко синю морю да ко сыру дубу,
Ко сыру дубу да ко белу шатру.
- 55 Подъезжает он к шатру да помалесеньку.
Да первый татарин проговорит:
«Ты не плачь, не плачь, девка руськая,
Девка руськая да полоняночка,
Увезу я тебя да во свою землю,
- 60 Отдам тебя за мила сына́ заму́ж».

Второй татарин проговорит:

«Ты не плачь, не плачь, девка русская,
Увезу я тебя да во свою землю,
Отдам я тебя за племянника,

65 И будешь ты мне племяненка».

Третий татарин проговорил:

«Ты не плачь, не плачь, девка русская,
Девка русская да полоняночка,
Увезу я тебя да во свою землю,

70 Возьму тебя за себя замуж,
Будешь ты мне да мила́ жена».

Тут Михайлу за беду сталó.

Сдергивáт он с них бел шатер,
И бел шатер да полотняной.

75 Сохватались три татарина,
Сохватались за Михайла Казарятина.

Он первого татарина взял рáзорвал,

Другого татарина взял рóстоптал,

Третьяго татарина взял за ноги,

80 Бросил его в батюшко в сине море;

И собирал он бел шатер полотняный

И завязывал в тороки шелковые,

И садился добрый молодец на добра коня,

Вставал он в стремянышко вальяжное,

85 И садился во седельшко черкасское,

И садил за себя душу красну девицу,

И везет ее от синя моря,

От синя моря, от сыра дуба.

Сколько ехал удалой, добрый молодец,

90 Сколько ехал по чисту полю,

Одержал своего добра коня ступисчата.

Слезал он, добрый молодец, со добра коня

И снимáт он красну девицу,

И ставит свой бел шатер полотняный.

95 И стал он с девицей опочив держать,

И плачет красна девица, как река течет,

- 130 И тут-то добрый молодец возрадовался,
И скачет он скоро на резвы ноги,
Берет ее за белы руки,
И целует ее во уста сахарные:
«Здравствуй ты, моя сестрица родимая!
- 135 Молода Настасья, дочь Казаришна!»
Собирал он бел шатер полотняный
И завязывал во тороки шелковые,
И садился добрый молодец на добра коня,
И вставал в стремяшко гольяшное,
- 140 И садился во седельшко черкасское,
Садил он за себя родную сестру.
И везет он ее в свою сторону,
Ко своему родимому батюшку,
Ко своей ко родимой матушке,
- 145 К тому Волынцу, крепку городу,
Ко той Корелы богатя.
И к Казары попу церкви соборныя.
Едут они на улицу на широку
Ко тому ко терему высокому,
- 150 И увидела их родима матушка
Сквозь тое окошечко косящето,
Сквозь тое оконенку стеклянную.
И бежит она скоро на красно крыльцо,
Сама плачет, как река течет:
- 155 «Ой вы гой еси, мои дети милые,
Из которой вы сторонушки приехали, —
То ль с востоку, то ли с западу?»
Соскакивал удалой, добрый молодец со добра
коня,
- 160 Подхватывал он матушку под праву руку.
И ведут они ее в светлую светлицу.

ВАСИЛИЙ ПЬЯНИЦА

Плаваются, переплавляются через сине море
 Два тура однорогие, златорогие и
 одношерстные;

Встречает их родная матушка-турица
 Однорогая, златорогая и одношерстная:

- ⁵ «Вздравствуйте, детушки родимые!»
 «Благодарствуем, матушка родимая».
 «Где же вы, туры, побыли и где пожили?»
 «Благодарствуем, матушка родимая,
 Были мы в Ахте-городе и в Арахове.
- ¹⁰ Во славном городе во Киеве,
 У той было у церкви соборная.
 Выходила душа красна девица,
 Выносила на руках мала вьюноша,
 Клала его на горюч камень,
- ¹⁵ Сама жалела, слезно плакала».
 Мать говорила:
 «Глупые вы, туры, неразумные!
 По лесу ходите — вы зверей не знаете,
 По людям ходите — вы людей не знаете;
- ²⁰ Не душа к вам красна девица выходила,
 Выходила к вам пресвятая богородица.
 Выносила на руках книгу — евангелие,
 Клала его на престол христов,
 Сама бы жалела и слезно плакала:
- ²⁵ «О вы, детушки родимые,
 Пойдите за стольный Киев-град,

- За дом пресвятыя богородицы,
За ту ли церковь соборную».
- 30 Как на батюшка стольный Киев-град
Наступает собака — Подольский царь.
Со своей силой со неверною,
Со неверною силой, с бусурманскою.
У него силы много множество:
Во меженный день черну ворону не облетати,
35 В темную осеннюю ночь серому волку не
обрыскати.
- Никого в Киеве в ту пору не годилося,
Ни князей, ни бояр, ни русских сильных
богатырей;
- Весьма Владимир-князь закручинился,
Повесил буйну голову в кирпичат пол, —
40 Кручиной ему не откручиниться,
Печалью ему не отпечалиться.
Посылал он слуг верных по Васиньку — голь
кабацкую.
- Слуги не ослушались, тотчас пошли:
«Ступай-ко, Васинька, тебя князь зовет!»
45 «На что он меня зовет, на что требует?»
На то Васинька не ослушался.
Приходит ко князю ко Владимиру:
«На что ты, князь, звал, на что требовал?»
«Сослужи-ко, Васинька — голь кабацкая,
50 Сослужи, Васинька, службу великую:
Наступает собака — Подольский царь
Со своей силой со неверною, бусурманскою.
Силы у него много множество».
- Берет Васинька узду тесмянную,
55 Выходит Васинька — голь кабацкая,
Выходит ко князю на конюшню.
На которого коня руку накинет,
Конь накорач падет.
Выбрал он по себе коня доброго,

- 60 Надевал узду тесмяную,
Накладывал ковры сорочинские,
Седлал он седельшком черкатским,
Шелковых двенадцать подпруг подтягивал,
Но не для красы — ради крепости.
- 65 Берет палицу боевую в пятьдесят пудов,
Стает он во стремянышко булатное,
Садился во седельшко черкатское,
Выбегает он во далече чисто поле,
Забегает он в силу бусурманскую.
- 70 Вперед бежит — делает улицу,
Повернется — делает переулочек:
Выбивает он силу бусурманскую.
Бусурманский царь во побег пошел,
За ним Васинька погнался.
- 75 Провещился конь
Мудрым человеческим языком:
«Не бегай, Васинька — голь кабацкая,
Не бегай в землю бусурманскую,
Земля бусурманская хитра, мудра;
- 80 Не быть нам обоим живым!»
Обратился Васинька во Киев-город,
Встречает Васиньку Владимир-князь
Со великою честью, с радостью:
«Чем я тебя, Васинька, буду жаловать?
- 85 Возьми ты города с пригородками,
Возьми терема с притеремками!»
«Не надо мне города с пригородками,
Не надо терема с притеремками,
Отдай ты мне три погреба:
- 90 Первый погреб — зелена вина,
Второй погреб — пива пьянова,
Третий погреб — сыты медвяныя». —
«За тем тебе, Васинька, слова нет!»

СУХАНЬША ЗАМАНТЬЕВ

- Выезжал Суханьша, Замантьев сын,
 За зайцами, за лисицами,
 За теми волками рыскучими,
 Случилось ему доехать до быстра Днепра.
 5 Течет быстрый Днепр не по-старому и не
 по-прежнему,
 Пожират в себя круты бережка,
 Вырывает в себя желты, скатны пески,
 По подбережку несет ветловой лес.
 По струе несет крековый дуб,
 10 Посередь Днепра несет добрых коней
 Со всей приправой молодецкой,
 Со всей доспехой богатырской.
 «Что ты, батюшка, быстрый Днепр,
 Не по-старому что ты течешь, не по-прежнему?»
 15 «Надо мной стоит сила неверная
 Того Мамаю безбожного.
 Идет он на дом пресвятыя богородицы,
 На славен батюшко на Киев-град.
 Половина силы переправилась,
 20 Другая половина на другой стороне;
 Черному ворону в ночь силы не окаркати,
 Серому волку в ночь не обрыскати,
 Доброму молодцу в день не объехати».
 Тут Суханьши ретиво сердце възъярилось,
 25 Могучи плечи расхотилися;
 Бежал в силу во Мамаеву,
 Во дне бежал, во втором часу,
 И бился, дрался трое суточки,
 Не пиваючи, не едаючи.

- 30 Куда бежит — тут улица,
Заворотится — переулочек.
Навалил трупов — коню до стремени,
Горчей крови — до подчерева.
В трупах конь не может пороскакивать,
- 35 Горячей крови прорыскивать,
Тут Суханьшу прибрáнили,
Дали Суханьше тридцать ран;
Те раны были сносные,
А три раны — сердечные,
- 40 Сердечные раны, кровавые.
Побежит он из силы Мамаевой
На то болото зыбучее,
Ко той кочке болотной.
Клал седельшко черкасское
- 45 На ту кочку болотную,
Под облако поплавуче
И клал свою буйну голову
На седельшко черкасское.
Выезжает князь Владимир
- 50 Во чисто поле гулять
И наехал на Суханьшу Замантьева.
«Ты гой еси, добрый молодец!
Какой ты есть и откудава?
Если верной силы — побратаемся,
- 55 А неверной силы — переведаемся».
Говорит тут Суханьша, Замантьев сын:
«Ты гой еси, батюшко, Володимир — князь
Сеславьевич, солнышко красное!
Неужели ты не узнал Суханьшу Замантьева?»
- 60 Тут скоро князь соскакивал со добра коня,
Садил Суханьшу на добра коня,
И вез его во Киев-град,
Во ту во церковь соборную;
Тут Суханьша покаялся,
- 65 И тут Суханьша переставился.

СКИМЕН-ЗВЕРЬ

- Из далеча, из чиста поля,
Из того было раздольица из широкого,
Выбегает оттуда стадо-стадечко,
Не стадо это, стадечко зменное,
5 Не зменно это стадечко — звериное,
Наперед бежит собака, лютый Скимен-зверь.
На Скимене шерсточка sproкинулась,
На нем она шерсточка булатная,
И не булатна на нем шерсточка — серебряная.
10 А серебряная шерсточка — золоченая,
На каждой шерсточке по жемчужинке.
У него рыло, как остро копые,
Уши — калены стрелы,
Глаза у него как ясны звезды.
15 Прибегал лютый зверь ко Непру-реке,
Вставал он, лютый зверь, на задни ножки,
Зашипел лютый зверь по-зменному,
Засвистал лютый зверь, по-соловьинному,
Заревел он, лютый зверь, по-звериному,
20 От того Непра-река сколыбалася,
Желты-мелкие песочки осыпалися,
Зеленые лужочки заливалися.
Заслышал Скимен-зверь невзгодушку:
Уж как на небе родился светел месяц,
25 На земле-то народился могуч богатырь,
Головой-то он родился, как силен котел
тридцати ведер,
Глаза, как пивные чаши.

СКИМЕН-ЗВЕРЬ

Как из далеча, далеча,
Из чиста поля,
Из того было раздольица широкого,
Широкого,
5 Что не грозная бы туча
Накатилася.
Что не буйные бы ветры
Подымалися:
Наперед-то выбегает
10 Лютой Скимен-зверь;
Как на Скимене-то шерсточка
Булатная.
Наперед-то его шерсточка
Спрокинулася.
15 Добегает вор-собака
До быстрой реки;
Становился вор-собака
На задни лапы;
Закричал он, вор-собака,
20 По-звериному;
Засвистал он, вор-собака,
По-соловьему;
Зашипел он, вор-собака,
По-змеинному.
25 От его было от крику
От звериного,

Что быстрая река-мать
    Взволновалася;
От его было от свисту
30   От соловьяго,
Что темны леса к сырой земле
    Клонилися;
От его было шипенья
    От змеинного —
35 Зелена трава в чистом поле
    Повянула.

СКИМЕН-ЗВЕРЬ

(Рождение богатыря)

- Как из далеча, далеча, из чиста поля,
 Изо того было раздольца из широкова,
 Что не грозная бы туча накатилая,
 Что не буйные бы ветры подымалися,
 5 Выбегало бы там стадечко змеинное,
 Не змеинное бы стадечко — зверинное.
 Наперед-то выбегает лютой Скимен-зверь.
 Қақ на Скимене-то шерсточка буланая,
 Не буланая-то шерсточка — булатная,
 10 Не булатна на нем шерсточка — серебряна,
 Не серебряная шерсточка — золотая,
 Как на каждой на шерстинке по жемчужинке.
 Наперед-то его шерсточка спрокинулася,
 У того у Скимена рыло, как остро копье,
 15 У того у Скимена уши — калены стрелы,
 А глаза у зверя Скимена как ясны звезды.
 Прибегает лютой Скимен ко Днепру-реке;
 Становился он, собака, на задние лапы,
 Зашипел он, лютой Скимен, по-змеинному,
 20 Засвистел он, вор-собака, по-соловьему,
 Заревел он, вор-собака, по-зверинному.
 От того было от шипу от змеинова
 Зелена трава в чистом поле повянула;
 От того было от свисту от соловьева
 25 Темны лесы ко сырой земле клонилися;

От того было от рева от зверинова
Быстрой Днепр-река сколыбалася,
С крутым берегом река Днепр поровнялася,
Желты мелкие песочки осыпалися,
30 Со песком вода возмутилася,
В зеленых лугах разливалася,
С крутых гор камни повалилися,
Крупны каменя по дну катятся,
Мелки каменя поверху несет.
35 Заслышал Скимен-зверь невзгодушку:
Уж как на небе родился светел месяц, —
На земле-то народился могуч богатырь.

РОЖДЕНИЕ БОГАТЫРЯ

- Ходила княгиня по крутым горам,
Ходила она с горы на гору;
Ступала княгиня с камня на камень,
Ступала княгиня на люта змея,
5 На люта змея, на Горыныча,
Вокруг ее ножки змей обвился,
Вокруг ее башмачка сафьянова,
Кругом ее чулочка скурлат-сукна,
Хоботом бьет ее в белья груди,
10 Во белья груди человечески;
Целует во уста ее сахарныя,
От того княгиня понос понесла,
Понос понесла, очреватела;
Носила во утробе чадо девять месяцев,
15 На десятой-то чадо провещилось,
Провещилось чадо, проговорилось:
«Уж ты гой еси, родимая матушка!
Когда я буду на возрасте,
На возрасте, пятнадцати лет,
20 Уж ты скуй мне палицу боевую,
Боевую палицу во сто пуд.
Мне палица легка покажется,
Уж ты скуй, матушка, в полтораста пуд.
Уж тогда-то я, матушка, буду со змеем воевать:
25 Я зайду-то к нему в пещерички зменныя,
Сниму ему буйну голову,
Подниму его головушку на острый кол,
Поднесу его головушку к твоему дворцу».

О ДУНАЕ ИВАНОВИЧЕ

- У ласкова князя Володимира
 Был пир навеселе.
 Алешенька Попович — был бороться горазд,
 А Добрыня Никитич — горазде его.
- 5 А Дунай сын Иванович — из туга лука
стрелять
 По той, было, меточке — в золот перстень.
 Во ту, было, ставочку муравлену.
 Говорила Дуная молодая жена,
 По имени Дарья Бродовишна:
- 10 «Ах ты гой еси, Дунай сын Иванович!
 А я женщина не хуже тебя стрелять из туга
лука
- По той меточке — в золот перстень,
 В ту ставочку муравленую».
- Тут-то Дунаю за беду стало,
 15 За великую досаду показалось.
 И говорил он своей молодой жене:
 «Ты гой еси, молодая жена,
 По имени Дарья Бродовишна!
 Пойдем-ко мы с тобой на горы высокие,
- 20 На те, было, шеломы окатистые, —
 Станем мы с тобой из туга лука стрелять,
 По той меточке — в золот перстень.
 В ту ставочку муравлену».
- Тут-то его молодая жена
 25 Сдогадалася и спохватилася:

- «Ах ты, Дунай, сын Иванович, Дунай!
Ты прости меня, глупу женщину,
Я тебе при беседе избесчестила:
У меня есть в утробе чадо милое,
30 Чадо милое, любимое:
По колен у чада ноги в золоте,
По локоть руки в серебре,
Во лбу солнце красное.
Во затылке — светёл месяц,
35 А по косицам частые звезды». руки,
Тому-то Дунай не уверовал;
Брал он свою молодую жену за белые
За золотые перстни;
Повел ее на горы высокие,
40 На те, было, шелома окатистые;
Становил свою молодую жену;
Отскакивал на версту пятисотную;
Стрелял Дунай в свою молодую жену.
Первый раз стрелил — не дострелил,
45 Второй раз стрелил — перестрелил,
В третий раз попал в молодую жену.
Угодил по самому сердцу,
И убил Дунай свою жену.
Подскакивал к своей молодой жене,
50 Выдергивал кинжалище острое,
Спорол у ней белую грудь,
Посмотрел — в утробе чадо милое свое:
По колен бы у чада ноги в золоте,
По локоть руки в серебре,
55 Во лбу солнце красное,
На затылке светёл месяц,
А по косицам частые звезды.
Тут ему за беду стало,
За великую досаду показалось:

Он становил кинжал тупым концом во сырую
землю

И падал на кинжал ретивым сердцем.

От его ли крови горячия

Протекала матушка Дунай-река.

СТАВЕР ГОДЕНОВИЧ

- У ласкова князя Владимира
Было столованье — почестной пир,
На многих князьев и бояров,
На всю поленицу удалую,
5 На всю на дружину храбую.
Он всех поит, всех чествует,
Сам по гридне похаживат,
Белыми руками помаживат,
Могучими плечами поворачиват;
10 Сам говорит таковы слова:
«И кто меня, князя, есть славнее,
И кто меня, князя, есть вышее,
И кто меня, князя, есть богачее?»
Больший за меньшего хоронится,
15 От большего, от меньшего ответу нет.
Из того из места из середнего
Выступал удалый, добрый молодец,
На те на ноженьки на резвые,
На те сапожки зелен сафьян,
20 На те каблучки на серебряны,
На те гвоздочки золочены,
По имени Ставер, сын Годенович:
«Я тебя, князя, не славнее,
Я тебя, князе, не вышее,
25 Только я тебя, князя, побогачее:
У меня-то было в Столе-городе
Стоял домишко не корыстненький,
Не корыстный домишко на версте стоит,

- На той версте пятисотныя;
30 Круг того дома железный тын,
На каждой тынинке по маковке,
По маковке да позолоченной;
По свечке горит да воску ярово.
Во тем во тыну стоят три терема,
35 Три терема златоверховаты;
Полсереда одного серебра,
Лавицы, булавицы золотые,
Стены лисицами убиваны,
И нездешними лисицами — заморскими.
40 Во первом терему — золотая казна,
Во втором терему — платье цветное,
Во третьем терему — молодая жена,
Молодая Василиса, дочь Никулишна.
У ней белое лицо ровно белый снег,
45 Ягодицы ровно маковицы,
Черные брови черна соболя,
Ясные очи ясна сокола,
Ретивым она сердцем хитра-мудра».
Злые бояре подмолчивые .
50 Говорят таковы слова:
«Гой еси, батюшко Владимир-князь!
Хвастает Ставер да небыльей своей,
Небыльей своей да молодой женой;
Нет ничего у него!»
55 За то его посадиши в шанцы глубокие,
Заслонили заслонами железными,
И заклали дерном черным, мумреным,
Уростили травами зелеными.
И тут посылат ласковый Владимир-князь
60 Алешу Поповича, Добрыню Никитича
И взять Василису Микулишну,
И вести ее во стольный Киев-град
Ко ласкову князю Владимиру;
Дорогой над ней насмеются.

- 65 Узнавала Василиса, дочь Микулишна,
Собирала она пятьдесят молодцев,
Собирала она пятьдесят лошадей,
Подстригала она себе русы волосы,
Назвала она себя Василий сын Васильевич;
- 70 Садилась она на добрых коней,
И поехали они во стольный Киев-град
Ко ласкову князю Владимиру;
И дорогой ей попадаются
Два удалые добра молодца —
- 75 Добрыня Никитич да Алеша Попович млад.
И спрашивает Василий, сын Васильевич:
«Вы куда, ребяташки, поехали?»
«Мы поехали от ласкова князя Владимира
Во Чернигов-град взять Василису, дочь
Микулишну,
- 80 Взять ее нечестно
Да дорогой над ней наругаться».
«Нет вы, ребяташки, не ездите,
Едет от нее грозен посол,
И едет Василий, сын Васильевич.
- 85 Поезжайте вы, ребяташки, во Киев-град
И скажите князю Владимиру,
Чтобы ладил он пятьдесят фатер,
Я сам стану ко ласкову князю Владимиру
В хоромы княженецкие».
- 90 Тут-то молодцы воротились,
Приезжают ко ласкову князю Владимиру,
Говорят они Солнышку Сеславьичу,
Говорят таковы слова:
«Гой еси, батюшко Владимир-князь,
- 95 Едет от Василисы, дочь Микулишны,
Едет грозен посол.
И велел он очистить пятьдесят фатер,
А сам посол — ко ласкову князю Владимиру
В княженецкий дворец».

- 100 Приезжает Василий, сын Васильевич,
Заходит в палаты белокаменны,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому:
«Здравствуешь, ласковый Владимир-князь,
105 Со душечкой, со княгинею!»
«Добро жаловать, удалой, добрый молодец,
И ты, Василий, сын Васильевич!
Поигра́м-ко со мной костью, картами!»
И пили, играли, проклажались,
110 Костью, картами забавлялися.
И узнала его молодая княгиня Апраксия:
«Гой еси, ласковый Владимир-князь!
Это не Василий, сын Васильевич,
Это Василиса, ровно, дочь Микулишна;
115 По полу она идет тихошенько,
На лавку садится — коленцы жмет».
И проговорит ласковый Владимир-князь:
«Гой еси, мои слуги верные!
Истопите-ка банюшку-па́рушу,
120 Этого я посла изведаю».
Истопили банюшку-парушу.
«Пожалуйте, Василий, сын Васильевич,
Со ласковым князем Владимиром
Во банюшку-парушу!»
125 У нее уж были венички излажены,
Мыльца были припасены;
Докуль ласковый Владимир-князь
Ладился в банюшку-парушу,
Василий Васильевич вымылся, выпарился,
130 Идет навстречу князю Владимиру:
«Спасибо тебе, ласковый Владимир-князь,
Спасибо на банюшке-паруше;
Я выпарился, вымылся.
И сходил ласковый Владимир-князь,
135 Сходил один в банюшку-парушу.

- И зачали они опять играть костью, картами.
И проговорит ласковый Владимир-князь:
«Не умешь ли ты, Василий, поборотися».
«Пожалуй, могу сходить, поборотися».
- 140 И высылат он на Василия Алешу Поповича.
И пошел Алеша Попович млад
С Васильем Васильевичем боротися.
И поборол Василий Васильевич
Алешу Поповича, пнул под гузно.
- 145 И высылат ласковый Владимир-князь Добрыню
Никитича.
И поборола она Добрыню, пнула под гузно.
И проговорит Василий сын Васильевич:
«Гой еси, ласковый Владимир-князь!
Не нашла я таких борцов-молодцов,
150 Супротив Ставра, сына Годеновича;
Выводите его из шанца глубокого».
И вывели Ставра, сына Годеновича,
Из того из шанца глубокого.
И берет она его за белы руки,
155 За те за перстни злаченые,
И целует его в уста сахарные.
«Гой еси, ласковый Владимир-князь!
Не нашла я супротив его борцов-молодцов:
И прощай, ласковый Владимир-князь!»
- 160 Посадила Ставра, сына Годеновича
Посадила на добра коня,
Отвезла в свою сторону
Во Чернигов-град.
Тут-то сказала княгиня Апраксия
- 165 Ласкову князю Владимиру:
«Не умел ты разведати:
Не Василий ведь это, сын Васильевич,
Сама Василиса, дочь Микулишна;
Идет по полу — потихоньку шагат,
170 И на лавку садится — коленцы жмет».

ИВАН ГОДЕНОВИЧ

«Хочешь ли, Иванушка, жениться?»

«Я бы рад жениться, да мне негде взять:

Где я сватаюсь, так тут мне не дают,

Где не сватаюсь, — так две дают,

5 И две дают, да мне не надобно.

А мне-ка охота съездить в Чернигов-град.

Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу,

Мне посвататься Настасьи Митреевишны».

И собиралась свадьба богатырская.

10 Собиралось на свадьбу тридцать богатырей:

Старый казак Илья Муромец был легкий

друженька,

И ласковый Владимир-князь был тысяцким,

Алеша Попович был подружьем,

Добрыня Никитыч был боярином.

15 Василий Казимерской был шафером,

Молода княгиня была свашенька.

Седлали своих добрых коней,

Накладывали они потнички бумажные,

И на потнички — ковры сорочинские,

20 На коврички — седелочки черкацкие,

Подтягивали подпруги шелковые,

Садилась молодцы на добрых коней —

Поехали молодцы в Чернигов-град.

И подъезжают молодцы ко синюм морю,

25 И стегают коней по тучным бедрам,

И скачут кони через быстрый Днепр;

- И не далéко от моря отъехали,
Становились на луга на зелены,
Расставляли шатры полотняны.
- 30 И стали в шатрах опочив держать.
Не спится Ивану, не дремлетя;
Ему вдвое, втрое грезится.
Выходил Иван из бела шатра,
Говорил Иван таковы слова:
- 35 «Ой вы гой еси, мои князья-бояры,
Старый казак Илья Муромец
Со ласковым князем Владимиром,
Со Алешенькой со Поповичем,
Со Добрынюшкой со Никитичем,
- 40 Со Васильем, сыном Казимерским.
Съездите вы во Чернигов-град,
Съездите на широкий двор
Ко тому купцу ко Митрею Митреевичу,
Посватайте Настасью Митреевишну!»
- 45 Туто молодцы не ослушались;
Поехали они скоро в Чернигов-град,
Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу,
И едут они на улицу на широку,
И бегут они ко двору широкому;
- 50 Со добрых коней молодцы соскакивают,
Ни к чему коней не привязывают,
Никому они коней не приказывают.
Воходили во светлую во светлицу,
Во тое палату белокаменну;
- 55 И крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому;
И сами говорят таковы слова:
«Здравствуешь, Митрей, гость-купец!»
«Добро жаловать, удалы добры молодцы,
- 60 Ты старой казак, Илья Муромец,
Со ласковым князем Владимиром,
Со Алешенькой со Поповичем,

- Со Добрынюшкой со Никитичем,
Со Васильем сыном Казимерским.
- 65 За один бы стол со мной хлеба кушати!»
«Мы пришли к тебе не столы столить,
Не столы столить, не пиры пирить,
А со добрым словом, со сватаньем,
Молоду Настасью Митреевишну
- 70 За того Ивана за Годенова».
Проговорит Митрей, гость-купец:
«И ладно бы ладнешенько,
Да вечер было поздним-позднешенко,
Прилетал Кошшеишшо Бессмертный;
- 75 Запросваталась Настасья за Кошшеишша,
Обручилась перстнями однозолотными».
И тут молодцам за беду стало.
Надевали шляпы черны, сами вон пошли.
Идут на улицу на широку;
- 80 Садилась молодцы на добрых коней
И бегут во дальню во чисто поле
И ко тем шатрам белым полотняным;
И встречает их Иванушко на радостях,
И спрашивает: «Высватали ль вы
- 85 Мне Настасью Митреевишну?»
«И наше несчастье великое:
И вечер было поздним-поздно,
Прилетал Кошшеишшо Бессмертный
И запросваталась Настасья за Кошшеишша,
- 90 Обручилась перстнями однозолотными».
Тут Ивану за беду стало:
«Сгой еси, мои удалы, добры молодцы,
Возьмемте мы Настасью нечестно,
Увеземте мы Настасью во свою землю!»
- 95 Тутто молодцы не ослушались,
Поехали они во Чернигов-град,
Ко тому ко Митрею купцу Митреевичу;
И едут они на широкий двор;

И пили они туто, гуляли, забавлялися.
100 Забавлялись трое суточки.
И брали они Настасью за белы руки,
И за те перстни за злаченные,
И садили они за Ивана Годенова
И повезли во свою землю.
105 И едут они ко синю морю,
И стегают коней по тучным бедрам.
И скачут кони через быстрый Днепр.
И тут Настасья испугалася,
Ее белые ручки отрывалися,
110 И падала она во быстрый Днепр;
На лету старый казак Настасью подхватывал
И садил за Ивана Годенова.
Неподалеку от моря отъехали,
Попал им звериный след, —
115 И прошел вепришшо-кабанишшо;
И отсылали туда десять богатырей,
Неподалеку они опять отъехали,
Попал им опять звериный след —
Прошла-де лань златорогая;
120 Отсылали они опять десять богатырей.
Опять завечали на участь на Иванову;
Опять неподалеку отъехали,
Попал им опять звериный след —
Прошла кобыла серопегая.
125 Опять отсылали они десять богатырей,
Опять завечали на участь на Иванову;
Остался Иванушко с Настасьюшкой.
Неподалеку он отъехавши.
Подъезжал Иван ко сыру дубу,
130 Слезат Иван со добра коня
И снимат Настасью Митреевишну;
И разоставил Иван бел шатер
И стал с Настасьей опочив держать.
И немного поры время миновалося,

- 135 Опочивал он с Настасьей три часа,
И прилетал Кошшеишшо Бессмертный,
И садился он на сырой дуб крековистый,
И зычал, кричал зычным голосом:
«Ах, не честь твоя, хвала молодецкая,
140 Иван Годенович!
От жива ты мужа жену берешь.
Не пора тебе лежать во белом шатре,
Пора тебе выходить со мной переведаться!»
Выскакивал Иван из бела шатра,
145 В одной тоненькой рубашечке без пояса,
Во одних тоненьких порточках без чоботов.
Сохватались добры молодцы ручным боем:
У Ивана борьба не ученая,
Не ученая — роженная;
150 Сохватал Кошшеишша Бессмертного,
Он ударил его о сыру землю,
Садился ему на черны груди,
Сам говорил таковы слова:
«Сгой еси, Настасья Митреевишна,
155 Неси ты мне ножище-чинжалище,
Распорю я у Кашея груди черные,
Посмотрю я сердце богатырское».
И тут Настасья не ослушалась,
Идет она из бела шатра,
160 Несет ножишшо-чинжалишшо.
И проговорит Кошшеишшо Бессмертный:
«За него ты выйдешь — будешь слыть
поляницею;
За меня ты выйдешь — будешь слыть царицею,
И будут тебе поклоняться тридцать
идолишшов!»
165 Тут Настасье за беду стало,
За великую досаду показалось;
Сохватала Ивана за черны кудри,
Сдергивала с Кошшея Бессмертного.

- И привязали Ивана ко сыру дубу,
170 И стали с Кошшеем опочив держать,
Опочив держать во белом шатре.
Не много поры-время миновалось,
Прилетели два голубя,
Прилетели два сизые
- 175 И садились на сырой дуб крековистый.
Увидал их Кошшей из белого шатра,
Сам говорил таковы слова:
«Гой еси, Настасья Митреевишна:
Прилетели два голубя,
180 Прилетели два сизые».
- И говорит Настасья Митреевишна:
«И не два голубя, не два сизые,
Это наша с тобой смертонька».
Выскакивал Кошшей из бела шатра,
185 Брал Кошшей свой тугой лук,
Накладывал калену стрелу
И стрелял он в двух голубей.
На лету Алешенька стрелу подхватывал
И подает старому казаку Илье Муромцу.
- 190 Поворачивал старый казак калену стрелу
Востреем на Кошшея Бессмертного
И бросил, ушиб Кошшея до смерти
И расшиб ему груди черные.
И улетели два голубя,
- 195 И выходила Настасья из бела шатра,
И говорила Настасья таковы слова:
«Что ты, Иванушко Годенович,
Не будешь ли ты меня бить, бранить».
«Я тебя, Настасья, не буду бить-бранить,
200 А только буду, Настасья, на ум учить».
- Тут Настасье за беду стало,
За великую досаду показалось.
И берет она саблю вострую,
И берет она чуден крест.

- 205 «Вот тебе, Иван Годенович, чуден крест
И вот тебе сабля вострая».
И поднимат она саблю выше буйной главы
И хочет ему ссечь буйну голову.
По кудрям его сабля покатила,
210 И обрезала все чамбуры богатырские.
Иванушко встал тут на радостях,
Собирал свой бел шатер полотняный
И садился Иван на добра коня
И садил он Настасью Митреевишну;
215 Везет ко колодцу глубокому.
«Слезай, Настасья Митреевишна,
Слезай со добра коня;
Обмывай свое тело грешное».
Обмыла Настасьюшка свое тело грешное,
220 Взял он у ней уши обрезал:
«Эти мне уши не надобны, —
Слушали речи Кошшеишша».
Взял он у ней глаза выкопал:
«Прилещались они, глядячи на Кошшеишша».
225 Схоронил ее тело белое,
Поехал в свое отечество.

ИВАН ГОСТИНЫИ СЫН

- Доброму, братцы, везде добро,
 Хорошему, братцы, везде хорошо,
 Удалому, доброму молодцу погибели нет!
 Во славном во стольном городе во Киеве
 5 У ласкового князя Владимира
 Было пированье — почестной пир,
 Было столованье великое.
 Собиралися все князья и бояры,
 Могучие, сильные богатыри,
 10 Вся их поленица удалая.
 День-то стоял со полудня,
 Стол-то стоял в полустолье,
 Сладкие кушанья в половине кушанья,
 Белая лебедь в половине рушанья.
 15 Напиваются бояры во полупитье,
 Наедаются бояры во полувыти.
 Ласковый Владимир-князь
 По полу похаживат по кирпичатому.
 По гриденьке по светленькой;
 20 Говорит-то князьям всем боярам,
 Русским могучим богатырям,
 Всей поленице удалая:
 «Кто из вас охоч пиво пьяно пити?
 Кто из вас охоч зелено вино пити?
 25 Кто из вас охоч сладки меды запивать?
 Кто охоч скакать на добром коне,
 От Киева скакать до Чернигова

Тридевяносто мерных верст, —
С моим-то со первым синегривым жеребцом,
30 С моим-то со вторым половогривым жеребцом,
С моим-то со третьим полоненным воронком,
Который полонен в хороброй Литве
У татарина Тугарина Измеевина.
Полонил воронка Илья Муромец,
35 Он воронком князя жаловал.
Положимте, братцы, велик заклад — пятьсот
рублей».

Большой за меньшего хоронится,
От меньшего ответу нет.
Не то было из места не из большего,
40 Не из среднего, не из меньшего, с дубовой
скамьи.

Не стук стучит во тереме,
Не гром гремит из тученьки, —
Говорил Ванюша Гостиный сын:
«Я был охоч пиво пьяно пить,
45 Я был охоч зелено вино пить,
Я был охоч сладки меды запивать,
Я был охоч на славном коне скакать
От Киева и до Чернигова,
Тридевять мерных верст,
50 На своем бы то буром жеребце,
На бурочке, косматочке, троелеточке.
Положимте, братцы, велик заклад:
Дай мне, Владимир-князь, сроку на три дня,
На три часа, на три минуты».
55 Недосуг Ванюшке во пиру сидеть:
Сходил с подворьяца дворянского,
И приходил ко своему подворьяцу,
И заходил ко коню на конюшеньку
На ту ли на конюшню белодубову,
60 Падает коню в праву ноженьку:
«Гой еси, мой бурочко-косматочко,

- Косматочко, троелеточко!
 Был я у князя Владимира
 На том на почестном пиру —
- 65 Пропил, заложил буйну голову:
 Держал я велик заклад
 Скакать от Киева до Чернигова,
 Скакать тридевять мерных верст
 С его-то первым синегривым жеребцом,
 70 С его вторым половогривым жеребцом,
 С его третьим полоненным воронком,
 Который полонен у хороброй Литве
 У татарина Тугарина Змеевика.
 Полонил воронка старый казак Илья Муромец;
 75 Он воронком князя жаловал.
 Провещилса его конь мудрым языком
- человеческим:
- «Гой еси, Вáнюшка Гостинный сын!
 Корми-ко меня пшеном белояровым,
 Пой-ко медовой сладкой сытницей
 80 Выводи-ко на луга на зеленые,
 Напой меня росой медвяною.
 Синегрив-от жеребец — мне меньшей брат,
 Пологрив-от жеребец — середний брат,
 Полонен-от воронко — в поле ровню бью.
 85 За что поеду, от него уеду».
 Поил-то и кормил коня Ванюшка
 Три дня, трое суточки и три минуточки,
 Накидывал коврички на доброго коня,
 Седлал он седлышком черкацкиим;
 90 Черкацкое седлышко о двенадцать подпруг
- шелковых
- Не для ради красоты — ради крепости;
 Стает он в стремянышко булатное.
 Приезжает он ко князю ко Владимиру,
 Заезжает в княженецкий двор не воротами,
 95 А скакает через стены белокаменные.

Кричит зычным голосом:

«Выходи-ко, ласков Владимир-князь,

На широку на свою улочку».

Выходит ласков Владимир-князь

¹⁰⁰ На красно свое крылечушко,

Кладет свои ручки на перилочки,

Глядит он на бурочка, на косматочка,

на трехлеточка.

Отдает он денежки пятьсот рублей, —

Видел, как этот молодец стоял,

¹⁰⁵ Не видел, куды молодец убежал.

ПРО ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧА

- Благословляй-ко, хозяин,
 Благословляй, господин, —
 Старину сказать стародавнюю
 Про молода Чурила, сына Пленковича.
- 5 Он бодро по городу погуливал,
 Под ним травка-муравка не топчется,
 Лазоревый цветочек не ломится,
 Зелен кафтан на нем не тряхнется.
 Что со вечера порошица порошила,
- 10 С полуночи выпал белый снег,
 Выпал белый снег во весь белый свет.
 По той-то пороше два следочка лежат,
 Малым-то малы, коротешеньки,
 Стары старики собиралися,
- 15 Они тем следкам дивовалися:
 «Чьи это следки малешеньки,
 Малым-то малы, коротешеньки?
 Это молода Чурила, сына Пленковича.
 То он бодро по городу погуливает.
- 20 Повадился Чурила ко Перемитьеву двору».
 Выходили часовы, выносили фонари,
 Выходила госпожа Перемитьиха,
 Берет она Чурила за белые руки, за златые
 перстни,
 Ведет-то его в новую горницу,
- 25 Садит-то его за дубовый стол,
 Поит-то его чаем, кофеем, зеленым вином.

- Тут-то слуге ее, горничной, за беду стало,
За великую досаду показалось;
Пошла она барину пожаловалась:
- 30 «Ты гой еси, наш превысокой господин!
У нас в дому чудо чудится, диво деется:
Твоя госпожа изменила тебе».
Скочил Перемитьев на резвы ноги,
Говорил он таковы слова:
- 35 «Ты гой еси, слуга, превысока госпожа,
Налей ты мне чару зелена вина в полтора
ведра!»
- Берет Перемитьев чару единой рукой,
И выпивает чару на единый дух;
Он берет со спички востру сабельку,
- 40 Пошел Перемитьев в нову горенку,
Он грозно по горенке похаживает,
Чеботами во пол поколачивает,
Востру сабельку на рученьке поправливает,
На спички, под спички посматривает,
- 45 Увидел на спичке золот колпак:
«Это что? мне не надобно?»
Подходила госпожа Перемитьиха,
Говорила она таковы слова:
«Ты гой еси, мой превысокий господин!
- 50 Я по городу ходила, по базару гуляла,
По базару гуляла и у батюшка была,
Мне батюшко пожаловал, родимый подарил:
Хочу я тебя срядить лучше старого,
Лучше старого, лучше нового».
- 55 Он грозно по горенке похаживал,
Чеботами во пол поколачивал,
Востру сабельку на рученьке поправливал,
На грядки, под грядки поглядывал.
Увидел на грядке шелковые перчатки:
- 60 «Это что, мне не надобно?»
Подходила госпожа Перемитьиха,

- Говорила она таковы слова:
«Ты гой еси, мой превысокий господин!
Я по городу ходила, по базару гуляла,
65 У матушки была,
Мне матушка дала, рѳдна жаловала:
Хочу я тебя срядить лучше старого,
Лучше старого, лучше нового».
- Он грозно по горенке похаживает,
70 Чеботами в пол поколачивает,
Востру сабельку на рученьке поправливает
На полки, под полки поглядывает.
Увидел на полке зелен кафтан.
«Это что, мне не надобно?»
- 75 Подходила госпожа Перемитьиха,
Говорила она таковы слова:
«Ты гой еси, мой превысокий господин!
Я по городу ходила, по базару гуляла,
У братца была, мне братец пожаловал,
80 Братец пожаловал, родимой подарил:
Хочу я тебя срядить лучше старого,
Лучше старого, лучше нового».
- Он грозно по горенке похаживает,
Чеботами в пол поколачивает,
85 Востру сабельку на рученьке поправливает,
На лавки, под лавки поглядывает,
Увидел под лавкой сафьяновы сапожки:
«Это что, мне не надобно?»
- Подходила госпожа Перемитьиха,
90 Говорила она таковы слова:
«Ты гой еси, мой превысокий господин!
Я по городу ходила, по базару гуляла,
По базару гуляла, у сестрицы была,
Мне сестрица подарила, рѳдна жаловала:
95 Хочу я тебя срядить лучше старого,
Лучше старого, лучше нового».
- Он грозно по горенке похаживает,

Чеботами в пол поколачивает,
Востру сабельку на рученьке поправливает,
100 На печку, за печку поглядывает,
Увидел за печкой две свечки горят:
То ясны очи глядят, то Чуриловы.
«Выходи-ко ты, Чурило, среди пола!
До тебя-то мне, Чурило, дела нету-ка,
105 Мы с тобой, Чурило, побратуемся!
Ты гой еси, княгиня, превысока госпожа!
Выходи-ко ты, княгиня, на красно крыльцо,
На красно крыльцо, на перильчато:
Женю я тебя, княгиня, на другом женихе,
110 На другом женихе — вострой сабельке».

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧ

- Со вечера пороха, со полуночи белой снег;
 По этой по порохе, по белу снежку
 Не зайко пробежал, не горностайко пробежал.
 Пробежал то Чурилко, сын Пленкович.
- 5 Он тропил-то тропинку к Белеметеву двору,
 К задней избушке в поваренную, в
 челядинную,
 Ко той Василисе Николаевне,
 Ко той ко честной королевишне.
 Он гость гостит во двенадцать лет, —
- 10 Никто про то не знает, не ведает.
 Пошла девушка Черनावушка по широку двору,
 Увидала Чурила, сына Пленковича.
 «Здравствуй, Чурила, сын Пленкович!»
 «Благодарствую, девушка Черनावушка!
- 15 Не знаешь про то дело, не ведаешь:
 Я у вас в гостях гощу, дары подарю,
 Подарю златой перстень в пятьдесят рублей.
 Ещё я тебе подарю золотой крест,
 Ещё я тебе подарю светлы денежки,
- 20 Не сказывай Белеметью Васильевичу».
 Пошла девушка Черनावушка;
 Встречу девушке Черनावушке Белеметь, сын
 Васильевич.
 «Здравствуй, девушка Черनावушка!»
 «Благодарствуй, Белеметь, сын Васильевич,
- 25 На многие летички!

Не знаешь про то, не ведаешь:

У нас гость в гостях гостит он по двенадцать
лет

Во задней избушке, во задней во поваренной,
Во поваренной, челядинной,

30 У той Василисы Николаевны

У той честной королевишны».

«Что, девушка, врешь или правду говоришь?

Отпущу я тебя на свою волю».

«А поди-ко ты в задню избушечку,

35 В задню поваренную, челядинную;

На лавочке сермяжка лежит,

Сермяжечка хитра-мудра:

Покрою немецкова,

Намету турецкова,

40 Шитья-то ярославскова.

Шапочка, рукавички на лавке лежат:

Шапочка пуховенькая,

Рукавички шелковые,

Чулочки бумажные,

45 Под лавочкой сапожечки лежат,

Сапожечки зелен-сафьян:

Под носок — яйцо прокатить,

Под каблуки — воробей пролетит».

Идет Белеметь в заднюю избушечку,

50 Во поваренную, челядинную,

Кладет руку на скобу,

Отворяет дверь на пята,

Стает он среди пола,

Среди пола кирпичатова,

55 Крест кладет по-писаному,

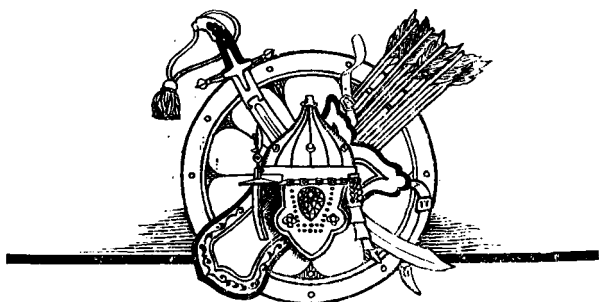
Поклон ведет по-ученому:

«Здравствуй, Василиса Николаевна».

«Благодарствую, Белемета сын Васильевич,
на многие летички».

«Чья у тя сермяжка лежит на лавочке,

- 60 Сермяжка хитра-мудрая:
Покрою-то немецкого,
Намету турецкова,
Шитья-то ярославского?
Чья шапочка, рукавичка лежит,
- 65 Шапочка пуховенькая,
Рукавичка шелковенькая,
Чулочки бумажные?
Под лавочкой сапожки лежат,
Сапожки, зелен-сафьян?»
- 70 «Это я у батюшки была
Меня погода изняла,
Я сермяжку надела на себя,
Со младенцем я была,
На младена я сапожки надела».
- 75 Не глядит он на ее отговорочки,
Берет ее за белые ручки,
За золотые перстни,
Выводит на красно крыльцо,
Отсекает ей буйну голову.
- 80 Увидел он Чурилу Пленковича:
«Пойди, братец, возьми своё добро!
Ты был званый гость».

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Никакие песни не могут сравниться с русскими песнями... и нет ни одного славянского народа, которого песни звучали бы таким выражением надежды на лучшую будущность славянства, такую могущественную силу и энергиею, как песня русская.

С. И. Гуляев

**КОСТРЮК ИЗЕМЗЮРЬЕВИЧ
И ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ**

- Старички-то были старенькие,
Старички стародавненькие,
Они люди были вежливые,
У них бороды расчесанные,
5 А усы-то приразглаженные,
Вы послушайте рассказу моего,
Ишшо что я буду сказывати,
Ишшо что прирасказывати,
Разговоры разговаривати.
- 10 Как у нас было при славном при царе,
При Иване при Васильевиче,
При блаженныя-то памяти его,
Собиралася беседушка свята,
Похотел он женити себя.
- 15 Он и брал жену в иной земле,
Молоду панью черкашеницу,
А свет Марью Земзюрьевну.
Он придана за ней много брал:
Что села-то со присельниками,
- 20 Города с пригородочками, —
Уж как триста татарничков,
Полтретьяста боярничков,
До семьсот было донских казаков,
Что удалых добрых молодцов.
- 25 Уж как все-то соезжались,
Ишшо все поздоровались,

- Одного-то гостя нет как нет,
Дорогого-то бы шурина
Кострюка Иземзюрьевича.
- 30 Он приехал попосле всех,
Он садился повыше всех,
Хлеба-соли он не кушает,
Белой лебеди не рушает,
Зеленá вина и в рот не берет.
- 35 Говорил он таковые словеса:
«Ах ты, зять ли мой, зятюшко,
Государь такой батюшко!
Ишшо чем ты вздумал потчивати?
Ты попотчивай борцами меня:
- 40 Ишшо, что я земель изошел,
Ишшо что городов просчитал, —
По себе я борца не сыскал.
Покажи мне своих борцов,
Каковы есть у те борцы,
- 45 У тебя борцы-поединщики?»
Как возговорит тут славный царь,
Что грозной Иван Васильевич:
«Ах ты, шурин, любезный мой,
Что Кострюк Иземзюрьевич!
- 50 У меня есть в Москве борцы,
Удалы два брата молодцы,
По прозванию Калашниковы:
Уж как Ванька-то маленький,
Да Данилко коротенький!»
- 55 Выходил царь во новые сени,
На красное крылечушко;
Он громкнул-то громким-громко:
«Выходите-ка, мои борцы,
Уж как Ванька-то маленький,
- 60 Да Данилка коротенький!»
Они на ногу легошеньки,
На посылку скорешеньки:

По двору уж похаживали,
Усы за уши закладывали,
65 Чулочки натягивали,
Сапожки понаправливали,
На носок приговаривали:
«Под носок яйцо прокати,
Под каблук воробей пролети».

70 Ишшо тут Кострюк бросился,
Он триста скамей повалил,
Полтретьяста бояр подавил,
Кому руку, кому ногу изломал,
И кому-то буйну голову сорвал.

75 Выходили они на зеленый луг,
Побороться они схватывались.
Уж как брал тут Данилко Кострюка
Иземзюрьевича пониже себя,
Что бросал об сыру землю.

80 Его телицо-то лопнулося,
Что фуфайка растегнулася,
А сапожки с ног слетели;
Увидала тут сестрица его,
Как свет Марья Земзюрьевна,

85 Закричала зычным голосом:
«Ах, Данилко ты коротенький!
Хоть у те бы и сила была,
Да ты бы этакой беды не чинил.
Кострюка-то до смерти убил!»

90 Отвечат тут Данилко ей:
«Ах, свет Марья Земзюрьевна!
Не дорога борьба была его,
Дорога его похвала,
Похвала — не выхвала!»

ПРО ИВАНА ГРОЗНОГО

(Царь Иван Васильевич и сын)

- Когда воссияло солнце красное,
И тогда воцарился наш грозный царь,
И грозен царь Иван сударь Васильевич.
И этого царя грознее не было.
- 5 И у него было столованье — почестный пир
И на многих князей, и на бояров,
И на всю поленицу удалую,
И на всю дружину храбрую.
И во полупиру бояре напивались,
- 10 В полукушанье наедались.
По палате сам царь похаживает,
Белыми руками помахивает,
Могучими плечами поворачивает,
Сам говорит таковы слова:
- 15 «Гой еси, мои князья, бояре,
Славные, могучие богатыри!
И пьете вы, едите, проклажаетесь,
Ничем вы, бояры, и не похвастаете.
Я вывел измену из трёх городов:
- 20 Из первова города — из Опскова,
Из второго города — Новгорода,
Из третьей-то матушки каменной Москвы».
И сидит тут его чадо милое
По имени Фёдор — царевич млад;
- 25 Сам говорит таковы слова:

- «Гой еси ты, батюшко, царь-государь,
Грозен царь — Иван сударь Васильевич,
Хвастаешь ты небылью:
Не мог ты вывести измены в каменной Москве,
30 Теперь измена у тебя за столом сидит».
- Тут-то царю за беду стало,
За великую досаду показалось;
Поднимал он свою саблю острую
Выше своей буйной головы;
35 Сам говорит таковы слова:
«Гой еси ты, Федор — царевич млад,
Скажи мне изменника на имя,
И покажи мне изменника на очи.
Скажешь мне изменника — скоро сказню
40 И не скажешь, — я тебя сказню,
И предам тебя казненью разному:
Язык тебе выну теменем,
Ясные очи с косицами,
Ретиво сердце скрозь одно ребро».
- 45 И проговорит тут Фёдор — царевич млад:
«Ты гой еси, наш батюшко-царь,
И Грозен царь сударь Иван Васильевич!
Прости ты меня, детину глупова,
Глупова детину неразумного,
50 Не с мудрости я слово вымолвил».
- Тут царю за беду стало,
Он зычит, кричит зычным голосом:
«Гой еси, мои слуги верные,
Злые палачи и немилостивы!
55 И берите-ка вы Фёдора — царевича
И за те бы за ручки за белые,
И за те за перстни злаченные,
И ведите его во даль, во чисто поле,
И во то раздолье Трепетово,
60 И кладите его на плаху белодубову,
И предайте ему казненье разное:

- И язык ему выньте теменем,
И ясные очи с косицами,
И ретиво сердце сквозь одно ребро
65 Отсеките ему буйну голову;
Окровените мне саблю вострую».
И все палачи испужались,
И все палачи разбежались,
Один палач не утрашился,
70 Молодой Малюта, вор Скурлатович;
И берет он Федора-царевича
За те бы за ручки, за белые,
За те ли за перстни злаченные,
И ведет его во даль во чисто поле,
75 Скоро весточка перепахнула,
Во то во село во Микитино,
Ко тому ко Миките ко Романовичу.
Тут-то Микита испужается,
На одну ногу сапог надел,
80 На другу ногу не успел надеть;
На одно плечо он кафтан надел,
На друго плечо не успел надеть,
И бежит скоро на красно крыльцо,
Зычит, кричит зычным голосом:
85 «Гой еси, мои любезные конюхи,
Хватайте мне добра коня поступчата,
Не науздывайте, не оседывайте!»
Скоро скакал на добра коня,
Сам говорит таковы слова:
90 «Гой еси, мои слуги верные!
Кто-де умрет за роды за царские?»
Изобрался у него любезный клюшничок:
Я-де умру за роды царские.
Садит его за себя на добра коня
95 И бежит он во даль, чистое поле
И во то раздолье во Трепетово,
И ко той ко плахе белодубовой.

- И зычит, кричит он зычным голосом:
«Гой еси, ты, вор Малюта сын Скурлатович,
100 Чтобы тебе, собаке, этим куском подавиться!»
И добегаёт он до плахи белодубовой,
Сдергивает он Федора-царевича
И кладёт он своего слугу вернова
На тое на плаху белодубову;
105 И дают ему казнь разное:
Язык ему вынули с теменем,
Ясные очи с косицами,
Ретиво сердце сквозь одно ребро;
И отсек ему Малюта буйну голову,
110 И окровенил он свою саблю острую,
И понес её к царю Ивану Васильевичу.
И садит Микита Федора-царевича
На своего добра коня,
Везет его во свое село,
115 И сделал он в своем селе радости:
Пылко и ярко в барабаны бьют,
И заунывные сыпóвки возыгрывают,
И добро в большой колокол благовестят.
Услышал наш батюшко царь-государь,
120 Грозен царь Иван Васильевич:
Тут царю за беду стало,
За великую досаду показалось:
«У меня несчастье великое,
А у Микиты в селе такие радости».
125 И скачет он скоро на добра коня,
И берет с собой копьё вострое,
И бежит он скоро к Миките в село,
И увидел Микита Романович своего царя
Во то окошечко стекляное.
130 И бежит он скоро на красно крыльцо,
И встречат царя Ивана Васильевича.
И царь проткнул ему копьем праву ногу,
Сам говорит таковы слова:

- «Что у тебя, Микита, за радости?
135 Пылко, ярко в барабаны бьют,
Заунывно сыпóвки возыгрывают,
И добро в большой колокол благовестят?
А у меня несчастье великое:
Порешил свое я чадо милое».
- 140 «А те у меня радости великие, —
У меня в гостях небывалый гость».
Проговорит тут грозен царь Иван Васильевич:
«Скажи ты мне гостя на имя,
И покажи мне гостя на очи».
- 145 И проговорит Микита Романович:
«А простишь ли свое чадо милое,
Молодого Федора-царевича?»
«Да я бы рад простить, да теперь негде взять.
Выводи же ты мне гостя на очи,
- 150 Скажи мне его на имя».
Выводит тут Никита Романович
Молодого Федора-царевича
Из той палаты белокаменной,
Сам говорит таковы слова:
- 155 «У меня-де умер за роды царские
Любезный клюшничек».
Тут-то царь стал на радостях,
Стал на радостях на великих,
Стал суды судить, закон устанавливать:
- 160 Кто-де мужика убьет,
Да к Миките в град попадет,
Тот виной прощен будет.

ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ И СЫН

В столичном славном городе — каменной
Москве

- У царя Ивана Васильевича
 Было пиrowанье — почестной пир,
 Было столованье княженецкое,
 5 На многих князей и на бояр,
 На русских могучих богатырей,
 На всю поленицу удалую.
 Вполпьяна бояре напивались,
 Вполсыта они наедались,
 10 Стали бояре хвастати.
 Кто-то хвастает животом своим,
 Кто хвастает конем своим,
 Кто хвастает молодой женой!
 Говорит на это православный царь:
 15 «Вы, друзья мои, братцы и товарищи.
 Есть чем мне на свете похвастати:
 Вывел я измену из Шахова,
 Вывел я измену из Ляхова,
 Вывел измену из Чернигова,
 20 Вывел измену из Новгорода,
 Вывел измену из каменной Москвы,
 Не будет измены век и по век!»
 Проговорит на то чадо милое его,
 По имени сын Федор Иванович,
 25 Сам говорит, как в трубу трубит:
 «Гой еси, батюшко, православный царь»

- Всей России царь, Иван Васильевич!
Небылью ты хвастаешь,
Небылицей похваляешься:
- 30 Не вывел ты измены из Шахова,
Не вывел измены из Ляхова,
Не вывел измены из Чернигова,
Не вывел ты измены из Новгорода,
Не вывел ты измены из каменной Москвы,
- 35 Будет измена век и по веки!»
Скоро скакал православный царь на резвы ноги,
Сам берет его за белые руки,
Сам скорее его спрашивал:
«Ты, чадо мое милое,
- 40 По имени Федор Иванович!
Скажи-ко ты измену на имя и изотчество?»
«Не могу я тебе измены сказати
На имя и на изотчество:
Первая измена за столом сидит,
- 45 Вторая измена на стол сбират,
Третья измена тебе пить подаёт».
На это царь разгневался и сказал:
«Вы, палачи немилостивые,
У кого на царские роды руки поднимутся,
- 50 Отсечь ему буйную голову?»
Все князья и бояре испугались, —
Со пиру они разбегались,
Остался только Васька Скурлатов, вор,
И говорит, как в трубу трубит:
- 55 «У меня на царские роды руки поднимутся —
Отсечь ему буйную голову.
Наше дело повеленое,
Слушаем слова говореные, —
Что приказывают, то и делаем».
- 60 Берет его за белые руки,
Ведет его на широкий двор,
Садит его в карету дубовую.

- Везет его во чистое поле
К тому колку березову,
65 К тому болотичку Куликову,
К той плахе белодубовой —
Отсежь ему буйную голову.
Не ласточка перелетает,
Не косатая перепорхивает,
70 Его матушка по имени Афросинья Романовна
Бежала к братцу родимому,
Что к Никите Романовичу:
«Ты, братец родимый,
По имени Никита сын Романович!
75 Ночесь-то мне малым-мало спалось,
И во сне много виделось;
Привиделся сон-сновиденьицо:
Взошло бы красное солнышко и померкнуло,
Перед образом свеча потухнула,
80 Упала бы звезда подвосточная,
Не стало в царстве царевича,
По имени Федора Ивановича,
Увезли его во чисто поле, к колку березову,
К тому болотичку Куликову,
85 К той плахе белодубовой —
Отсежь ему буйную голову».
Скоро скакал Никита Романович на резвые
ноги;
Бежит он на конюшен двор,
Хватает коня своего доброго,
90 Седлат седлом, подпруг не подтягиват.
Берет своего любимого ключничка,
Везет его во чистое поле,
Ко той плахе белодубовой,
Кладет-то он своего любимого ключничка
95 И берет любимого племянничка,
И говорит: «Гой еси ты, Васька Скурлатов,
вор!

Что другу налил — не выпей сам!»
Посадил своего любимого племянника на
доброе коня,

Коня ведет под губу.

100 Привез племянника к себе домой

И сделал пир навеселе,

Пьют, прохлаждаются...

«Гой ты, православный царь!

Ты находишься в кручине-печали,

105 А твой шурип пьет, увеселяется,

Сам похваляется,

А с тобою думы не думает».

Призывает он своего шурина,

Проткнул ему ногу саблю,

110 И говорит: «Какие тебе радости,

Что ты хвастаешь, похваляешься,

А со мной думы не думаешь?»

Возговорит Никита Романович:

«Как мне теперь не радоваться, —

115 У меня гость в гостях».

«Какой у тебя такой гость в гостях?»

«А которого в свете лучше нет,

Мне такого гостя жд́ать, не дожидаться!»

На это царь Иван Васильевич обрадовался,

120 Не устыдил своего лица белого,

Вынимает плат из карману,

Завертывает им рану

И приказал Ваську Скурлатова

Привязать к конскому хвосту

125 И отпустить коня во чистое поле.

ПОКУШЕНИЕ НА ЦАРЯ

На пиру то сидело полтретьясто бояр,
 Они крепкую думали думушку, заединую.
 И как будет извести царя православного.
 «Он покатится, наш батюшка, православный
 царь,

- 5 И ко белу свету, ко усердию.
 И ко усердию, ко благовещению.
 Мы закатым-то, ребятушки, пушку медную
 И во пушечку заложим ядро свинцовое,
 И расшибем-те, ребятушки, золотой берлин,
 10 Ушибем-те царя православного».
 И на пиру-то сидел млад татарченко¹,
 Он выслушивал у бояр речей,
 Надевал он свою шляпу черную,
 И пошел он из высокого из терема,
 15 И бежит он к царю, к палате белокаменной,
 И не спрашивает он у ворот приворотников,
 И не спрашивает он у дверей преддверников,
 Отворяет он двери помалешеньку
 И запирает он двери потихошеньку,
 20 И падает он скоро на коленочки,
 Сам говорит таковы слова:
 «Сгой еси ты, наш батюшка государь,

---

¹ «Татарченко», «татарченко» — в данном случае прозвище персонажа, не являющееся указанием на этническую принадлежность его.

- Не прикажи ты меня казнить,
А прикажи слово вымолвить».
- 25 «Говори-ка, говори, млад татарченочек».
И говорит млад татарченочек:
«Сгой еси ты, наш батюшка царь-государь,
На пиру туто сидят полтретьясто бояр,
Они думают думушку крепку заединую
- 30 И хотят тебя извести, царь православный,
Ты покатишься, наш батюшка, православный
царь,
Ко батюшке, ко белу свету, ко усердию,
Ко усердию, к благовещенью,
И хотят они зарядить пушку медную
- 35 И во пушечку хотят заложить ядро свинцовое,
И расшибить твой золотой берлин,
И хотят ушибить тебя, царя православного».
И проговорит тут батюшка, православный царь:
«Ой ты гой еси, млад татарченочек,
- 40 Если ты правду мне сказал,
Так я тебя стану жаловать,
Если ты мне неправду сказал,
Так я тебя скоро казню».
Тут он посадил татарченка во темницу
- 45 И приказал он запрягать в золотой берлин,
В берлин свой садит слугу верного.
И покатился его слуга ко белу свету, ко
усердию.
Выпаливали князья-бояра
Из той из пушки медная,
- 50 Расшибили у царя золотой берлин,
И в берлине ушибли слугу верного.

ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

(Правеж)

- Из-за гор было высоких,
 Из-за лесу, лесу темного,
 Не праведное красно солнышко выкатилось:
 То выкатилась карета красна волота,
 5 Карета государева.
 В этой карете сидел православный царь,
 Государь Иван Васильевич.
 Случилось ему поехать мимо торгу-базару,
 Мимо той-то таможни новорубленной,
 10 Ещё сколько я, братцы, по Сибири не
 гуливал,
 Я такого чуда-дива не нахаживал,
 Как нашел я чудо-диво в граде Киеве.
 Среди торгу-базару, среди площади,
 У того было колодечка глубокого,
 15 У того было ключа подземельного,
 У той было конторушки Румянцевой,
 У того было крылечка перильчатого,
 У той было первой ступени.
 Тут бьют-то доброго молодца за напраслину,
 20 Нагова бьют, богосо, без креста и пояса,
 В одних гарусных чулочках без чоботов.
 Правят же с него казну монастырскую,
 Не много, не мало — сорок тысяч рублей
 с копейками.

Он взмолился царю:

²⁵ «Ты, гой еси, наш батюшка, православный
царь,

Иван Васильевич!

Не я крал казны государевой,

Не я воровал,

Крали золоту казну воры-разбойники,

³⁰ А делили казну донские казаки».

- Случилось ему ехать посередь торгу!
Уж как спрашивал надежа, православный
царь,
25 Уж как спрашивал доброва молодца на
правеже:
«Ты скажи, скажи, детина, правду-истину,
Ишо с кем ты казну крал, с кем разбой
держал?
Если правду ты мне скажешь, я пожалую,
Если ложно ты мне скажешь, я скоро
сказню:
30 Я пожалую тя, молодец, в чистом поле,
Что двумя тебя столбами да дубовыми,
Уж как третьей — перекладинкой кленовою,
А четвертой тебя — петелькой шелковою».
Отвечал ему удалый, добрый молодец:
35 «Я скажу тебе, надежа, православный царь,
Я скажу тебе всю правду и всю истину:
Что не я-то казну крал, не я разбой держал,
Уж как крали-воровали добры молодцы,
Добрые молодцы, донские казаки.
40 Случилось мне, молодцу, итти чистым
полем,
Я завидел в чистом поле — сырой дуб
стоит,
Сырой дуб стоит в чистом поле,
крековистый;
Что пришел я, добрый молодец, к сыру
дубу,
Что под тем, было, под дубом под
крековистым,
45 Что донские-то казаки, они дел делают,
Они дел делили, дуван дуванили;
Подошел я, добрый молодец, к сыру дубу,
Уж как брал-то я сырой дуб посередь его,
Я выдергивал из матушки сырой земли,

- ⁵⁰ Как отряхивал коренья о сыру землю:
Уж как тут-то добры молодцы испугались,
Со делу они, со дувану разбежались,
Одному мне золота казна досталася,
Что не много и не мало, — сорок тысячей.
- ⁵⁵ Я не в клад-то казну клал, животом не звал,
Уж я клал тое казну во большой-то дом,
Во большой-то дом — во царев кабак.

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ

- Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
На крутом на красном бережечке,
Собирались тут казаки, люди вольные,
5 Становилися казаки во единый круг,
Они думали бы думушку заединую:
«Что кому из нас, братцы, атаманом быть,
Атаманом быть, есаулом слыть?
Атаманом будет Ермак, сын Тимофеевич,
10 Эсауличком Никита, сын Романович».
Поднимали они сходеньки дубовые,
Распускали они паруса полотняны,
И поплыли вверх по Волге по реке.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО СКОПИН

- У ласкова князя Владимира (?!)
 Было столованье — почестный пир.
 Собирались к нему князья, бояры
 И пили, гуляли, забавлялися.
- 5 Во полупиру бояры напивались,
 В полукушаньи наедался,
 Ласковый Владимир-князь
 По горенке похаживает,
 Сам говорит таковы слова:
- 10 «Что вы, мои князья, бояры,
 Пьете, едите, потешаетесь,
 Ничем, бояры, не хвалитесь?»
 И стали бояре хвалитися:
 Один боярин хвастал чистым серебром,
- 15 Другой боярин хвастал скатным жемчугом,
 Третий боярин хвастал красным волотом,
 Четвертый боярин хвастал золотой казной,
 Пятый похвастал молодой женой,
 Шестой похвастал своими детьми,
- 20 Седьмой похвастал добрым конем,
 Восьмой боярин похвастал высоким
 теремом,
- Один боярин не хвастает,
 Михайло Скопин, сын Васильевич;
 Встает Михайло на резвы ноги,
- 25 Сам говорит таковы слова:
 «Гой еси, батюшко Владимир-князь!

- Брал я Малюту за черны кудри,
Бил я Малюту о сыру землю,
За тое за измену за великую».
- 30 На пиру тут сидела Малютина дочь;
Наливала она чару зелена вина,
Во чару клала зелья лютова,
Подносила она куму крестовому:
«Выпей-ко чару, мой крестовый кум,
- 35 Михайло Скопин, сын Васильевич!
Насилу дождалась от тебя слова ласкова».
Принимат чару единой рукой,
Выпивает чару единым духом.
Схватило у Скопина сердце ретивое,
- 40 Надевал черну шляпу и вон пошел.
Садился Михайло на добра коня —
Не может Михайло на коне сидеть;
Едет он к своему высоко терему,
Едет на улицу на широку.
- 45 Увидала его матушка родимая
Сквозь окошечко косящато,
Сквозь оконенку стеклянную,
Бежит скоро на красно крыльцо
И встречает свое чадо милое:
- 50 «Ой ты гой еси, мое чадо милое,
Ты Михайло.Скопин, сын Васильевич:
Почто ты эдак упиваешься?»
Михайло сын Васильевич:
«Ох гой еси, моя родима матушка,
- 55 Не сам я собою упиваюся,
Напоила меня Малютина дочь:
Наливала она чару зелена вина,
Во чару клала зелья лютова,
Подносила она куму крестовому,
- 60 Сама говорит таковы слова:
Выпей-ко ты, мой крестовый кум!
Я примал чару единой рукой,

Выпивал единым духом,
И схватывало у меня сердце ретивое.
65 Тут Михайло не мог на пиру сидеть,
И надел я черну шляпу, сам вон пошел.
Вышел я на улицу на широку,
И садился я на добра коня,
И не мог я, матушка, на нем сидеть».

СЫН СТЕПАНА РАЗИНА

- Не от пламечка ковыль-трава загоралася,
 Горела она, разгоралася.
 Подгорели у яснава сокола желты ноги,
 Подпалило его крылья быстрые,
 5 Крылья быстрые — златы перышки.
 Не от ветричку белые палаты зашаталися,
 Не от вихоря палаты отворялися, —
 Как идет-то во палатушки вор-изменник.
 Во палатах-то расставлены столы дубовые,
 10 На столах-то разостланы сукна дорогие,
 На сукнышках стоят чернильницы золотые,
 Во чернильницах-то перья лебедины.
 За столом сидят три царя, три государя.
 Стал-то белый царь добра молодца
 допрашивать:
- 15 «Ты откуда, добрый молодец, скажися:
 Ты не с Дону ли казак, казачий сын,
 Али ты из матушки каменной Москвы?»
 «Я не с Дону казак, не казачий сын,
 Не из матушки я каменной Москвы;
- 20 Я, удалый, добрый молодец, с Волги-реки,
 Атаманов я сын — Стеньки Разина.
 Заутра-то будет сам батюшко,
 Вы умеете его встретить, честь воздать».
 Присудили цари его под суд отдать,
- 25 Под суд отдать, кнутом отбить.

КАЗНЬ СТЕПАНА РАЗИНА

На заре то, братцы, было на утренней,
На восходе красного солнышка,
На закате светлого месяца.
Не сокол летал по поднебесью,
5 Есаул гулял по садику,
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцев побуживал:
«Вы вставайте, добры молодцы,
Пробудитесь, донские казаки,
10 Не здорово на Дону у нас,
Помутился славный тихий Дон,
Со вершины до Черна моря,
До Черна моря — Азовского
Помешался весь казачий круг,
15 Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича
По прозванью Стеньки Разина.
Поймали добра молодца,
Завязали руки белые,
20 Повезли его в Москву каменну
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову.

О САЛТЫКОВЕ

- Как у нас было во царстве,
В Московском государстве,
Перебор-де был боярам,
Переборы воеводам.
- 5 Выбирали воеводу,
Того роду не простова,
Господина Салтыкова —
Петра, сына Алексея.
Он садился, воевода,
- 10 Во легонькой во стружочек.
Потянули ветры буйны
С полуденной со сторонки;
Подносило воеводу
К тому месту, ко святому,
- 15 Ко игумену честному.
Он стрелял бы, воевода,
Во соборну божью церковь.
Уронил тут воевода
Богоматерь со престола.
- 20 Все тут старцы испужались,
По стенам града метались.
В едно место собирались,
В едно слово говорили:
«Хоть мы головы положим,
- 25 А по-старому послужим,
Слуги верны богу будем,
С ним во царствие прибудем.

Не вели, сударь, казнити,
Прикажи речь говорити, —
30 Этих старцев не казните,
В сине море не метати!»
Не глядя на них, воевода —
Всех тех старцев приказнили,
В сине море побросали.
35 Купцы-гости приезжали,
Бьют челом они государю:
«Прикажи, царю, святых собрать,
Во сыру землю предать,
С честью-правдой схоронить».

КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН

- Не куличенько по болотичку куликает,
Что не сам-то князь Голицын
В зеленых лугах гуляет;
Размышляет он, как Москву проехать:
5 «Темным лесом-то мне ехать —
Дороженька темна;
Чистым полем мне-ка поехать —
Дороженька пыльна;
Москвою мне ехать будет стыдно.
- 10 Поеду ли я каменной Москвою,
Каменной Москвою, улицей Тверскою».
Подъезжает князь Голицын к Успенью собору,
Снимает князь Голицын шапочку соболью,
Заходит князь Голицын в церковь божью,
- 15 Молится князь Голицын христу спасу,
Кланяется князю-то Ивану,
На все ли на четыре стороны.
Поздравляет князя Ивана со полками,
С любимыми полками — с егерями.
- 20 Обращается князь Голицын во чисто поле...

О КНЯЗЕ ГОЛИЦЫНЕ

- Как на горочке было на горе,
 На высоконькой было на крутой,
 Тут построена матушка Москва,
 Всей губернии Москва — честь-хвала.
- 5 Серым камешком Москва услана,
 Не серым камешком — белым кипарем:
 Чистым важненьким Москва хрусталем.
 Как Москвой-то злой наш генерал,
 Он бы запил ли, запил, загулял,
- 10 Трое суточки в Москву не бывал.
 Он запродали ли матушку Москву,
 За дешеvu Москву за цену,
 За три бочки злата-серебра,
 За четвертую зелена вина.
- 15 Когда брал бочки, он их не осматривал.
 Распечатал — в них желтенький песок.
 Поднимается с полден ветерок,
 Он разносит ли желтенький песок,
 Что по батюшку по чисту полю,
- 20 По широкому по раздольицу.
 Из конца в конец всю Москву прошел,
 Лучше, краше тебя не нашел.
 Посреди Москвы — силу становил,
 Ставил силушку — стал ее смечать,
- 25 Сметил силушку — сорок тысяч нет.
 И с того числа — воры беглые,
 Воры беглые беспаспортные.
 Заряжайте-ка пушки медные,
 Вы стреляйте-ка через Крым-город,
- 30 Попадайте-ка в каменну стену.
 Каменна стена не шатилася,
 Белая глинушка повалилася.

О ШЕРЕМЕТЬЕВЕ

- Во тысяча (семьсот) первом году
 Во месяце было во июне, —
 Из того было московского государства
 Не тученька грозная поднималась, —
 5 Поднимался князь Борис боярин Шереметьев.
 На те ли на луга на зеленые;
 И наехал на турецкую большую пашню.
 Не сохами эта пашенка распахана,
 Не боронами эта пашенка боронена,
 10 Не пшеною эта пашенка посеяна,
 Не дождями эта пашенка поливана, —
 Распахана была пашенка штыками,
 Боронена солдатскими тесаками,
 Насеяна молодецкими русскими головами,
 15 Поливана человеческой алой кровью.
 Тому Борис-боярин устрашился,
 На те дубравы зеленые отшатился,
 Кругом лагерем становился.
 Поехал на турецкого Влас-мурзу,
 20 Заковал турецкого Влас-мурзу
 В ручные и ножные немецкие железы,
 И стал спрашивать турецкого Влас-мурзу:
 «Скажи мне, Влас-мурза, суцую правду,
 У вашего царя силы много ль?»
 25 «Гой еси, князь Борис боярин Шереметьев!
 У вашего царя силы много, —
 У нашего короля втрое болей».
 «Вы гой еси, солдаты, слуги верны,
 Подымите-ко Влас-мурзу на штыки острые,
 30 Подымите повыше!»

О З. Г. ЧЕРНЫШЕВЕ

- Ты талан ли мой, талан такой,
Иль звезда моя, злосчастная,
На роду мне доставалася.
Доставался мне Кистрик-город,
5 С городами с пригородами,
С теремами с притеремками.
Во Кистрике славном городе,
На проезжей большой улице,
Во широком переулочке,
10 Тут стояла темна темница,
Темна темница — земляна тюрьма.
Как во той темной темнице
Засажен сидит российский граф,
Чернышев Захар Григорьевич.
15 Его рученьки завязаны,
Резвы ноженьки закованы.
Он по темнице похаживал,
Во окошечко поглядывал,
Сам железами побрякивал:
20 «Вы железы, вы немецкие,
Вы не мне-то были кованы,
Что плутам-ворам, разбойникам,
Уж как мне-ка вы достались».
Как по той главной улице
25 Проезжал-то сам прусский король,
Говорил сам таковы слова:
«Ах ты гой еси, российский граф,

Чернышев Захар Григорьевич,
Послужи мне верой правдою,
30 Верой правдою неизменною,
Как служил ты царю белому,
Царю белому российскому». —
Как возговорит российский граф,
Чернышев Захар Григорьевич:
35 «Как была бы сабля острая, —
Сослужил бы службу верную,
Я бы снес твою головушку».

О СУВОРОВЕ

- На горе-то горе на раскатистой,
Тут построена церковь славная,
Церковь славная, семиглавая.
На седьмой главе крест серебряный,
5 Крест серебряный весь повызолочен.
На кресте сидела мала пташечка,
Мала пташечка, млад сизой орел,
На кресте сидел — далеко глядел,
Далеко глядел — во чисто поле,
10 Во чисто поле за сине море,
В землю шведскую, в землю турецкую.
Там шли-прошли три полка солдат.
Уж как первый полк во трубы трубил,
А второй-то полк в барабаны бил,
15 Уж как третий-то полк шел не в радости,
Что Суворов-князь на руках несут,
Ворона его коня в поводу ведут,
Его цветное платье в тороках везут
Мимо города, мимо Киева,
20 Мимо крепости государевой,
Увидала его родна матушка,
Выходила она на красно крыльцо,
Говорила ему, чаду милому:
«Ты зачем пошто пьян напиваешься,
25 Зелена ты вина упиваешься?»
«Я не сам-то собой пьян напивался,
Напоил меня злой прусский король,
Не вином поил — свинцом-порохом,
Он хмелил меня из медной пушечки».

О КУТУЗОВЕ

Ну, ребята, к нам французы,
Поспешим скорей сходить.
Нам к чему искать союзы,
Силу с гвардией побьем.
5 Командир у нас Кутузов,
Он умеет бить французов.
Приказ строгий он дает,
На сражение сам идет.
Бериксон наш генерал,
10 Он удумал это так,
Он удумал это так,
Чтоб итти нам всем вот так.
Атаман Платов наш казак,
Подтвердил он точно так.
15 Было время им за нами,
Но теперь погоним сами.
День шестого октября
Собралася русских тьма.
Наполеон про то не знает,
20 Что русак на них нагрянет.
Наполеон бьется, мечется,
Сам не знает, куда деться.
«Враг возьми эту Россию,
Я оставил всю в ней силу,
25 Я в Россию не пойду
И на север не зайду.
Я не стану с русским драться,
В Париж не с кем показаться».

О ПЛАТОВЕ

- Свято русская земля,
Много славы про тебя,
Много славы про тебя,
Про Платова казака.
- ⁵ У Платова казака
Небритая борода,
Не стрижены волоса.
Платов голову остриг
И бородушку обрил,
- ¹⁰ У француза в гостях был.
Француз его не узнал,
За купчину почитал,
На улочку выбегал,
За оградой встречал,
- ¹⁵ За белые руки брал,
В нову горницу вводил,
За дубовый стол садил,
За дубовый стол садил,
Чаем, кофеем поил.
- ²⁰ На серебряном подносе
Сладкой водкой подносил.
«Выпей рюмку, выпей две,
Всю ты правду скажи мне.
Уж я всех же в Москве знаю.
- ²⁵ Генералов и господ,
Одного только не знаю
Я Платова казака.
Кто бы, кто бы мне сказал,

Тому б много злата дал,
30 И в полон бы его взял,
И с живого кожу снял». *Выпил рюмку, выпил две*
Зашумело в голове.
«А нашто злато терять,
35 Можно так его узнать:
Он со личика беленок,
Ростом, корпусом с меня,
Русы волосы его
Как у брата моего».

40 У француза дочь Орина,
Что догадлива была,
Из палаты выходила
С купцом речь говорила:
«Ах ты, купчик, мой голубчик,
45 Ты удалый молодец,
Ты подай мне свой портрет».
Портрет Платов вынимал,
На белые руки клал,
Из палаты вон бежал,

50 Зычным голосом кричал:
«Уж вы гой еси, ребята,
Вы донские казаки,
Вы подайте мне коня,
Как ясного сокола».

55 На коня Платов садился,
Как соколик ясный взвился.
Под окошки подбегал,
Таковы слова сказал:
«Ты ворона, ты ворона,
60 Подгуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Сокола в руках держать,
Что ясного сокола
Платова казака».

О ВОЙНЕ 1854—1855 ГОДОВ

- Распроклятый француз — англичанин,
Возмутил ты чалму на нас.
Наипаче он налегает
На стрелковый третий баталион.
- 5 Пули, ядра нам знакомы,
Картечь, бомбы нипочем.
Заряжайте ружья поскорее,
Французов встретим мы в штыки.
Пули, ядра полетели,
- 10 Точно с неба сильный град.
Заставил он все пути-дорожки,
Хотел с голоду нас заморить.
Мы рогатую его скотинку
В чистом поле всю перевели,
- 15 Мы резать ее не щадили,
Мы варили, жарили, пекли.
Вместо соли посолили
Из патронов мелким порохом,
С горя трубочки закурили
- 20 И распростились с родной стороной:
«Ты прощай, родна сторонка,
Одесса славный городок.
Наши матери, наши родные
Остаются вечно горевать,
- 25 Наши батюшки родные
Остаются вечно работать,
Наши жены, жены молодые,
Остаются в доме ни при чем,
Наши деточки малолетние
Остаются вечно сиротать».

ПЕСНИ- БАЛЛАДЫ

Мне желательно было бы собрать это дорогое народное достояние (былины и песни), пока не уничтоженное цивилизацией, представляющее богатый материал для будущих гениальных композиторов.

С. И. Гуляев

ПОЛОНЯНИН

(Молодец в плену татарском)

- Как издалеча, из чиста поля,
 Из того было раздольица широкова,
 Шли-прошли собаки — злы татарове.
 За собой вели собаки много полону,
 5 Много полону, много князей-бояр.
 Назади ведут удала, добра молодца,
 По имени зовут его Сироточкой,
 Сироточкой, вдовьиным сыном.
 Завязаны у молодца ручки белые
 10 Во крепкие чумбуры во шелковые.
 Закованы у молодца ножки резвые
 Во крепкие железы во немецкие
 И завешены у молодца очи ясные.
 Как проговорит удалый, добрый молодец:
 15 «Ой вы гой еси, собаки, злы татаровья!
 Развяжите вы мне, мблодцу, ручки белые,
 Раскуйте добру молодцу ножки резвые,
 Вы развесьте добру молодцу очи ясные!
 Я спою-де вам, собакам, песню вчерашнюю,
 20 Мы котору песню пели на синем море,
 Мы на батюшке на Соколе, черном корабле.
 Мы не песню, братцы, пели, горе мыкали».

ДЕВИЦА В ЛОДКЕ АТАМАНА

- Слобода ли ты, наша слободушка,
 Слобода ли ты слободливая,
 Слободливая, спогулливая,
 Спогулливая и прохладливая!
- 5 С красными девушками проклаждаюся:
 Уж вы, девушки да наши детушки,
 Проводите-ка нас на долинушку, —
 При долинушке стоит дубровушка,
 При дубровушке — зелена роща.
- 10 Во зеленой роще — част ракивов куст,
 Во том кусте свито гнездышко соловьиное,
 Что во том гнезде малы детушки.
 Из-под кустика течет реченька,
 Речка быстрая, струистая;
- 15 По той речке плывет лодочка,
 Лодка легкая, лодка ветловая.
 Хорошо лодка изукрашена,
 Черным бархатом уколочена,
 Крупным жемчугом изнасечена,
- 20 Веселышками изнавешена,
 Гребцами-молодцами изнасажена.
 Во первом носу — атаман с ружьем,
 Во втором носу — есаул с веслом,
 Посреди лодки — золота казна,
- 25 На златой казне — красна девица,
 Атаманчику полюбовница,
 Есауличку родна сестрица.
 Пльвучи, девка речь говорила:
 «Помоги мне, боже, до Москвы дойти,
- 30 Атаманчику быть казненому,
 Есауличку быть повешену,
 Гребцам-молодцам темна темница,
 А мне, девице, воля вечная,
 Воля вечная, бесконечная!»

**О ДЕВИЦЕ, ДОСТАВШЕЙСЯ
С ДУВАНУ МОЛОДЦУ**

Как у нас то было, братцы, за тихим Доном,
За тихим Доном, за Ивановичем, —
На делу, братцы, дел делили,
Дел делили, дуван дуванили.

- 5 Доставалось молодцам по пятисот рублей,
Атаману с есауличком по тысяче.
Одного они добра молодца обдували:
Доставалася молодцу красна девица.
Уж как плачет молодец, возрыдаючи;
- 10 И говорит молодец таковы слова:
«Как на бою-то мы, на драке — люди первые,
На делу-то, на дуване мы — последние».
Говорила красна девица добру молодцу:
«У меня-то есть кунья шуба во пятьсот рублей,
- 15 На правой руке золот перстень в семьсот
рублей,
На буйной голове золот венец в тысячу,
Я сама, красна девица, в барышах пришла».

МОЛОДЕЦ И КАЗНА МОНАСТЫРСКАЯ

- Как у нас то было, братцы, на святой Руси,
На святой Руси, в каменной Москве:
Тут я, матушка, жил во семи клетях,
Во восьмую клеть сверху заглядывал.
- ⁵ Во восьмой клетки стоят образы,
Перед образами свечи теплятся,
Пречестная вдова богу молится,
Жалобу кладет на свое чадо милое:
«Тебе бог судья, тебе, милый сын,
- ¹⁰ На што ты брал золотую казну».
«Не я-де крал золотую казну,
Золотую казну, монастырскую».
Воровали казну донские казаки.
Увозили казну во сырой бор;
- ¹⁵ Делили казну на девять паев,
Десятому, добру молодцу, не досталось.
Туто молодцу за беду стало;
Выдергивал сырой дуб со кореньями
И разгонял он донских казаков
- ²⁰ По батюшку по чисту полю;
Доставалась вся ему золота казна.

МАРЬЮШКА ВДОВЬИНА ДОЧЬ

- Жила была честная вдова,
У вдовы было девять сынов,
Десятая — дочь Марьюшка.
Два сына дома живут,
- 5 А семь сыновей в разбой пошли,
Дочку Марьюшку замуж выдали,
Замуж выдали за морянина,
За морянина за хозяина.
Она год живет и другой живет,
- 10 Родила она дитя милое.
Захотелось дочке Марьюшке,
Захотелось в гости к матушке:
«Ты пусти, пусти, морянин, меня,
Ты пусти меня в гости к матушке!»
- 15 Как пошла-пошла дочка Марьюшка,
Как пошла она в гости к матушке,
Как и шла она путь-дорогою,
Что попались ей семь разбойников.
Дочку Марьюшку во полон взяли.
- 20 Дитя милое в земь ударили;
Привели ее к огоничку,
Что постлали они по войлочку.
Спят-храпят все разбойники.
А один не спит, все выпрашивает:
- 25 «Ты скажи, скажи, полоняночка,
Ты какого роду-племени?»
Говорит ему дочка Марьюшка,

Из какого она роду племени.

Разбудил он тут разбойников:

30 «Вы вставайте-ка, братцы родные,

Мы кого-то во полон взяли!

Во полон взяли сестру родную,

В земь ударили мы племянничка».

Тут вскочили все разбойники,

35 И заплакали они жалостно,

И пошли все за племянничком;

Они взяли его со сырой земли,

Понесли его ко морянину,

Они пали во резвы ноги:

40 «Ты прости, прости, морянин, нас!»

Понесли дитя во божью церковь,

Опустили его во сыру землю.

МОЛОДЕЦ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ЖЕНЕ

- «Как женил-то меня батюшко неволею,
 Родна матушка — неохотою;
 И они брали из места из богатого,
 И много множество было приданого за ней,
 5 И много множество, а человека с дела нет.
 И мне-ка нечем при своей братье похвастати».
 И еще вздымал добрый молодец гулять итти,
 И ушел-то добрый молодец ко синю морю;
 Он ходил, гулял ровно девять лет.
 10 Со синя моря туманы поднимались,
 Молодцу пала кручина в ретиво сердце,
 И еще вздымал добрый молодец домой итти:
 «Мне к батюшке итти — живым не застать;
 К роду-племени итти — не узнают меня;
 15 Я пойду-ка, добрый молодец, к молодой своей
 жене».

- И он идет-то, добрый молодец, по улице,
 Вдоль по улице идет да по широкой.
 Тут играли-поиграли два мальчика.
 Он говорит таковы слова:
 20 «Гой вы еси, два мальчика!
 Кто этта живет? Чья изба эта стоит?»
 И проговорят два маленьких мальчика:
 «Тут живет-то наша матушка родимая
 И пречестная вдова, благодатная».
 25 «А где у вас родимый батюшка?»
 «Ушел-то наш батюшка ко синю морю».

Услыхала их матушка из высокого из терема
И отворяла окошенку стеклянную,
И сама говорила таковы слова:
30 «И не всходило красно солнышко три года,
И не всходило красно солнышко шесть годов,
И не всходило красно солнышко девять лет.
А сегодня красно солнышко высоко взошло!»
И бежит она на улицу на широку
35 И сама говорит таковы слова:
«Ой вы гой еси, мои дети милые!
И пришел-то ваш родимый батюшка;
И берите его за белы руки,
И ведите его в нову горницу,
40 Садите за столы за дубовые,
За скатерти браные,
За яствы за сахарные,
И пойте, кормите, кланяйтесь».

ПРО КНЯЗЯ МИХАЙЛУ

- Не порошица порошила,
Не белы снеги выпадали,
Не мать сына провожала
На царскую службу государскую.
- 5 Жарко банюшку натопила,
Круты щелоки наварила,
Сер-горюч камень накалила.
Сноху в баню заманила,
На дубовый полук клала,
- 10 Очи ясны выжигала,
Белы груди распорола
Вострым ножечком складешочком;
Из утробы дитя вынимала,
На серебряно блюдо клала,
- 15 Ко синю морю подходила,
Во сине море его опустила.
Море синее всколебалось,
В море кит-рыба встрепескалась;
У Михайлы конь споткнулся,
- 20 Пухова шляпа с главы спала,
Князь Михайлушко сдогадался:
«Я вам, братцы, не товарищ,
У меня в доме несчастье:
Либо матушка нездорова,
- 25 Либо белая беляна,
Молодая жена княгиня».
Подъезжает он ко палате,

- Выходит его мать родима
Снимает его с коня доброго.
- 30 Князь Михайло ее вопрошает:
«Ой ты, матушка родима,
Где моя беляна,
Молодая жена княгиня?»
«А в особой-то во палате
- 35 Она моется да белится,
Хорошо хочет снарядиться».
Князь Михайло входит во палаты
И спрашивает у мамок, у нянек:
«Ой вы, нянюшки, и вы, мамушки,
- 40 Вы скажите мне всю правду,
Где же моя белая беляна,
Молодая моя жена княгиня?»
Отвечают ему няньки-мамки:
«Во особой она во палате
- 45 На столе лежит на дубовом
Под черною под тафтою,
Под белою бахромою».
«Ой ты, матушка моя родима,
Ты две души погубила,
- 50 Закон божий ты разлучила;
По роду ты мне мать родная,
По разлуке ты — змея люта!»
Он втыкает тут саблю востру
Тупым концом в сыру землю,
- 55 А вострым концом в ретиво сердце.

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ И ВАНЯ КЛЮШНИК

- Как у нас было на святой Руси,
 На святой Руси, да в каменной Москве, —
 Стояли там палаты белокаменны;
 Во этих во палатах жил Волконский-князь.
- ⁵ У Волконского князя Владимира,
 У него-де было два клюшника.
 Клюшник на клюшника доказывáт:
 «Ох ты гой еси, наш батюшка
- Волконский-князь,
- Ваня клюшник живёт да со княгинею,
¹⁰ Со душечкой, да с Апраксией».
- За то он посадил клюшника во темницу:
 «Ты не врешь ли, клюшник, не хлопашь ли?»
 Сам говорит таковы слова:
 «Ох вы гой еси, мои слуги верные,
- ¹⁵ Вы подите, приведите Ваню клюшника!»
 Тута слуги не ослушались,
 Идут они по Ваню клюшника,
 Сами говорят таковы слова:
 «Пойдем-ка, клюшник, тебя князь зовет,
- ²⁰ Князь зовет, да мы не знаям, на что».
- Надевал он сапожки зелен-сафьян,
 Надевал кафтанчик рудожелт-камки,
 Подпоясывал опоясочкой шелковой,
 Надевал перчаточки баретовые,
- ²⁵ Надевал на себя шляпу черну-мумряку,

- Во три ряда кудри завивалися,
По четвертый ряд по плечам лежат.
Он брал с собой звончатый гусли,
Он идет по улице Устретенской
- 30 Ко Волконскому-князю на широкий двор,
Отворяет он двери потихошеньку,
Запирает двери помалешеньку,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому:
- 35 «Здравствуешь, батюшко Волконский-князь!»
«Добро жаловать, молодой клюшничок!»
Проговорит молодой клюшничок:
«Ой ты гой еси, батюшко Волконский-князь,
Ты меня на что звал, на что требовал?»
- 40 Проговорит тут Волконский-князь:
«Скажи ты мне, клюшник, правду-истину,
За то я стану тебя, клюшник, жаловать:
Давно ли ты живешь со княгинею,
Со душечкой, со Апраксией?
- 45 Стану я тебя жаловать двумя столбами
дубовыми,
Третьей перекладной тавалженой,
Четвертою — петлею шелковою».
Проговорит Ваня клюшничок:
«Ах ты гой еси, батюшко Волконский-князь!
- 50 Прикажи мне на послѣди в гусельцы сыграть».
«Ты взыграй, взыграй, молодой клюшничок,
Княгинин ты сплюбовничек!»
Заиграл клюшник в звончаты гусли,
По гуслиам его струны выговаривают:
- 55 «Упито, братцы, было, угуляно,
Добро хóрошо было ухожено,
Цветно платьицо было уношено,
На добрых конях было уезжено,
И на мягких постелях было усыпано,
- 60 По белым грудям княгини было утрѣпано,

- Во сахарные уста уцеловано.
И жил я со княгинею ровно три года,
На четвертый год князь доведался.
И проговорит Волконский-князь:
- ⁶⁵ «Ой вы гой еси, мои слуги верные!
Берите-ко вы любезного клюшника,
Ведите к столбам белодубовым
И ко той перекладине тавалженной,
Кладите во петельку шелковую».
- ⁷⁰ Клюшник во петле болтается,
Княгиня во палате кончалася.
И прибегают к князю слуги верные:
«Гой еси, батюшко Волконский-князь!
У те клюшник во петле болтается,
- ⁷⁵ А княгиня во палате кончалася».
И проговорит Волконский-князь:
«Ах, сгубил я две головушки добрые,
И живите-ка они хоть бы век-от свой».

ГРИШУТКА КЛЮЧНИК

- Во славном городе во Киеве,
 У ласкова князя Владимира
 Было пированье — почестной пир,
 Было столованье великое.
- 5 Покорил ключник-ларечник:
 «Живет-то княгиня с Гришкой ключником».
 Это слово князю за беду стало,
 За досадушку великую показалось:
 «Слуги ли вы, слуги мои верные,
- 10 Пойдите-ка по Гришку ключника!»
 На то слуги не ослушались,
 Приходят по Гришку ключника:
 «Ступай-ко, Гришутка, тебя князь зовет».
 «На что зовет, на што требует?»
- 15 «Мы не знам про то дело, не ведаем».
 Одевается Гришутка, не торопится;
 Надевает сапожки на босу ножку,
 Надевает кафтан нараспашку,
 Приходит он ко князю ко Владимиру.
- 20 К тому солнышку Сеславьеву.
 «На што ты, князь, звал, на што требовал?»
 «На то я тебя звал, на то требовал:
 Чем я тебя, Гришутка, буду жаловать?
 То ли вострым копьём, то ли строевым ружьём.
- 25 То ли реленкой высокою,
 То ли петелькой шелковою?»
 Гришутка в петельке болтается,
 Княгиня в терему кончается.

ПРО КУЛИКА-ТРАВНИКА

- Из далеча далеча,
 Из поля из Галичева,
 И вылетает кулик-травник,
 И вылетает птица сбойчивая,
 5 И за собой она сбой держит
 И лукавство немаленькое.
 И пронырство великонькое.
 И садится она на зеленый лужок
 И на летнюю травоньку,
 16 И на шелкову муравоньку.
 И увидал Потаня кулика из окна,
 И ставил Потаня кружок¹
 Что на тот на зеленый лужок.
 Попадал куличок во кружок,
 15 И во ту во петлю во шелкову.
 И сохватал Потаня кулика,
 И несет его в нову горницу,
 И опускает в палату белокаменну.
 Он и бьется, лукавится,
 20 И вперед подвигается,
 И на носок спотыкается,
 И за занавеску заглядывает,

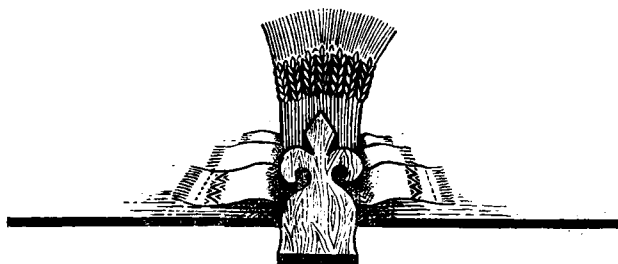
¹ Кружок — снаряд, которым ловят мелких птичек. Он состоит из обруча, в котором укрепляются волосяные силки, ставится на расчищенном месте («на току»); в середине кружка насыпают каких-либо зерен для приманки.

Что на Марью Семеновну,
И на Авдотью Егупьевну;
25 И Семен кулика не взлюбил,
И Егупывич молодого не взлюбил,
Он и хлоп кулика по щеке,
И оберня — по другой стороне;
Изломал ему голову,
30 И хохол и нос своротил ему на сторону
И взял кулика отослал в Москву,
И по рядам его выводили
И кнутом его выстегали,
И посадили кулика в тюрьму,
35 Потюремщику пять рублей, пять алтын,
А отвыпщику (?) десять алтын, —
И едва кулик вырвался.
Улетел куличек далёко —
За горы да высокие,
40 За леса, леса темные.
И жила там сорочка богатенькая,
И богатенькая, тароватенькая;
Пивцо сварила, винца скурила.
И тот с борку и другой с борку,
45 И кулик с борку, кляпонос с борку.
Говорит кулик таковы слова:
«Не тебе бы, сорока, пива варить,
И не тебе бы, сорока, вино курить:
Знала б ты, сорока, по гумнам летать,
50 По гумнам летать, зерна собирать,
Тем бы те, сорока, сытой пребывать».
Она чашкой хлоп, она ложкой хлоп,
Она зуя в лоб:
«Будет тебе, зуй, мати вешняя река
55 И унесет тебя, кулика,
По вешней реке, по летовочке».

**«НЕ ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ
ПРИУТИХЛА...»**

Не вечерняя заря, братцы, приутихла,
Полуночная звезда, братцы, восходила.
То во славном было городе Казани,
То на крутеньком на красном бережочке,
То на желтеньком на сыпучем на песочке.
Тут не черные вороны солетались:
Собирались понизовые бурлаки.
Они думали крепку думушку заедино:
Состроим мы, ребятушки, гребной стружок
И понаделаем уключины кленовые,
Понавесим мы веселочки ветловые,
Да и грянем, ребятушки, вниз по Волге
Супротив того стольникова дому.
То у стольничья приказчика дочь хороша,
То прошалася дочь у батюшки погуляти,
Понизовых-то бурлаков поглядети.
Наполни красну девицу допьяна.
Уж как тамо красна девица уснула
У повольского атамана на коленях.
Да что возговорит повольский атаман:
«Уж мы грянем, ребятушки, вниз по Волге,
Чтобы не было от стольника погони».
Ото сна ли красна девица подымалась
И за очи с отцом с матерью простилась:
«Ты прости, прости, мой батюшка родимый,
Ты скажи от меня матушке челобютню».

Еще что же вы, братцы, призадумались,
Призадумались ребяташки, закручинились,
Что повесили свои буйны головы?
Еще ходим мы, братцы, не первый год
И мы пьем, едим на Волге все готовое,
Цветно платье носим припасеное,
Еще лих на нас супостат злодей,
Супостат злодей — генерал лихой,
Высылает из Казани частой высылки,
Высылает все то высылки солдатские,
Они ловят нас, хватают добрых молодцев,
Называют нас ворами и разбойниками.
Мы, братцы, ведь не воры, не разбойники,
Люди добрые мы, ребята все повольские,
Еще ходим мы по Волге не первый год.
Воровства и грабительства довольно есть.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

...Песни русского народа —
драгоценное достояние славян-
ского мира...

С. И. Гуляев

ПЕСНИ КРУГОВЫЕ, ОБРЯДНЫЕ

(«Святочная»)

I

Уж как звали молодца,
Почитали удальца,
Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович, Дунай!
На пир в гости посидеть,
На беседу поглядеть,
Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович, Дунай!
Посадили молодца,
Посадили удальца,
Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович, Дунай!
Против вдовушки на скамью,
Против горькой на соснову.
Я на вдовушку взгляну,
Тяжелешенько вздохну,
Дунай, мой Дунай!
Сын Иванович, Дунай!
Пухову шляпу сниму,
Против вдовушки брошу,
Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович, Дунай!
Ах ты, вдовушка, подай,
Горегорькая, подними,
Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович, Дунай!

«Не слуга, сударь, твоя,
Я не слушаю тебя».
Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович, Дунай!
Сам я шляпу подниму,
На головушку надену.
Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович, Дунай!
Уж как звали молодца,
Почитали удальца,
Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович, Дунай:
Посадили молодца,
Посадили удальца,
Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович, Дунай:
Против девушки на стульчик,
Против красной на ременчат,
Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович, Дунай:
Я на девушку взгляну,
Полегошеньку вздохну;
Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович, Дунай:
Пухову шляпу сниму,
Против девушки положу;
Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович, Дунай:
Ах, ты, девушка, подай,
Раскрасотка, подними.
Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович, Дунай:
«Я слуга, сударь, твоя,
Я послушаюсь тебя».
Дунай, мой Дунай,
Сын Иванович, Дунай:

«Пухову шляпу подниму,
Черные кудри расчешу»;
Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович, Дунай:
«Черные кудри расчешу,
Пухову шляпу наложу»;
Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович, Дунай:
«Пухову шляпу наложу,
Поцелую, обниму».
Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович, Дунай!

При пении этой песни играющие составляют кружок или садятся по местам; молодец выходит на средину и, поступая по словам песни, снимает шляпу или шапку и кладёт перед вдовою, а если не случится её, в беседе, то перед каким-нибудь мужчиною; вдова отталкивает шляпу; молодец, надев её, снова снимает и кладёт перед девушкою, которая поднимает её, приглаживает волосы молодцу, надевает на него шляпу и потом целует, и игра оканчивается или начинается снова.

2

Ах, вы, вороги-соседи, лиходеи,
Лиходеи.
Зачем молодца молодчика женили,
Женили.
Что жена-то меня молодца не любит,
Да не любит.
Что злодейка-лиходейка ненавидит,
Ненавидит.
Со тесовья кровати прочь толкает,
Прочь толкает.
Со высокого сголовья, со подушек,
Со подушек.

Уж я встану молоденек утром рано,
Утром рано.
Я умоюсь молодешенек беленько,
Да беленько.
Снаряжусь я, молоденек, хорошенько,
Хорошенько.
Я поеду, молоденек, во Новгород,
Во Новгород.
Я закупочки там буду закупати,
Закупати.
Я куплю своей хозяйшке подарок,
Подарок.
Саму лучшую, диковинну камочку,
Да камочку.
Принимайся, жена, не ломайся:
Не ломайся.
Что со ласковыми со словами,
Со словами.
Посмотрите-ка, добрые люди,
Добрые люди.
Что жена-то меня молодца не любит,
Не любит.
Что подарок она не принимает,
Не принимает.
Уж я встану молоденек утром рано,
Утром рано.
Я умоюсь молодешенек беленько,
Да беленько.
Снаряжусь я, молоденек, хорошенько,
Хорошенько.
Я поеду ли во Новгород гуляти,
Да гуляти.
Что закупочки закупати,
Закупати.
Я куплю своей сударушке подарок,
Да подарок.

Саму лучшую, диковинну ей плетку,
Ей плетку.
Принимайся, жена, не ломайся,
Не ломайся.
Что со ласковыми со словами,
Со словами.
Со горячими ль со слезами,
Со слезами.
Посмотрите-ка, добрые люди,
Добры люди,
Как жена-то меня, молодца, влюбила,
Да влюбила.
Как за мной-то она заходила,
Заходила.
Во глаза-то она мне заглядела,
Заглядела.
Во уста-то она зацеловала,
Целовала.

Под напев этой песни девушка ходит в кружке, отворачиваясь от молодца-мужа, который заглядывает в ясные очи и ласкается к ней. Она отворачивается от него, когда он предлагает ей и подарок, но при словах: «Я куплю своей сударушке подарок, самую лучшую, диковинную плётку» — вдруг пропадает спесь девушки-жены; она сама, в свою очередь начинает ухаживать за молодцом, потом обнимает его и целует.

3

Я качу, качу по блюдечку,
По наливному яблочку.
Что не конь берегами-то бежит,
Он бежит, бежит, торопится;
Сам головушкой помахивает,
Золотой уздой побрякивает,
Стременами пошевеливает.

Тут и шел, тут прошел молодец,
Разудалый добрый молодец,
Свет (*припевают имя и отчество*);
За собой ведет он суженую,
Свет душу красну-девицу,
Как ли (*припевают имя и отчество девушки*);
Он трепал бы, трепал бы ее,
Со трепаньица белы руки болят,
Золоты перстни ломаются,
Алы вставочки теряются.
Свекровь-матушка журит ее, бранит,
Что журить, бранить, здороваться велит.
Где мы сойдемся близешенько,
Мы поклонимся низешенько,
Поцелуемся милешенько.
Трою, двою, со всем поездом.

При первых словах этой песни кто-нибудь из молодых выступает на средину круга и, пригласив девушку, водит её за руку; при словах: «Он трепал бы, трепал бы её» — треплет по плечу; потом, остановясь друг против друга, кланяются и целуются.

4

(«Святочная»)

Со веном я хожу,
С животом я хожу;
Мне куда будет вена положить?
Мне куда живота положить?
Положу я вьюна, положу живота
Уж я Паве на паволоку,
Свет Андреевне не поволоку,
Красной девнице на правое плечо.
Чем мне вена выкупать?
Чем живота выкупать?

Уж я дам ли, уж дам за вена
Три гривны серебряные,
Три-четыре позолоченные;
Что коня ли иноходнова.
Соколика сизоперого,
Молодчика кудреватого,
Холостого, не женатого.
Я за девицей хожу,
За хорошею хожу,
Переменку жду,
Целовать ее хочу.

Запев эту песню, молодец с платком в руках ходит посредине круга, составленного играющими, кладёт платок на плечо девушки и, поступая сообразно словам песни, выкупает её поцелуем.

5

(«Святочная»)

Не ходи бел зайко
Около кружечка,
Кружка девичьего.
Челом приударил,
Челобитье правил,
Всем красным девицам,
Молодым молодкам,
Маленьким ребятам.

Х о р:

Не припадчивой зайко осинки глотать,
Не припадчивой зайко березинки;
Кого я люблю, того я возьму,
Кого не люблю, того не возьму.

Молодец, до окончания этой песни, ходит по комнате, потом выбирает девушку, которая сменяет его поцелуем.

6

(«Святочная»)

Кроватушка, кроватушка,
 Нова тесовая;
 Перинушка, перинушка,
 Мягка, перовая;
 Зголовьеце, зголовьеце,
 Мягко, пуховое;
 Одеяло, одеяло,
 Черно соболино;
 Кого хочу, того люблю,
 Того поцелую.

Игра та же, как и предыдущая.

7

(«Святочная»)

Заскочил козел в огородец,
 В огородец;
 Что кому козла выгоняти,
 Выгоняти?
 Выгонять когда будет (*припевают имя
 мужчины с повторением*).
 У нас (*имя мужчины*) молодец хороший,
 Да хороший.
 Во руках у него есть поленцо,
 Да поленцо;
 Он и бьет козла под коленцы,
 Под коленцы.
 На коленочки козел припадает,
 Припадает;
 Что из садичка вон выбегает,
 Выбегает;
 Выбегавши козел, выбирает,
 Выбирает;

Выбирает козел красну девку,
Красну девку;
А и выбравши сам целует.

Игра сообразна словам песни.

8

Заведу я киселя
На холодной на воде;
Люли, люли, мой кисель,
Люли, люли, молодой!
На холодной на воде,
На пресном на молоке!
Люли, люли, мой кисель,
Люли, люли, молодой!
Разолью я тот кисель,
На двенадцать блюд;
Люли, люли, мой кисель,
Люли, люли, молодой!
На двенадцать блюд,
На серебряные;
Люли, люли, мой кисель,
Люли, люли, молодой!
Я кого буду звать
Киселя с собой хлебать?
Люли, люли, мой кисель,
Люли, люли, молодой!
Ах ты, (*имя мужчины*)
Киселя с нами хлебать,
Люли, люли, мой кисель,
Люли, люли, молодой!
Что с сытою с медовою
Душа (*имя девушки*) с тобою,
Люли, люли, мой кисель,
Люли, люли, молодой!

Запев эту песню, девушки становятся кружком и поимённо приглашают мужчин с девицами хлебать кисель; кончив приглашение, встают парами, подобно тому как в игре, мостить мост.

9

Ах ты, вен ли мой
Да веночек; (2)
Мой лазоревый
Василечек; (2)
На кого тебя, веночек,
Положити? (2)
Положу тебя, веночек,
На лебедку; (2)
Ко душе красной девице
На головку; (2)
Что не кум со кумою
Покумился; (2)
Среди кружка
Становился; (2)
Он подарочком
Подарился; (2)
Еще ты мой кум,
Еще я твоя кума;
Где мы сойдемся
Тут обоймемся,
Поцелуемся,
Разойдемся. (2)
Ах ты, венчик мой,
Да веночек; (2)
Мой лазоревый
Василечек; (2)
На кого тебя, веночек,
Положити? (2)
Положу тебя, веночек
На головку; (2)

На удалую молодецку,
Молодецку, (2)
Молодецкую,
Княженецку. (2)
Что не кум со кумою
Покумился; (2)
Среди кружка
Становился; (2)
Он подарочком
Подарился. (2)
Еще ты мой кум,
Еще я твоя кума;
Где мы сойдемся,
Тут обоймемся;
Поцелуемся,
Разойдемся. (2)

Молодец при начале песни выходит с платком в руках или на плече, разумеется под платком веночек. При словах: «положу тебя, веночек» — кладёт платок на плечо какой-нибудь девушке, которая встаёт; потом оба, под такт песни, ходят по комнате и кумятся. После этого молодец садится, а девушка ищет в свою очередь кума; положив свой платок на плечо избранного, кумятся и так далее. Поцелуй заключает каждое кумовство, которое достаётся каждому из играющих, как случай выбрать любимую или любимого и поцеловать, с позволения песни.

10

Ходит царь, (2)
Вкруг Новагорода,
Вкруг Нова-широка.
Ищет царь (2)
Царевну свою,
Королевну свою.
Где то она (2)

Царевна моя,
Королевна моя?
Да простояла? (2)
Во се она (2)
Во Новом городе,
Во новом широком.
Золотым венцом (2)
Да просветила, (2)
Золотми ключми (2)
Да побрякнула; (2)
Зайди в город (2)
Во Новой-широкой, (2)
Возьми ее (2)
За правую руку; (2)
Поведи ее (2)
Вкруг Нова-города
Вкруг Нова-широка;
Поставь ее (2)
Среди города,
Среди широка;
Заставь ее (2)
Скакать и плясать. (2)
Скакни, царевна, (2)
Царевич велел,
Молодой приказал.
Поклонись, царевна, (2)
Царевич велел,
Молодой приказал;
Поцелуй, царевна, (2)
Царевич велел,
Молодой приказал.

В середине круга, составленного играющими, становится девушка, представляющая царевну; около кружка ходит молодец; слова песни определяют эту игру.

11

У воробушка головушка больна:
Уж болела, уж болела, уж болела;
Что ретивое сердечушко кипело,
Уж кипело, уж кипело, уж кипело,
Неужель-то наш воробушек не может?
Он не может, он не может, он не может?
Он на правую на ножку припадает,
Припадает, припадает, припадает.
Что пора тебе, воробушек, садиться,
Уж садиться, уж садиться, уж садиться;
Посреди кружка на лужочек,
На лужочек, на лужочек, на лужочек;
Что пора тебе, воробушек, вставати,
Уж вставати, уж вставати, уж вставати;
Время из круга вон вылетати,
Вылетати, вылетати, вылетати;
Перемну себе выбирати,
Выбирати, выбирати, выбирати.

Во время пения молодец или девушка входит в круг, выполняя содержание слов песни; по окончании выбирает себе перемену, то есть целует избранную, которая заступает его место.

12

Ай мы просо сеяли, сеяли,
Ой дид-ладо, сеяли, сеяли,
А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой дид-ладо, вытопчем, вытопчем.
А чем-то вам будет вытоптать?
Ой дид-ладо, вытоптать, вытоптать?
А мы коней выпустим, выпустим,
Ой дид-ладо, выпустим, выпустим.
А мы коней переймем, переймем,
Ой дид-ладо, переймем, переймем.

А чем-то вам будет перенять, перенять?
Ой дид-ладо, перенять, перенять?
А шелковым неводом, неводом,
Ой дид-ладо, неводом, неводом.
А мы коней выкупим, выкупим,
Ой дид-ладо, выкупим, выкупим.
А чем-то вам будет выкупить, выкупить?
Ой дид-ладо, выкупить, выкупить?
А мы дадим сто рублей, сто рублей,
Ой дид-ладо, сто рублей, сто рублей.
Нам не надо тысячи, тысячи.
Ой дид-ладо, тысячи, тысячи.
А мы дадим девицу, девицу,
Ой дид-ладо, девицу, девицу.

Условясь сеять просо, девушки берут друг дружку за руки и становятся рядом; против них рядом же, и взявшись за руки, мужчины; первые, начав петь, медленно подходят к последним и под припев «ой дид-ладо» отступают на прежнее место. То же делают со своей стороны и мужчины. При последних словах песни двое мужчин с которого-нибудь края делают ворота, то есть поднимают вверх руки, не распуская однако же их; в эти ворота бегут девушки, взявшись за руки, одна за другую; перед последнею или перед тою, которую изберут, молодцы, опустив руки, удерживают её и, оставившись на прежнем месте против девушек, поют:

А нашего полку прибыло, прибыло,
Ой дид-ладо, прибыло, прибыло.

Девушки отвечают:

А нашего полку убыло, убыло,
Ой дид-ладо, убыло, убыло

и начинают песню снова, до тех пор, пока все девушки не перейдут на сторону мужчин, становясь с ними парно. Потом которая-нибудь крайняя пара делает ворота, через них проходят все играющие под напев следующей песни:

Вокруг города, вокруг Архангельского,
 Остров мой, да зелен мой;
 Были трои ворота, трои широкие,
 Остров мой да зелен мой.
 Как во первые ворота сундуки провезли,
 Остров мой да зелен мой.
 Как во вторые ворота бояре прошли,
 Остров мой да зелен мой.
 Как во третьи-то ворота женихи прошли,
 Остров мой да зелен мой.
 Женихи прошли и невест провели,
 Остров мой да зелен мой.
 Уж как кто-то сына женит,
 У кого-то дочь берет?
 Остров мой да зелен мой.
 А *(такой-то)* сына женит,
 У *(такого-то)* дочь берет;
 Остров мой да зелен мой.

Княгини, мы к вам пришли, молодые.
 Мы к вам пришли.
 Бояре, вы зачем пришли, молодые,
 Вы зачем пришли?
 Княгини, мы невест смотреть, молодые,
 Мы невест смотреть.
 Бояре, покажите жениха, молодые,
 Покажите жениха.
 Княгини, во се, во се, женишок, молодые,
 Во се, во се, женишок.
 Бояре, покажите кафтан, молодые,
 Покажите кафтан.

Княгини, во се, во се, кафтан, молодые,
Во се, во се, кафтан.
Бояре, покажите сапоги, молодые,
Покажите сапоги.
Княгини, во се, во се, сапоги, молодые,
Во се, во се, сапоги.
Бояре, покажите колпачек, молодые,
Покажите колпачек.
Княгини, на подушечке забыл, молодые.
На подушечке забыл.
Бояре покажите нам перчатки, молодые,
Покажите нам перчатки.
Княгини, нам невеста принесет, молодые,
Нам невеста принесет.
Бояре, недовязаны, молодые,
Недостроченные.
Княгини, вы вяжите поскорее, молодые,
Вы вяжите поскорее.
Бояре, вам которая любя, молодые,
Вам которая любя.
Княгини, нам и Аннушка любя, молодые,
Нам Ивановна любя.
Бояре, отпирайте ворота, молодые,
Отпирайте широки.

При этой игре, так же как при игре «А мы просо сеяли», девушки становятся рядом, против мужчин; последние, начав песню, подходят к девушкам и, поклонившись, отступают медленно назад. Девушки просят показать им жениха, кафтан его и прочее, одним словом, поступают при этой игре по словам песни. При окончании жених с другим, подле него стоящим мужчиною, делают ворота; девушки, одна за другою, проходят в них; перед невестою руки опускаются. Жених берет её за руки и целует. Затем игра снова начинается.

То-то я, молодец, на тихой перебор,
 На тихой перебор, (2)
 Спожениться захотел. (2)
 Ах ты, красная девица,
     Ты поди за меня, (2)
 Ты поди за меня,
     За удала молодца. (2)
 То-то я молодец на тихой перебор,
     На тихой перебор, (2)
 Спожениться захотел.
 Ах, ты, дедушка,
 Будь мне тестюшка,
 Тесть мой батюшка.
 То-то молодец и прочее,
 Молодец удалый,
 Будь мне шуринушка,
 Шурин брат родной.
 То-то я молодец и прочее.
 Ах, ты, красная девица,
     Будь своячина моя. (2)
 То-то я молодец и прочее.
 Ах, ты, тестюшка,
     Тесть мой батюшка, (2)
 Ты вина-то бери,
 Да зятя в гости жди.
 То-то я молодец и прочее.
 Ах, ты, тещенька,
     Теща-матушка, (2)
 Ты блины-то пеки,
     Зятя в гости жди. (2)
 То-то я молодец и прочее.
 Ах, ты, шуринушка,
     Шурин брат родной; (2)
 Ты сена-то коси,
     Зятя в гости жди. (2)

То-то я молодец и прочее.
Ты же, красная девица,
Своячина моя, (2)
Ты пива-то вари,
Зятя в гости жди. (2)
То-то я молодец и прочее.
Ты ли, тещюшка,
Тесть мой батюшка, (2)
Как от зятя те дары —
Две кукишки голы. (2)
То-то я молодец и прочее.
Ах, ты, тещенька,
Теща-матушка, (2)
Как от зятя те дары —
Две кукишки голы. (2)
То-то я молодец и прочее.
Ах, ты, шуринушка,
Шурин брат родной, (2)
Как от зятя те дары —
Две кукишки голы. (2)
То-то я молодец и прочее.
Ты ли, красная девица,
Своячина родна, (2)
Как от зятя те дары —
Две кукишки голы. (2)
То-то я молодец и прочее.
Ах, ты, тещюшка,
Тесть мой батюшка, (2)
Ты смилуйся,
Не прогневайся, (2)
Я вечер был пьян
Да промолвился; (2)
Я не сам говорил,
Меня хмель издолил. (2)
Как сегодня к тебе
На прощенье пришел. (2)

Что от зятя те дары —
Юфтевы сапоги. (2)
То-то я молодец и прочее.
Ах, ты, тещенька,
Теща-матушка, (2)
Ах, ты смилуйся,
Не прогневайся, (2)
Я вечер был пьян
Да промолвился; (2)
Я не сам говорил,
Меня хмель издолил; (2)
Как сегодня к тебе
На прощенье пришел; (2)
Как от зятя те дары —
Две китайки алы. (2)
То-то я молодец и прочее.
Ах, ты, шуринушка,
Шурин, братец мой, (2)
Ты смилуйся,
Не прогневайся, (2)
Я вечер был пьян
Да промолвился; (2)
Я не сам говорил,
Меня хмель издолил; (2)
Что теперь-то к тебе
На прощенье пришел, (2)
Как от зятя те дары —
Козловы сапоги. (2)
То-то я молодец и прочее.
Ты ли, красная девица,
Своячина родна, (2)
Ты смилуйся,
Не прогневайся, (2)
Я вечер был пьян
Да промолвился; (2)
Я не сам говорил,

Меня хмель издолил; (2)
Что теперь же к тебе
На прощенье пришел; (2)
Как от зятя те дары —
Сафьяновы башмаки. (2)
То-то я молодец, на тихой перебор,
На тихой перебор, (2)
Спожениться захотел. (2)

Слова этой песни показывают содержание игры. Молодец, захотевший спожениться, ходя по комнате, избирает невесту-девушку, мать, свояченицу, шурина, тестя; потом издоленный хмелем предлагает им подарки свои. Опомнившись, просит прощения, обнимая свою родню и целуя поочерёдно каждого. Забавно смотреть на эту игру, особенно когда ловкий молодец представляет жениха.

Следующая песня сопровождается подобною же игрою.

18

Ходит Бориско (2)
Вдоль по кружечку,
Вдоль по широкому;
Ищет Бориско (2)
Он себе невесту. (2)
Красная девица, (2)
Будь ты мне невеста; (2)
Дядюшка родимый, (2)
Будь ты мне тестем; (2)
Старая старушка, (2)
Будь ты мне теща; (2)
Молодец удалый, (2)
Будь ты мне шурин; (2)
Молода молодка, (2)
Будь ты мне свахой; (2)
Красная девица, (2)

Будь ты мне своячина; (2)
А вы, добры люди, (2)
Жалуйте на свадьбу, (2)
Пива, вина пити, (2)
Хлеба, соли кушать. (2)
Расхулили люди (2)
Борисову свадьбу, (2)
Дядюшка родимой, (2)
Ты мне не тестем; (2)
Бабушка родима, (2)
Ты мне не теща; (2)
Тетушка родима, (2)
Ты мне не сваха, (2)
Молодец удалый, (2)
Ты мне не шурин; (2)
Красная девица, (2)
Ты мне не своячина, (2)
Красная девица, (2)
Ты мне не невеста; (2)
А вы, добры люди, (2)
Незачем на свадьбу;
Пива, вина нету,
Хлеба, соли, не бывало. (2)

17

Скоморох ходил
Вдоль по улице,
Вдоль по широкой;
Он и стукался,
Он и брякался
У честной вдовы
Под окошечком;
Ты пусти, пусти,
Да честна вдова,
Скомороха ночевать.

Положи его
На тесовую
На кроватишку,
Ты на мягкую
На перинушку,
На пуховую
На подушечку.

Под словом «скоморох» в округе Кольвано-Воскресенских заводов, разумеют музыканта, скрипача, а иногда плясуна, то есть человека, который предпочитает пляску всякому занятию. Этот скоморох — бездомный гуляка, представляемый каким-нибудь молодцом, ходит около кружка с палкою, посохом в руках, и при словах «он и стукался, он и брякался», стучит посохом в землю, против вдовы, если она найдется в кружке или против какой-нибудь девушки, брякает, то есть представляет как будто бы берёт за кольцо дверей. По окончании последнего стиха песни вдова отвечает «места нет», и скоморох отправляется искать другого ночлега; песня начинается снова.

На стук и бряканье против избранной девушки скоморох, получив благоприятный отзыв «место есть», входит в кружок и, по обычаю, целует девушку-хозяйку.

18

Пора пашню пахать, (2)
Ай, мой горох, (2)
Садовой полевой со гороховиной;
Пора боронить; (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора горох сеять, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора горох снимать, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора и молотить, (2)

Ай, мой горох, и прочее;
Пора горох молоть, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора муку сеять, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора квашню творить, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора тесто месить, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора пирог печи, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора пирог сажать, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора и вынимать, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Пора пирог делить, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
Лизаньке пирог, (2)
Ай, мой горох, и прочее;
С Васинькой пирог, (2)
Ай, мой горох, и прочее.

Припевают затем поимённо всех девушек с молодцами; угадывая, кому с кем приятно будет разделить пирог, то есть целоваться, а иногда, в шутку, заставляют делить его молодцу с нелюбимою им девушкою и наоборот. Кому мало досталось, у других припрашивают, приговаривая, что обделили, что будут голодны; что другие трудились не более их при посеве, а получили по хорошей частице пирога и прочее, и прочее.

19

Как-то мне, мати,
Пашеньку пахати?
Вот так, вот и сяк,
Вот и эдак, и вот так.

Как-то мне, мати,
Пашню боронити?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен сеяти?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен снимати?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен стлати?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен сбирати?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен мяти?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен трепати?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен чесати?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен прясти?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен мотати?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен сновати?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Белый лен ткати?
Вот так и прочее.

Как-то мне, мати,
Холстики белити?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Холстики кронити?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Рубашечки шити?
Вот так и прочее.
Как-то мне, мати,
Рубашки носити?
А вот так, вот и сяк,
Вот и эдак, и вот так.

При первых словах этой песни девушка, побойче, из играющих, обращается к какой-нибудь женщине, представляющей мать, с вопросами. Последняя учит её необходимому для всех занятию — приготовлению льна, показывая руками, как всё это делается.

20

За реченькой хмель, хмель,
За быстрою ярый.
Ладо, ладо, ладо,
За быстрою ярый.
Возьму я решетцо,
Пойду погуляю,
Ладо, ладо и прочее.
Нащиплю я хмелю,
Хмелю ярового;
Ладо, ладо и прочее.
Наварю я пива,
Пива медового;
Ладо, ладо и прочее.
Позову я гостя,

Гостя дорогого;
Ладо, ладо и прочее.
Что у нас будет
    В этом пиве?
Ладо, ладо и прочее.
Мы пива напьемся
И все испосядем,
Ладо, ладо и прочее.
Варили девицы
Пьяное пиво;
Ладо, ладо и прочее.
Что у нас будет
    В этом пиве?
Ладо, ладо и прочее.
Мы пива напьемся
И все исповстанем,
Ладо, ладо и прочее.
Варили девицы
Пьяное пиво;
Ладо, ладо и прочее.
Что у нас будет
    В этом пиве?
Ладо, ладо и прочее.
Мы пива напьемся
И все подеремся.
Ладо, ладо и прочее.
Варили девицы
Пьяное пиво,
Ладо, ладо и прочее.
Что у нас будет
    В этом пиве?
Ладо, ладо и прочее.
Мы пива напьемся
И ве разоидемся.
Ладо, ладо и прочее.
Варили девицы

Пьяное пиво,
Ладо, ладо и прочее.
Что у нас будет
В этом пиве?
Ладо, ладо и прочее.
Мы пива напьемся
И все соберемся,
Ладо, ладо и прочее.
Варили девицы
Пьяное пиво,
Ладо, ладо и прочее.
Что у нас будет
В этом пиве?
Ладо, ладо и прочее.
Мы пива напьемся
И все помиримся,
Ладо, ладо, ладо
И все помиримся.

Составя круг, играющие поступают, как указывают слова песни: садятся, встают, расходятся в разные стороны, ссорятся. И так как примирение оканчивается поцелуями, то мужчины, молодилы и девушки, по праву игры, пользуются этим случаем, чтобы перецеловать друг друга.

Начиная играть в фанты, что бывает почти на каждой вечеринке, зимою, одна из девушек или кто-либо из играющих садится посредине кружка на стул и собирает кольца и перстни. При этом поют:

21

Сидит олень
Под кустичком,
Под ракиловым.
Что тепло ли те, олень?
Студено ли те, олень?
Мне не то тепло,

Мне не то студено.
Приоденьте меня,
Приокутайте:
Что со девушки венок,
Со молодушки платок,
Со старой бабы шлык,
С огороду шиби;
Как со малова ребенка
Пеленочка;
С молодца-удальца
Шапка бархатная.

Когда, после нескольких повторений этой песни, фанты будут собраны, тогда поют.

22

Сидит, сидит ящер
Ой диди, ой ладо;
На золоте стуле,
Ой диди, ой ладо;
Грызет, грызет ящер
Ой диди, ой ладо;
Ореховы ядра,
Ой диди, ой ладо.

Собравший кольца и перстни, или фанты, пригласив думных бояр, спрашивает их: «Чей фант вынется, какую службу назначить тому?» Бояре предлагают иногда что-нибудь забавное, и исполнение смешит всю беседу, а иногда и радуется, если поручено будет поцеловать кого-нибудь по выбору.

23

Ты не стой, не стой, колодец,
Полон со водою,
Со ключевой свежую.
Калина моя, малина моя!

У меня ли у младой,
Был свекор лютой,
Что неласковый.

Калина моя, малина моя!
Посылает молоду
Во полночь по воду
По ключевую.

Калина моя, малина моя!
Уж как я молода
Не пословна была,
Не послушалася.

Калина моя, малина моя!
Уж я свекрову грозу
В узелок завяжу
Да покрепче затыну.

Калина моя, малина моя!
Брошу, брошу узелок
Его на печь в уголок,
С глаз подалье.

Калина моя, малина моя!
Узелочик-то лежит,
Уголочик-то дрожит,
Я младая не шелохнуся.

Калина моя, малина моя!

При этой песне играющие разделяются на две половины, подобно тому как при игре в просо; по окончании песни одна половина пробегает сквозь воротца, делаемые по порядку двумя мужчинами, которые отделяют по одной девушке; таким образом, по окончании игры, все переплетаются руками.

24

Из-за гор девица
Гусей выгоняла;
Из-за чиста поля
Белых лебедек.

Тига, гуси, домой,
Тига, серые, домой.
Гуси нейдут домой,
Серы не пойдут.
Я сама гуськом,
Сама сереньким;
Я старым старичком
Стадоводничком.
Заплетайся, плетень, заплетайся,
Золотая камка, завивайся.

При пении заплетаются руками, как в предыдущей игре.

25

Селезенько, сиз косатый,
Поплывай, мой селезенько,
Вниз по тихому Дунаю.
Сядь под грушей, сам послушай,
Как Павлуша скачет, пляшет,
А вот эдак и вот так,
Вот Андреевич как пляшет.

При этой песне, сколько есть в кругу играющих, припевают каждого, называя по имени и отчеству, и всякий должен проплясать под этот напев.

26

По бережку, по крутому
Ходил добрый молодец,
Петрованушко, купец.
Чесал кудри, чесал черны
Частым рыбьим гребешком.
Сам с кудрями, сам с черными
Разговоры говорил:

Кому кудри, кому черны
Достанется расчесать?
Достаются кудри, кудри,
Достаются черны, черны
Катеринушке чесать.

Когда окончат припевку всех играющих, то мужчины целуются с теми девушками, которые были с ними припеты.

ПЕСНИ КРУГОВЫЕ

27

Как по сеням, было, сеничкам,
По частым переходичкам,
Тут ходила похаживала
Свет-душа красна девица,
Свет (*имя девушки и отчество*);
Она будила, побуживала
Своего друга милого.
Уж ты встань, пробудись, мил друг
Свет (*имя и отчество молодца*).
Оторвался твой добрый конь
От столба, столба дубового,
От колечушка серебряного,
От витого, позолоченного;
Он ворвался в зеленый сад,
Истоптал груши, вишенья.
Ты не плачь, не тужи, моя краса,
Наживем с тобой зелёный сад,
И со калиной, со малиной,
С черной ягодой смородиною.

28

Ах, вы белые, белолички мои,
Листовы алы румянички,
Сокатитесь со бела лица домой;
Уж как едет мой ревнивый муж домой:
Он весьма, весьма сердит на меня,

232

Сильно, больно принавыпился.
Он везет, везет гостинец дорогой,
Шелковую плетъ под правую полой.
Я не знаю, млада, пени и вины.
Никакой большой проступки над собой;
Только знаю одну пеню и вину:
У соседушки беседушка была;
Я незвана на беседушку пришла;
Трою, двою, я по горенке прошла,
Пятью, шестью, по новым по сениям;
Холостому стакан меду поднесла,
А женатому зеленого вина;
Холостой, дурак, на ноженьку ступил,
Ко стакану белу ручку придавил,
О стаканчик золот перстень изломал,
При людях меня сестрицей называл,
Без людей сизой голубушкою;
«Ах ты, любушка, голубушка моя,
Поглянулася мне походочка твоя,
Поглянулся твой умильный взгляд,
Поглянулся твой веселый поцелуй».

29

На горе, горе петухи поют,
Под горой, горой братцы тешатся;
Они тешатся, потешаются,
В Кольвань город снаряжаются:
Уж как я млада, молодешенька,
По новым сениям с переходами,
Подымя шубу соболиную,
Чтобы шубочка не прошумела,
Златы пуговицы не пробрякнули,
Не услышал бы мой лютой свекор,
Не сказал бы он своему сыну,
Своему сыну, моему мужу.

Уж как мой-то муж горькой пьяница;
Он без пива пьян, без вина хмельн.
Он без плеточки меня высечет,
Без шелковые меня выучит.

30

Как у нас было во садичке,
Во зеленом виноградничке,
Соловейко громко песенки поет:
Он поет, поет, насвистывает;
Красным девушкам назолушку дает.
Вы красуйтесь, красны девушки,
У родимого у батюшки,
У родимыя у матушки.
Неровнюшка замуж выйдется,
Неровен дурак навяжется,
Либо пьяница-тарыка с кабака,
Миновалась моя девья красота,
Как со калиной, со малиною,
С чёрной ягодой смородиною.
Нажила я себе мужа дурака.
Он дурак, дурак, дурачий сын,
С дураками, дурак, знается.
Со боярами не водится, дурак!
Каждый день он напивается;
Он в кабак идет, как маков цвет цветет,
С кабака идет, как мать родила,
Во чёрной грязи валяется,
Надо мной, бедной, ломается,
Заставляет разувать, раздевать,
Заставляет буйну голову чесать.
У меня ли молодешенькой.
Мои рученьки белешеньки,
На руках перстни златешеньки:
Белы ручки замараются,
Златы перстни распаяются.

На горе, горе высокой,
 Во избе, избе сосновой,
 На скамеечке дубовой
 Молодец в гусли играет,
 Свою Дуню утешает,
 Ах, вы, девушки, пляшите,
 Вы, молодушки, играйте,
 На меня, младу, не дивуйте;
 Уж как я, млада, сговорена,
 За купца, купца молодого,
 За приказчика холостого.
 Мой-то суженой молоденек,
 Умом, разумом, глупенек.

Через реченьку жестяночка лежала,
 Через быструю сырая лежала.
 Что никто по той жестяночке не пройдет,
 Что никто следка не проложит.
 Случилось мимо ехати торговым.
 Молодым купцам не женатым.
 Они спрашивали, говорили:
 Еще что у нас в торгу вздешевело?
 Вздешевелися в торгу стары старухи:
 По семи старух на полушку,
 А осьмая-то старуха в кашевары,
 А девятая старуха в кашевары.
 Через реченьку жестяночка лежала,
 Через быструю сырая лежала,
 Что никто по той жестяночке не пройдет,
 Что никто следка не проложит.
 Случилось мимо ехати торговым,
 Молодым купцам не женатым.

Они спрашивали, говорили:
Еще что у нас в торгу вздорожало?
Вздоровали в торгу красны девицы:
Что одна красна девица рублей во сто,
Ея русая коса в полтораста;
А девичья красота в полтретьяста,
А самой красной девице цены нету.

33

Из бору, бору,
Из зеленого,
Шумела, гремела
Быстрая речка;
По той, по той реченьке
    Калина, малина, (2)
Калиновый мостик;
На том же мостике
Лежит мостовина;
На той мостовине
    Сидит голубина; (2)
Резвы ножки моет.
Мыла, мыла ноженьки,
Перемывала;
Свои сизы перышки
Перебирала.
Перебравши перышки,
Сама взворковала:
«Завтра поутру
    Радость будет; (2)
    Веселья прибудет; (2)
Батюшка будет».

Не воркуй, не воркуй,
Сиза голубина;
Это мне не радость,

Это не веселье,
С этого веселья
Не могу вставати; (2)
Головы поднять; (2)
Огонь высекати; (2)
Ворот отворяти; (2)
Батюшку встречати.

Из бору, бору,
Из зеленого,
Шумела, гремела
Быстрая речка;
По той, по той реченьке
Калиновый мостик,
Калина, малина,
Калиновый мостик,
На том на мосточке
Лежит мостовина;
На той мостовине
Сидит голубина; (2)
Резвы ножки моет.
Мыла, мыла ноженьки,
Перемывала;
Свои сизы перышки
Перебирала;
Перебравши перышки,
Сама взворковала:
«Завтра поутру
Радость будет; (2)
Веселья прибудет; (2)
Матушка будет».
— Не воркуй, не воркуй,
Сиза голубина;
Это мне радость,
Это не веселье:
С этого веселья

Не могу вставати и прочее.
Из бору, бору,
Из зеленого и прочее, до стиха
Веселье прибудет.
Миленький будет.
— Вот это мне радость,
Это мне веселье:
С этого веселья
Я могу вставати;
Я могу вставати;
Огонь высекати;
Огонь высекати;
Двери отворяти;
Двери отворяти,
Милого встречати.

34

Во саду ли, в огороде
Девуца гуляла;
Невеличка, круглоличка,
С личика беленька.
Подходил к саду, к огороду
Удалый молодчик.
Он и звал красну девуцу
В сыр бор по грузочки.
Я нейду, нейду с тобою,
Ножки приустанут;
Заложу, милый, карету,
Я сяду, поеду;
Заложу, милый, другую,
Я сяду в любую;
Заложу, милый, и третью,
Да садись сам с плетью;
Заложу, милый, четверту,
Поезжай сам к черту.

35

На горе-то сырой дуб,
 Под горой береза;
 Между дубом и березой
 Речка протекала;
 Речка, речка невеличка,
 Собой глубоконька.
 Нельзя, нельзя воду пить,
 Нельзя почерпнути;
 Нельзя, нельзя жену бити,
 Нельзя поучити.
 Уж я бил жену часочек,
 Сам плакал годочек;
 Сушил, крушил ясны очи
 Во все темны ночи;
 Как по все ли темны ночи
 И ясны денечки;
 Истратился, издержался
 На разны лекарства.

36

Ай, во поле, во поле,
 Ай, во поле калина;
 Под калиной, под калиной,
 Под калиной малина;
 Под малиной, под малиной,
 Под малиной девица.
 Рвала цветы, рвала цветы,
 Рвала цветы со травы;
 Вила венки, вила венки,
 Вила венки на главу.
 Сама под ним, сама под ним,
 Сама под ним всплакала;
 А всплакавши, а всплакавши,
 А всплакавши говорит:

«Кому мой вен, кому мой вен,
Кому, вен, достанешься?»
Достанусь я, достанусь я,
Достанусь я старому.
«Я старова, я старова,
Я старова мужа на смерть не
люблю;
Со старым мужем, со старым
мужем,
Со старым мужем гулять не пойду;
За младова, за младова,
Я млада мужа на смерть люблю;
С младым мужем, с младым мужем,
Я с младым мужем гулять пойду!»

37

Не ходи, бел кудреватый,
Мимо моей хаты;
Не топчи, бел кудреватый,
Зеленую мяту,
Я сама мяту садила,
Сама поливала;
Поливала, укрывала,
Живот надрывала;
Я не для ради инова,
Для дружка милова.
Не стой, милый, у крылечка,
Не зноби сердечка;
А со краснова крылечка
Во новые сени.
Как во новых во сенях
Гости все сидели;
Все не сваты, все не братья —
Злые супостаты.

Подле тихого Дуная
 Одна паньюшка гуляла,
 Со бережку ножки мыла,
 Со крутова полоскала,
 Замочила, забрызгала
 Свою аленьку фатицу.
 Ах, я домой итти не смею;
 Отец, мати — не родные;
 Брат с сестрою нескладные.
 Отец, мати будут бити;
 Брат с сестрою корити,
 Я пойду к другу милому.

Я, младшенька, по бережку хожу;
 Я по крутому погуливала,
 Во табун гусей заганивала;
 Мои гуси не табунятся,
 Мои серы разлетаются,
 По кусточкам засекаются.
 Загнала гусей, домой пошла,
 А навстречу мне младшенькой
 Молодой парень хорошенькой;
 Он и бил меня по белу лицу,
 По белому, по румяному.
 Не шути-ка, парень, шуточки со
 мной;
 Ты не бей меня по белу лицу:
 Мой личико разговорчивое,
 Ретиво сердце зазнобчивое;
 Разгорится мое лицо белое,
 Разыграются румянички в щеках.

Сдогадятся сударь батюшко,
Спohвататся родна матушка,
Не отпустят в зеленый сад гулять,
С конопелюшек воробышек гонять.

40

Ты пчела ли, моя пчелонька,
Пчела сера, синекрыленькая.
Пчелка по полю полетывала,
Ко сырой земле припадывала.
Ах вы, нянюшки, вы, мамушки мои!
Вы подите в чисто поле гулять,
Ко крестьянину на пашеньку;
Вы возьмите часту борону,
Расчешите седу бороду,
Что его-то стару голову;
У моего у стара мужа,
У моего у постылого,
Он не садит на коленочки меня,
Не обнимет своей правою рукой,
Не целует во сахарные уста.

41

Ты пчела ли, моя пчелонька,
Пчела сера, синекрыленькая.
Пчела по полю полетывала,
Ко сырой земле припадывала.
Ах вы, нянюшки, вы, мамушки,
Вы подите во зеленый сад гулять;
Вы возьмите частый рыбий гребешок,
Расчешите младу голову.
Что его-то кудри черные,
Моего ли, друга милого,
Он посадит на коленочки меня,

Он обоймет своей правою рукой,
Поцелует во сахарные уста.

42

При долинушке калинушка стоит,
На калине соловей птичка сидит;
Горьку ягоду калинушку клюет,
Во все стороны поглядывает,
На четверту — не оглянется.
Пристали к соловью два сокола,
Звали, звали соловья с собой.
Как навстречу ясным соколам
Трои саночки дубовые,
Что четвертые со вырезами,
А запяточки со вычурами.
Как на саночках-то девушка лежит,
Подле девушки-то молодец сидит.

43

Полоса, моя полосанька,
Полоса моя, не паханая,
Не пахана, не бороненая;
Заросла моя полосанька
Тонким ельничком, березничком
И горьким, мелким осинничком.
Из того ль горька осинничка
Выбегала лошадь, добрый конь.
Он бежит, бежит, торопится,
Сам головушкой помахивает,
Золотой уздой побрякивает.
На Дунае девка мылася бело,
Она мылася, белилася,
Она мылася, румянилася,
Нарумянившись, заплакала, пошла,

Жалобу творит на батюшку,
На родиму свою матушку:
Не за ровню замуж отдали,
Не за ровню — за разбойника,
За разбойника-становщика¹.
Он со вечера добра коня поил,
Со полуночи в разбой вступил.
Воротившись, зычным голосом

кричит:

Отворяй, жена, воротички,
Принимай братца родимого,
Моего шурина любимого.

44

Полетай, соловушка,
На нашу сторонушку;
Распроси, соловушка,
Будет ли нам волюшка,
Лишня заботушка?
Первая заботушка —
Зла, лиха свекровушка,
Зла, лиха, не ласкова.
На посылках меня смучила,
Посылает и туды и сюды;
Во чужи люди по сито, решето;
В тёмный погреб по зелёное вино.
В погребу млада замешкалася,
Зелена вина обтрескалася,
Сладкой водочки допьяна напилась.
— Ах ты груша, моя грушенька,
Ты почто, груша, не зелена стоишь?
— От чего-то мне зеленой быть:
Солнце яркое и греет и палит.

---

¹ Пристанодержатель.

Уж как стали нынче тяжки времена;
Что сушат, крушат далекие друзья;
Никого ближних любить не велят.
То ли воля, то ль охотушка?
То не лишняя ль заботушка?

45

Лучина, лучина березовая;
Что же ты, лучина, не ясно горишь?
Не ясно горишь, не светло светишь?
Будто ты, лучина, в печке не была,
В печке не была, жару не дала.
Зла, лиха свекровушка щами залила,
Щами залила, пеплом загребла.
Сын ли, мой сыночек, сын любезный мой,
Что жену не учишь, людям не велишь?
Взял со спицы плеть, повел жену в келью,
Стегал по стене, сказал по спине;
Стегал по пазам, сказал по глазам;
Стегал по полену, сказал по колену;
Стегал по перине, сказал по Орине.
Сын мать утешил, жену не гневил.
Жена его плачет, губы надувает;
Губы надувает, всю семью ругает:
— Будь ты проклята, большая семья,
Большая семья, несогласная.

ПЕСНИ ПРОГОЛОСНЫЕ¹

46

Я на шуточках другу милому говорила, —
Своего-то я друга милого прогневила.
— Тебе полно, мой душа милый друг,

волочиться,

Что пора тебе, душа милый друг, уже жениться.
Как пошёл домой душа милый друг, сам

заплакал.

Что со вечера душа милый друг послал сватать;
Со полуночи душа милый друг обручался;
Ко белу свету душа милый друг обвенчался;
Что ко раннему ко обедечку сыграл свадьбу.
Уж как тут я, красна девица, сдогадалась,
Словно рыбочка во синем море встрепескалась:
Если б я-то, красна девица, была сизой

голубкой,

Если б были у меня младой быстры крылья,
Я взвилась бы, поднялася, полетела,
К своему ли другу милому я на свадьбу;
Я бы села сизой голубушкой на окошко;
Жалобнешенько б сизой голубушкой взворковала.
Как тогда-то мой душа милый друг сдогадался б;
— Ах вы, братцы мои, товарищи, поезжане:
Вы возьмите эту голубушку со окошка;

---

¹ Песнями проголосными называются те, которые не принадлежат к свадебным и круговым и поются вообще медленно.

Вы напоите сизу голубушку, накормите,
Со двора вы сизу голубушку проводите;
Вы во след-то сизой голубушке накажите,
Чтобы впредь-то она ко мне не летала:
Не голубушка это сизая, а моя любезная.

47

Из-за лесу, лесу тёмного,
Из-за гор, было, высоких гор,
Вылетала тут птица камская,
Птица камская, млад сизой орел.
Во когтях несет тело белое,
Тело белое, молодецкое;
Праву рученьку с могучим плечом.
Как на рученьке-то золот перстень,
Что золот перстень, во пятьсот рублей;
Одна вставочка есть во тысячу,
А на вставочке-то написано:
Отцу, матери челобитьицо;
Братьям, сестрицам по поклону всем;
Молодой жене своя волюшка:
Хоть замуж поди, хоть вдовой живи.

48

Ах, ты горе мое, горе великое,
Что великое горе, со кручиной!
Я от батюшки мала осталась,
Своей матушки не вспомню!
Как вспоил-то, вскормил родной братец;
Возлеяла меня родна сестрица.
Уж как брателко сестру любит,
По вечерочкам сестру водит,
На коленочки сестру садит,
По головушке сестру гладит.

Не ходи-ко ты, сестра, замуж,
Ты не в город, сестра, не в деревню,
В несогласную большу семью;
Ты не к свекру, сестра, не к свекровке,
Не к деверьям, сестра, не к золовкам.

49

Нажила то я, девушка, все заботы:
Уж как первая забота — чужа сторона;
А вторая-то забота — лютый свекор,
Лютый свекор-то, — зла свекровка;
Уж как третья-то забота — что деверья,
Что деверья ли, да золовки;
А четвертая забота — не удал муж.
Уж как не с кем мне думу думать,
Не с кем тайное слово молвить!

50

Как во садичке млада гуляла,
У соловушка песни слушала;
Хорошо в саду соловей поет,
Он поет, поет, сам насвистыват,
Сам насвистыват, наговариват.

Парень девушку уговариват:
Посиди-ко, девка, во девушках,
Покопи-ко ты ума-разума,
Ума-разума, платья цветного;
Почеши-ко ты буйну голову;
Поплети-ко ты русу косу.

51

Ты гуляй, гуляй, душа милый друг,
Ты потуль гуляй, как не женишься;
Ах, ты женишься — переменишься,
Переменишься, друг, вспокаешься;
Ты возьмешь себе молодую жену,
Молодую жену, змею лютую:
Из норы ползет — озирается,
По песку ползет — извивается,
По траве ползёт — мураву сушит.

52

Ах, ты, девушка, девка красная:
Не ходи, девка молода, замуж,
Посиди, девка, во девушках.
Покопи-то ты ума-разума,
Почеши-ко, девка, буйну голову,
Поплети-ко ты трубочку косу,
Заплетай в нее алу ленточку.

53

По синю морю корабль плывет;
На кораблике сидит молодец,
Сидит молодец с красной девушкой.
Парень девушку уговаривал,
За себя замуж подговаривал:
— Пойди, девушка, за меня замуж,
За удалова, добра молодца;
Не пойдешь, девка, за меня замуж —
Сойди, девушка, с корабля долой,
Без того корабль тяжело плывет,
Тяжело плывет, он на дно встает.
На корабль вода заливалась;

Оттого девка испугалася,
С корабля водой умывалася,
Полотенечком утиралася,
Что белилами она белилася,
А румянами румянилася,
В чисто зеркало смотрелася,
Красоте своей удивлялася:
Красота ль моя, девья красота!
Что кому, краса, ты достанешься?
Как тому ли вору, разбойнику,
Что разбойнику, мужу старому!

54

Туманы, вы, туманички,
Синеморские туманы!
Не подняться вам, туманички,
Прочь от синего, от моря,
Не отстать тоске кручинушке
От ретивого от сердца!
Мне ночесь-то молодешенькой
Как малым-мало спалось,
Мне спалось мало младешенькой,
Много виделось во сне.
Что предвиделся мне, девушке,
Уж как страшный, чудный сон:
Как в далеком чистом поле,
На саратовской степи,
Что под кустичком ракитовым,
Душа милый друг лежит.
Он убит, мой душа милый друг,
Весь израненный лежит,
Что буйна его головушка
Ко восточной стороне.
А резвы ноги у молодца,
Что ко быстрой ко реке.

А его-то тело белое
Испротыкано копьём.
Сквозь его-то мелки ребрышки
Проросла ковыль-трава.
Сквозь его сердце ретивое
Змея люта проползла;
Из его-то из ясных очей
Ключи быстры протекли;
Из его буйной головушки
Част ракитов куст пророс.
Что на том-то бы, на кустичке
Соловейко гнездо свил.

Ты не пой, не пой, соловушко,
Утром рано на варе;
Не давай тоску-назолушку
Сердечушку моему.
Без того мое ретивое
Уж изныло все во мне!

55

Как прошли-то развеселые часы,
Миновались утешны времена,
Наступало время слезно для меня!
Для меня младой, для горькой сироты.
Покатились горячи слезы из глаз,
Что по моему, по белому лицу,
По моим-то по румяным по щекам.
Ах вы, вздохи, мои вздохи тяжелы!
Воздохни-тко ты, любезная, по мне.
Уж я сам-то позаочно воздохну,
Стану плакать, буду письма я писать,
Кажду строчку я слезами обливать,
А во письмах челобитье посылать:
Ты не плачь, не плачь, милая, обо мне.

Не мочи ты очи ясные свои,
Не теряй ты свой румянец из лица.

56

Как ходил-гулял добрый молодец ровно три года;
На четвертый добрый молодец домой пошёл;
Что зашел-то добрый молодец на высок курган,
Как навстречу добру молодцу змея лютая,
Что лютая змея — крапивная¹.

Вынимает добрый молодец саблю острую,
Он хотел срубить змее голову.

Что возговорит змея добру молодцу:

— Не секи, не руби меня,

добрый молодец,

Я скажу тебе великое сподивовище:

Как твоя-то жена — горька пьяница,

Пропила она твоих добрых коней,

Промотала твоих ясных соколов,

Расточила она всю золоту казну.

Как пошел-то добрый молодец

на широкий двор,

А навстречу ему молодая жена;

Вынимал молодец саблю острую

И отсек он жене буйну голову,

Покатилась голова по широкому двору,

Покатилась коням под ноги:

Что его-то кони овес едят;

Что пошел молодец в новы горницы —

Что ясны его соколы пшено клюют;

Как пошел молодец к кладовым своим —

Золотая казна замком заперта,

---

¹ Крапивная, подкрапивная, змея зеленого или серого цвету; она почитается у простого народа самою ядовитую. (Г).

Замком заперта, запечатана.
Тут взъелся добрый молодец, погубился,
Погубил он свою буйную головушку.

57

Ах ты, дума ль, моя думушка,
Ах ты, мысль моя, молодецкая!
Пригадай-ко, мысль молодецкая,
Что жениться ли мне молодцу
Или век мне холостому жить?
Что придумала моя думушка,
Пригадала мысль молодецкая.
Не женись-ко, добрый молодец,
Не теряй свою золоту казну,
Ты на те же деньги коня купи,
Не поглянется тебе добрый конь —
Ты продашь коня или променяешь,
Иль товарища братца подаришь;
Не поглянется тебе худа жена,
Ни продать-то ее, ни променять,
Ни товарища братца подарить;
Тебе век с ней горе мыкати!

58

Как не белая березанька
Со липой свивалась;
Как в пятнадцать лет девица
С молодцом свыкалась.
Ты, заря ли, моя воренька,
Подвосточная заря,
Не давала ты мне, зорюшка,
С поля ехати домой.
Я с того горя, с кручинушки
Пойду-выйду на крыльцо;

Закричу то я, добрый молодец,
Своим зычным голосом:
— Ах, вы, слуги, слуги верны,
Неизменные мои!
Вы подите-ка, слуги верны,
Вы поймайте трех коней;
Запрягите-ка, слуги верны,
Их в новую во повозку;
Как поеду ль я, добрый молодец,
Ко моей любезной;
Я спрошу ли, добрый молодец,
У своей любезной:
Каково ты, моя любезная,
Живешь, можешь без меня?
— Не корыстненько житье-бытье,
Мой любезный, без тебя.

59

Девка, красotka молодая!
Полно по горенке ходити,
Полно по миленьком тужити.
Как мне по милому не тужити,
Что во веки такого не нажити:
Ростом, дородством, красою,
Всею молодецкою поступкою,
Всею княженецкой поговоркой.
Вечор я со милым побранилась,
Вечор я с надеждой посчиталась.
Как-то мне с миленьким мириться?
Самой покориться не годится;
Людьми засылаться — много славы:
Кого же за милым спосылаю?
Старого послать — не дожждаться;
Молодого послать — заиграется;
Ровнюшку подружку — засидится,

На мила друга заглядится.
Дождусь я млада темной ночи
Темные ночи полуночи;
Пойду я, младенька, разгуляюсь,
Со своим миленьким повидаюсь,
Своему другу милому попеняю;
Во глаза друга милого поругаю.
Что ты в гости ко мне не ходишь?
Что гостинцы мне ты не носишь?
Рад бы к тебе, милая, ходити,
Нечего в гостинечки носить.
Принеси мне, душа милый друг,
в гостинцы
Алу юбочку, мне душегрейку.

60

Как сказали про мою жену, неряха.
Что неряха-то жена моя, не пряха.
Что по пятницам жена моя не пряла,
Как в субботу она баню протопила,
В воскресенье-то жена пропировала,
В понедельник с похмелья пролежала;
А во вторник на молитве простояла.
Уж как в середу вставала раненько;
Оттянула три ниточки тоненько,
Навертела три мозоля кровавые.
Она сделала милу другу обновку:
Тонку беленьку, полотняну застежку.
Ты вставай-ко, душа милый друг,
с постельки;
Поздравляем те, душа моя, в обновке,
В тонкой беленькой конопляной застежке;
Пролежать бы тебе три года в огневке.

Погуляй-ко, добрый молодец,
Покуль воля тебе есть.
Уж я рад бы погуляти,
Товарища со мной нет.
Уж как есть один товарищ,
Вороненок, добрый конь;
А второй-то мой товарищ
Зелененок тугой лук;
Как бы третий мой товарищ
Есть каленая стрела.
Каленую эту стрелочку
В чисто поле отпускаю.
Полетай-ко, моя стрелочка,
В чисто поле далеко;
В чисто поле, моя стрелочка,
В бел полотняный шатер.
Как в этом-то во шатрочке
Серый потничок лежит;
Что на том ли да на потничке
Добрый молодец лежит.
Что за тем было за шатричком
Казачков стоит толпа,
Что у тех ли у казаков
Горел ясный огонек;
Горел ясный огонек,
Наносил дымок.
Что под этим под дымочком
Лежал добрый молодец.
Он убит-то не убит,
Весь израненный лежит.
Прижигает, припекает
Свои раны кровавы.
Уж как первая-то рана
Во буйной его главе;

Что вторая его рана
Во ретивом его сердце;
Уж как третья его рана
Что на правом на плече.

62

Вложил мысли, вложил душу,
Вложил ласковы слова;
Я ума его не знала,
Начала крепко любить.
Уж как все люди узнали,
Все соседи говорят;
Меня, девушку, красотку,
Все ругают и бранят.
Стыдно девке, стыдно красной
По ночам одной гулять.
Мне того стало стыднее
Молодца-парня любить.
Я с того горя с кручины,
Пролила слезы из глаз,
Не плачь, девка, не плачь, красна,
Не плачь, ягодка моя:
Подарю тебе подарок,
Что на шеечку платок;
Подарю второй подарок
Что на ножки башмачки.
Со широкого, со нового двора
Шла девонюшка красотка молода;
За собою вела доброго коня,
За шелковые за новы повода,
На Дунай реку водой поить.
Из Дуная конь воды не пьет,
Сам копытечком сырую землю бьет,
На девонюшке цветное платье рвет.
Плачет девка, коню платье не дает.

Что не ты мне это платье заводил,
Заводил его боярин молодой.

63

Ветерок куда повеет,
Туда миленький поедет,
Ко мне, девке, не заедет.
Хоть заедет, не ночует;
Хоть ночует, прогорюет;
Он по горенке проходит;
Подняв ручки к сердцу носит,
На окошко припадает,
Своей милой отвечает:
Еще что это за чудо:
На дворе уж свет светает;
Не пора ли провожати?
Вдоль по горенке с словами;
По сеням-то с фонарями;
Ко крылечку с фонарями,
Вдоль по улице с слезами!

НАРОДНАЯ СВАДЬБА

Русские песни приурочены к разным случаям семейной жизни..., напевы их, усваиваемые русским человеком с колыбели, уклоняются от законов ученой музыки и не похожи на песни не только чужих народов, но даже и на песни славян единоплеменников...

С. И. Гуляев

НАРОДНАЯ СВАДЬБА

Свадьба — одна из главных тем обрядового фольклора. Разработанность свадебного сюжета, так же как и обилие дошедших до нас записей свадебной лирики, прямо указывает на значение этого обряда в жизни русских крестьян. «Свадьба, — писал С. И. Гуляев, — в семейной жизни русского народа составляет одно из важнейших событий, когда человек вступает в круг новых обязанностей гражданина и семьянина. Поэтому-то издревле бракосочетание сопровождается разными освященными временем обрядами, отступление от которых влечет за собою, по мнению народа, неприятные последствия».

Материал для народной свадьбы ученый собирал многие годы так же, как былины и исторические песни, — по переписке из Петербурга. Но если песню мог записать «с голоса» и не очень образованный человек, то свадебный обряд, с его многослойным сюжетом, мог зафиксировать лишь подготовленный информатор. Возможно, в организации сбора материала на высоком научном уровне ему помогла собственная «полевая» работа. В издании Русского географического общества за 1852 год была помещена статья Степана Ивановича «Свадебные обряды в Ярославской губернии», появившаяся в результате поездки Гуляева в Романовский уезд упомянутой губернии. Это дало ему возможность сопоставить локальные варианты свадебного обряда и сделать ряд ценных замечаний об особенностях крестьянской свадьбы в Сибири.

Описание свадьбы, сделанное Гуляевым, было одним из самых первых пространных описаний, весьма точно фиксирующим обряд. Обычно публикации такого рода содержали либо фольклорную часть обряда (песни и причитания), либо описание последовательности действий участников свадьбы. С. И. Гуляев соединил фольклорную и этнографическую части обряда в единый комплекс.

Ю. Л. Троицкий

Родители, задумавшие женить сына, приискав невесту, возлагают сватовство большей частью на женщину, известную своими успехами и опытностью в делах подобного рода. Сваха, разумеющая вполне ремесло своё, строго наблюдает все необходимые для успеха в таком случае условия. Входя на крыльцо дома невесты, она ступает на первую ступень правой ногою, говоря: «Как нога моя стоит твердо и крепко, так слово моё будет твёрдо и лепко; тверже камня, лепче клею и серы (сосновой); острее булатного ножа; что задумаю— да исполнится». Следуя далее, она шагает через порог непременно прежде правой ногою, а войдя в комнату и помолясь богу, садится только под матицей¹, и на ту лавку, которая идёт по длине пола. Усевшись, неожиданная, а иногда и желанная гостя завязывает с хозяевами какой-нибудь незначущий разговор, стараясь потом ловко обратить его к прямой цели своего посещения, а хозяева, угадывая это намерение, всячески уклоняются от объяснения, как бы в доказательство, что о замужестве дочери и не думают.

Наступательные действия, с одной, и оборонительные, с другой стороны, длятся иногда значительное время. Наконец сваха, улучив удобную минуту, встает и, обращаясь к отцу и матери невесты с низкими поклонами, ведёт такую речь: «Я пришла к вам не пиры пировать, не столы столовать, а пришла я с добрым делом со сватаньем: у вас есть дорогой товар, а у меня знатный купец». Тут объявляет она имя жениха, и если услышит какие-нибудь отговорки, например, что невеста молода еще, что ей надо покопить ума-разума, — то обращает их в шутку, возражая: «То ведь не беда, что невеста молода; с добрым молодцом возмужает под венцом!» и тому подобное.

---

¹ Балка, бревно, поддерживающее потолок.

Для объяснения значения некоторых встречающихся в этой статье слов в книге дан словарь, заключающий в себе изречения, малоизвестные в других местах.

Нерешительность родителей невесты или несогласие последней заставляют иногда сваху посетить их неоднократно, без всякого успеха, несмотря на все употребляемые ею способы и таинственные предосторожности, порою заклинания и наговоры. Впрочем, медленность в согласии родителей и невесты происходит нередко с тем намерением, чтобы выиграть время, необходимое для разведывания о качествах жениха, его состоянии и прочего. Но если предлагаемый союз находят выгодным, или когда жених полюбитя дочери, то, перестав противиться и как бы предоставляя девушке полную свободу выбора, обыкновенно говорят в таком случае: «Ну ин с богом! выбрала молодца, так уж после не пеняй на отца!» Затем дело и пойдёт своим порядком.

Назначается день рукобитья (сговора), на которое приглашаются в дом невесты только ближайшие с обеих сторон родственники. Когда соберутся все, то зажигают свечи пред образами, потом, помедлив немного, все присутствующие встают и безмолвно молятся богу. После этого религиозного обряда сваха или кто-нибудь из старших родственников жениха берёт за руку отца невесты, а один из почётных гостей подходит к ним и, разнимая их руки, говорит: «Благослови господи! в добрый час!» Все в голос повторяют: «В добрый час!» Затем снова молятся богу, поздравляют друг друга с начатым делом и садятся по местам. В это время входит невеста в сопровождении матери, которая, подведя её к жениху, говорит: «Вот тебе суженая ряженая; прошу любить да жаловать!» Жених кланяется, берёт невесту за руку, целует и сажает возле себя. После того начинаются угощение и песни.

1. На выбор невестою жениха

Как у Аннушки матушка
Не добра была, не ласкова;
У Андреевны родная
Не ласкова, не приветлива.
Посылала ее матушка
Что во сырой бор по ягодки;
Выбирай-ко себе, дитятко,
Что из ягодок, ты, ягодку;

Из калины — калинушку,
Из малины — малинушку,
Из смородины — смородинку.
Как у Аннушки матушка
И добра была и ласкова;
У Андреевны родимая
И ласкова и приветлива.
Посылала ее матушка
Во высок терем бояр смотреть.
Выбирай-ко себе, дитятко,
Из князей ты себе княжича,
Из бояр себе боярина;
Выбирай сужено, ряжено,
Удалова, добра молодца.
Красна девица назад идет;
Под ней ноги подгибаются,
Белы руки опускаются,
Очи ясны закрываются,
Горьки слезы проливаются.
Уж я выбрала-то, матушка!
Себе суженое, ряженое,
Удалова, добра молодца,
Свет Ивана-то Никитича!

2. Невесте

Перекатное, красно солнышко,
Ты звезда ли перекатная!
Закатилася ты за облаки,
Прочь от светлого, ясна месяца.
Перешла наша девица
Что из горницы во горницу,
Из хорошей-то во светлую;
Перешла и задумалась.
Как задумавшись, заплакала;
Во слезах-то слово молвила:
Государь ты мой, родной батюшка!

Невозможно ли того сделать,
Что замуж меня не выдати?

3. Невестину отцу

Не лежи ты, бобер, у крутых берегов,
Черная куна возле быстрой реки;
Не сиди, Андреян, во чужом во пиру,
Андреян господин, свет Михайлович!
Снаряжай ты свадьбу Дунюшкину
Свет Авдотьи Андреяновны.
У меня свадьба снаряжена:
Девять печей хлеба спечено,
Десятая печь больших калачей;
Девять четвертей вина насижено;
Все приданое приготовлено:
Десять городов с пригородками;
Десять теремов с притеремками.

4. Ему же и матери

Ты восхоже ли, красно солнышко,
Государь мой, родной батюшка!
Ты заря моя, подвосточная,
Государыня, родна матушка!
Не вставай-ко, родна матушка,
На резвые свои ноженьки;
Не вздувай-ко ты, родимая,
Из углей огня ясного;
Не затепливай, родна матушка,
Ты свечи-то воску ярого
Перед образами чудными.
Не запоручивай буйну голову,
Буйну голову, девью красоту!
Уж гораздо я вам наскучила,
Уж гораздо напрокучила:
Много хлеба, соли скушала,

Много квасу, пива выпила;
Износила платья цветного,
Истоптала много чоботов.
Богоданный сударь-батюшка!
Ты моги-то встать, подняться,
На резвые свои ноженьки;
Ты моги-то дойти, доступить,
До берчатой, до занавесы,
До кручинной, красной девицы!

5. Им же

Кругом солнца обошло;
Рядом бояре ехали;
Вершину у рябинушки сломили,
Коням под ноги бросили;
Топчите, кони, вершинушку;
Стой, рябина, без верху;
Живи, батюшка, без дочери,
Без любимья, Аннушки.
Кругом солнышко обошло,
Рядом бояре ехали;
У рябины вершинушку сломили,
Коням под ноги бросили.
Топчите, кони, вершинушку;
Стой, рябинушка, без верху,
Живи, матушка, без дочери,
Без любимья дочери, Аннушки!

6. Невеста подружкам

Вы, голубушки мои сизые,
Приближенные соседочки!
Любезные мои подруженьки!
Что пройдет-то зима студеная,
Что пройдет-то весна красная,

Сокатятся с гор белы снеги,
Нарастет-то трава мурава,
Расцветут цветы лазоревы;
На кусте созреет ягодка,
Черна ягодка-смородинка.
Как пойдете вы в чисто поле,
Что по ягоду-смородину;
Принесите-ко, голубушки,
Что мою ль то, девью красоту:
Как моя-то девья красота,
Что на кустике, на ракитивном;
Привилась то девья красота
Ко кусточку алой ленточкой.
Вы снимите девью красоту
Со ракитова со кустика;
Положите во коробочку,
Принесите к родну батюшке,
И к родимой моей матушке,
Что во светлую во светлицу,
Во светлицу, — в нову горницу;
Что поставьте вы коробочку
Во светлице, на дубовой стол.

7. Невесте

Как на улице, улице,
На широкой на площади,
Тут играли, поигрывали
Что милы дружки Дуняшиньки.
Они мало выигрывали,
Они много проигрывали;
Проиграли свою сестру,
Что Авдотью Ивановну.
На лугу, лугу зеленом,
На ковре, ковре шелковом,
На кругу, кругу золотом.

Тут играли, поигрывали
Что милы братцы Фокины.
Они мало проигрывали,
Они много выигрывали:
Выиграли милу сноху,
Что Авдотью Ивановну;
Родну батюшке — невестушку;
Родной матушке — заменушку;
Как милу дружку обручницу!
Обручницу, подвенечницу,
Подвенечницу, вековечницу!

После рукобитья назначаются смотрение и девичник. Первое торжественное обоюдное представление жениха и невесты будущим родственникам и знакомым. Девичник — последний вечер перед свадьбой. Иногда то и другое бывает в один день. Как на девичник, так и на смотрение собираются, кроме родственников, не только лица приглашенные, которые должны участвовать в свадебном пиршестве, но приходят и незваные, особенно если знают, что в заключение вечера будет пляска. Между тем жених, во всё время от рукобитья до свадьбы, ходит или должен ходить к невесте каждый день; но у поселян это не всегда наблюдается. Он приносит с собой разные, по своему достатку, гостинцы — пряники, орехи и тому подобное, — угощая невесту и подруг её, которые шьют приданое под напев приличных случаю песен. Иногда, вечером, приходят товарищи жениха и затевают какие-нибудь игры.

На смотрение, девичник и свадьбу приглашаются у поселян и мастеровых дружка, у других сословий шафер. Дружка должен быть знахарем, чтобы кто-нибудь не похимостил (не испортил) жениха, невесту, или их родственников и поезжан: должен знать порядок, что и за чем следует; уметь вовремя сделать, что нужно. Он самое необходимое лицо, без совета которого ничего не предпринимается, и потому дружка распоряжается всем, как совершенный хозяин; назначает, когда подавать закуски или кушанье на стол; угощает отца и мать невесты, жениха, его родню и всех родственников и знакомых. В это время на кушаке у него с левой стороны висит нож, для разрезывания кушанья, напере-

ди берчатое полотенце и пистолет, на правой стороне заткнута плеть или бич. Во время угощения, или когда гости заняты песнями, дружка неожиданно стреляет из пистолета в матицу, в угол или стену, и каждое действие свое сопровождает различными присказками и поговорками, иногда полными неподдельного остроумия и простодушной иронии, заставляющей тех, к которым относится меткое слово дружки, невольно закусывать губу, а других смеяться до слёз. Впрочем, на смотреенье иногда дружки и не бывает.

В назначенный для смотреенья день, вечером, или вскоре после обеда, приезжает жених с отцом и матерью, родственниками и товарищами к невесте и, помолясь богу, все садятся чинно по местам. В это время вводят невесту из другой комнаты или из кути, отделяемой от прочего пространства избы досчатой перегородкою или занавескою. Жених и все присутствующие, встав, единогласно приветствуют её, а потом жених берёт невесту за руку и, поцеловав, сажает возле себя. В продолжение всего вечера она, по обычаю, сидит склоня голову и почти вовсе не разговаривает с женихом, даже не глядит на него, исключая те минуты, когда подадут угощение. После этой церемонии начинают песни.

8

Тебе бог судья, родной батюшка!
Тебе бог судья, родна матушка!
Поневолили меня замуж итти,
За удалого, добра молодца.
Разве много я хлеба скушала?
Износила платья цветного?
Мне не год годовать у вас;
Не зиму зимовать у вас;
Не весну весновать у вас;
Одну ноченьку ночевати!
Не знать ноченьку пролежати,
Не знать ноченьку просидети,
Не зпять ноченьку проходить,
Не знать ноченьку простояти,

Не знать с батюшкой думу думать,
Не знать с матушкой мысли смыслить,
Не знать с братцами мне гуляти?

9

На горе-то, на высокие,
Как у церкви, у соборная,
Высоко поднят колокол;
Далеко звон слышали.
Слышно с городу на город,
Слышно с терема на терем.
В терему красна девица,
Свет Авдотья Ивановна;
Запоручена, запросватана,
За удалова, добра молодца,
За Григория Николаича.
Вы голубушки мои сизые,
Вы любезные, вы подруженьки!
Потрудись-ко, голубушки,
В девьей красоте во последние:
Уж мне с вами-то, подруженьки,
Во зеленом саду не гуливать,
Алы ягодки не щипывать!
Со восточной со сторонушки
Потянули ветры буйные;
Накатились тучи грозные;
Налетели черны вороны!
Во поле лебедушка кикала;
В тереме Устиньюшка плакала.
Тебе бог судья, родной батюшка,
Отдаешь молоду во чужи люди.
Остается от меня зелен сад,
Завянут цветики лазоревы.
Накажу я родну батюшке:
Уж вставай-ко ты ранешенько,

Поливай цветы частешенько,
При вечерней заре, утренней,
И своюю горячею слезой.

10

Сободем Наташинька леса прошла
(повторяется).

Крыла леса алым бархатом,
По пути катила крупным жемчугом.
Прикатила на крутой бережок;
Стала на бел-горюч камешек;
Вскрикнула она зычным голосом:
Кто бы меня за реку перевез?
Много бы дала тому золота,
Больше бы того скатна жемчугу.
Не откуль взялся Агафон господин;
Агафон господин, свет Иванович.
Он лодочку спускает во быстру реку;
Он скоро поспешает ко Наташиньке,
Ко Наташиньке, свет к Федотовне.
Уж чем тебя дарить, добрый молодец?
Есть у меня золота казна;
Жемчуг дорогой, платье цветное.
Мне не надо твоя золота казна;
Жемчуг дорогой, платье цветное.
Подари собой, мое сужено,
Мое сужено, мое ряжено!

11

Агафон господин ходит по двору,
Свет Козмич гуляет по широкому.
Кунья шуба на нем до полу;
Соболина шапка до верху;
Божья милость на нем до неба;

Как богатство, счастье до веку
Сужено смотрит из полога,
А бояре смотрят из города,
А боярыни из терема.
Бояре молвят: чей же такой?
Боярыни молвят: чей господин?
А сужено молвит: мой дорогой.

12

Ты река ли, моя реченька,
Ты река ли моя быстрая!
Ты, река, по лугам течешь,
По раздольям разливаешься,
У тебя ль, у быстрой реченьки,
Берега были хрустальные,
А пески на них жечужные.
Тут стоял тонкий бел шатер.
Уж как девица из терема
Приходила ко белу шатру;
Разбужала добра молодец;
Пробудись, удалой молодец!
Пробудись, мое сужено,
Пробудись, мое ряжено!
Что пришла к тебе девица,
Что пришла я позабавиться,
Поиграть в гусли звончаты.
Проиграла красна девица
Золотой перстень с правой руки.
Не в досаду ль тебе, девица?
Не в досаду, добрый молодец.
Проиграл ей добрый молодец
Свои гусельцы звончатые.
Не в досаду ль тебе, молодец?
Не в досаду, красна девица,
Проиграла красна девица

Что свою-то трубчату косу.
Не в досаду ль, красна девица?
Не в досаду, добрый молодец.

13

Как сидела я во тереме
И пизала ли жемчужинки
Что на длинную ниточку.
Не отколь взялся ясен сокол,
Он взмахнул правым крылышком,
Он задел им за тарелочку,
За тарелочку серебряну:
Он просыпал все жемчужинки
До единого до зернышка.
Как расплакалася девица,
Стоючи перед батюшкой.
Ты не плачь-ко, мое дитятко:
Созову я князей, бояр;
Подберут твои жемчужинки,
До единого до зернышка.

В это время угощают гостей питьями. Гости, отведав вина или наливки, просят подсластить их, что значит поцеловать жениху невесту. Выпив рюмку, дарят невесту, кто чем может.

14

Песня на подарки

По городу, по городу звоны пошли;
По терему, по терему дары понесли,
Дарили дары душе девице.
Прими дары, душа девица,
На наши дары не прогневайся:
Наши дары, не пасеня;
Свадебка-то неожиданна.

Затем поются песни тысяцкому (начальнику поезда, воеводе), свахам, и всем вообще присутствующим, каждому особо. По окончании песни одна из девушек подносит рюмку вина или наливки тому, для которого поётся песня. Угощаемый, выпив рюмку, кладёт на поднос деньги, которые делятся потом между певицами. Если подарком останутся довольны, то величают (благодарят), в противном случае платят насмешкою.

15

Песня тысяцкому

Ах ты, тысяцкой воевода!
Ты поехал, сударь воевати,
Не неверную силу побеждати,
Не в чужу, дальну землю;
Но с пушным, сударь, со товаром,
Что со черными, сударь, соболями.
Ты за то, сударь, брал головами,
Что с девыми красотами,
Что со русыми со косами.
А ты слышишь ли, слышишь ли,
Сударь, тысяцкой воевода?
Тебе песню поем, тебе честь воздаем!
Что по имени тебя называем,
По изотчеству¹ величаем!

16

Жениховой свахе

Что княжая-то наша свашенька богата,
Как по имени Ирина Ермолавна;
Она с гривенки на гривенку ступает,

---

¹ Имя отца, придаваемое к собственному; называть по изотчеству, величать.

Что рублем она ворота отворяет,
А полутормя широки запирает,
По полтине во все стороны бросает.
Из тюрем она тюремных выкупала,
Из неволи-то невольных выручала;
Сиротам, вдовам казны много давала,
За нее-то сироты, вдовы бога молят.
Ах ты, слышишь ли, княжая свашенька,
Свет Ирина душа Ермолавна?
Про тебя девицы песню пели,
Что по имени тебя называли,
По изотчеству тебя величали.
Ты даря-ко девиц, не скупися,
Не рублем их, не полтиной — златой
гривной.

17

Свахе невестинной

Что княжина-то свашенька, беляна,
Как по имени-то Анна Евсигневна.
Что по три годы полотна белила,
Что на синем море их полоскала,
Что на камешке, на сером колотила;
Что к Авдотье-то на свадьбу поспешала;
Что к Денисьевне на честну торопилась.
Ах ты, слышишь ли, княжина свашинька?
Мы те песню поем, тебе честь воздаем;
Будто сыр молодой на блюде,
Как скатен-то жемчуг в ожерелье.
Ты дари-ко девиц, не скупися;
Не рублем, не полтиной — золотой гривной.

Женатым

На луге, луге
 Стояли три роты;
 Три роты военны.
 Посередь роты ходит
 Господин наш полковник,
 Свет Андрей Николаич.
 На нем шуба соболья,
 Она крыта парчою,
 Что парчою голубою.
 Как бояре-то спросят:
 Господин наш, полковник,
 Тебя кто шубой дарил?
 Али тесть, али теща?
 Отвечает им полковник:
 Не тесть дарил, не теща,
 Что дарил государь-царь
 За мою службу верну,
 За мою неизменну.

После каждого стиха этой песни припевают: уряди, дид-ладо, уряди!

Холостым

Во поле деревцо,
 Во чистом кипарис-древо;
 На том на деревце
 Вырастили две веточки;
 На тех на веточках
 Вырастали две ягодки;
 Первая-то ягодка

— Как Иван-то Андреевич;
Вторая-то ягодка
— Катерина Ивановна.

20

Исполать тебе, удал молодец,
Как Иван, сударь, Николаевич:
Ты умел хорош родиться,
Хорошо снарядиться:
Со тонка высокошенек,
Со бела кудреватенек,
Что пора тебе спожениться.
Как невеста твоя выросла
Дороги дары повышила.
Ах, ты слышишь ли?
Мы те песню поем,
Тебе честь воздаем,
По имени называем,
По изотчеству величаем,
Будто сыр молодой на блюде
Как скатан-то жемчуг в ожерелье,
Ты дари-ко девиц, не скупися,
Не рублем, не полтиной — златой гривной.
А ты станешь дарить,
Мы те станем хвалить;
Ты не станешь дарить,
Мы те станем корить.
Ах, ты, сам шестом,
Головка пестом,
Уши ножницами;
У те шея бела,
Будто в петле была;
У те рожа пестра,
Лихорадка трясла.

Вообще мужчинам

То Михайле песенка,
 То ясному соколу,
 С белой лебедушкой,
 Свет с Анной Григорьевной.
 Слышишь ли, Михайло господин,
 Слышишь ли, Федотыч господин?
 Тебе песню поем,
 Тебе честь воздаем;
 Мы тебя величаем
 И по имени называем.
 Как ты белый сыр на блюде,
 Как бы сладкой мед в сосуде;
 В саду вишенье садовое,
 Сладко яблочко, наливное,
 Мы просим тебя, не скупися,
 С золотой гривной расступися.

Чтоб побудить к щедрости, поют ещё следующие припевки:

Тысяцкому

Ты удалый, добрый молодец,
 Свет Андрей, сударь Иванович.
 Ты охоч был по пирам ходить,
 По сговорам, по девичникам,
 По девичьим вечериночкам,
 Ты охоч был песни слушати,
 И охоч был девиц дарить
 Не рублями, не полтинами,
 Золотыми все бы гривнами.

Другим мужчинам

Агафон, господин, не скупися,
 С золотой гривной расступися;
 Тебе тем казны не скопити,
 Башмаков невесте не купити.
 Ко обедне пойдет — замарает,
 От обедни пойдет — потеряет.

Или:

24

Ах, мы песенки перепели,
 У нас горлышки пересохли;
 От Варлама даров не видали,
 От Андреича не примали,
 Хоть девицам бы водицы,
 А послаще водицы — сытицы.

Если подарком довольны, то поют:

25

Бьем челом поклоняемся;
 На больших дарах, на Варламовых.
 Дай те бог, подаруй христос,
 Двор те скота, да анбар живота;
 Сына сокола, дочь боярыню.

Или:

26

Спасибо, Варлам господин,
 Спасибо, Федотьевич;
 Твоего меду мы выпили и челом
 Тебе ударили.
 Со поклоном, словом ласковым.

В противном же случае (повторяется):

У Варлама в гостях не бывали,
Его меду мы не пивали;
Уж как мед-то его что водица,
А дары-то его что тряпица.

Кроме приведенных выше песен, поют холостым ещё следующую:

У ворот вились вереюшки,
У широких завивались.
Как не сами оне вилися —
Завивали их плотнички,
Топорами-то булатными,
Уж как у света-Николиньки
Не сами-то кудри вилися,
Не сами-то завивались;
Завивала их мила сестра,
Свет Авдотья-то Григорьевна.
Что на всякую кудриночку,
По бурмицкой по жемчужинке,
Самоцветному по камешку.

Все эти песни свахам и гостям, называемые вообще припевками, поются и на девичнике.

Когда все таким образом будут обойдены, начинается следующая песня:

Ах ты, воля, ты воля батюшкина,
Ах ты, нега, ты нега матушкина:
Я у батюшки жила, красовалася,
Я у матушки жила по своей воле.
Поутру раным-раненько не вставывала,
И я ранних петухов млада не слушивала;

А умыв руки, садилась на дубовый стол,
Со батюшкой, со матушкой хлеб-соль
кушати;

Со подруженьками думу думати.
Вы, любезные подруженьки, голубушки:
Научите вы, подруженьки, уму-разуму:
Оставлять ли мне свой родимый кров?
Отказаться ль мне от родителей?
Называться ль мне по чужой семье?
Вы не знаете моей горести:
Уж как я млада запросватана
За незнамова добра молодца!

Этою последнею песнею оканчивается церемония
смотрения, после чего жених, пригласив отца и мать
невесты и других гостей к себе и угостив вечерним сто-
лом, приезжает обратно к невесте, где оставшиеся
подруги ее веселятся всю ночь. Как в этот вечер, так
и во все другие дни, с рукобитья до самой свадьбы,
сбирающиеся к невесте подружки поют песни, в кото-
рых выражается сожаление девушки об оставляемых
отце и матери, девичьей воле, беззаботной жизни и про-
чем. Из песен главнейшие и общеупотребительные:

30

Как ночесь-то мне, матушка,
Мне малым-мало спалось;
Малым спалось, много виделось
Что привиделся чудный сон:
Как построена горенка,
Что во горенке кроватушка,
На кровати черный соболь,
На полу сера уточка,
По полочкам голуби,
По лавочкам ласточки,
На окошке ясен сокол.

Ты дитя ль, мое дитяtko,
Ты дитя, чадо милое,
Я тебе этот сон рассужу:
Как построена горенка
— То чужа тебе сторонушка;
На кровати черный соболь
— Это твой свекор батюшка;
На полу сера уточка
— То свекровушка матушка;
А на молочках голуби
— Это братья деверья твои;
А на лавочках ласточки
— То сестрицы золовушки.
На окошке ясен сокол
— То твое, дитя, суженое,
Твое суженое, ряженое.

31

По горам я ходила,
Полынь траву сеяла,
Василечки садила.
Не отколь взялся молодец
На своем на добром коне.
Он полынь траву вытоптал,
Василечки все выщипал
И меня, младу, высмотрел.
Сестра брату жаловалась:
Ах ты, брат, ты мой милый брат,
Я по горам ходила,
По высоким гуляла,
Полынь траву сеяла,
Василечки садила.
Не отколь взялся молодец
На своем на добром коне;
Он полынь траву вытоптал,

Василечки повыщипал
И меня, младу, высмотрел
Ты, сестра моя милая,
Сестра, сиза голубушка,
Свет Маланья Григорьевна:
Я и сам-то холост хожу,
Я чужих сам сестер смотрю.

32

Под горой, горой высокою,
Что кипит колодезь с красным волотом,
Красны девицы расчерпывают;
Коя чарой, коя ковшичком,
Одна Машинька целым кубцем,
Кому кубец отдать с красным золотом?
Отдать батюшке — назад не взять,
Отдать матушке — ничего не видать;
Как отдам кубец Ксенофонтушке,
Ксенофонту да Кирилловичу:
Тем кубцом мы село заведем.

33

Полелей, полелей, мати Волга река,
Полелей ты круты берега.
Что не долго лелеяти —
Со весны да до осени,
До студеного замороза.
Полелей, отец, дочерь свою,
Что не долго лелеяти,
С четверга да до пятницы,
А в субботу девич-вечер,
В воскресенье разлучный день:
Разлучат пташку с гнездышком;
Маргаритушку с батюшком,
Елисеевну свет с родным!

Не бушуйте, буйны ветры,
 Не раскачивайте звонки колоколы;
 Не будите красну девицу,
 Парасковью Максимовну;
 Как вечер-то она долго не спала —
 Ширинку шила красным золотом,
 Подарить свекра батюшка.

Не бушуйте, буйны ветры,
 Не раскачивайте звонки колоколы,
 Не будите красну девицу
 Свет Прасковью Максимовну;
 Как вечер-то она долго не спала —
 Шила рубашечку полотняну,
 Подарить свекровь матушку.

Перелетная ласточка,
 Сизокрылая косаточка!
 Ты к чему рано вылетывала
 Из своего тепла гнездышка,
 От своих малых детушек?
 Ах вы, ласточки, косаточки,
 Не своей волей, охотою:
 С восточной со сторонушки
 Потянули ветры буйные,
 Всколебалось море синее,
 Поглушило малых детушек:
 Ты душа ли, красна девица,
 Свет Авдотья Николаевна,
 Ты к чему рано замуж пошла?
 Вы голубушки, подруженьки:

Не своей волей, охотою:
Отдает меня сударь батюшка,
Запоручила родна матушка!

36

Сироте невесте

Ты река ли, моя реченька,
Ты река ли моя быстрая?
Ты течешь, не колыхнешься,
Со песками ты не взмутишься.
Ты душа ли, красна девица,
Ах, ты что сидишь, задумалась?
Для чего тебе печалиться?
У вас горница полна гостей.
Вы голубушки, подруженьки!
Еще как-то мне не думати,
Еще как-то не печалиться?
Хотя горница полна гостей,
Уж как все-то гости есть как есть,
Одного-то гостя нет как нет.
Нету гостенька любимого
— Моего отца родимого!
Мне теперь бы его надобно.
Государь ты, родной брателко,
Ты подойди-ко к божьей церкви,
Ты взойди-ко на колоколенку,
Ты ударь-ко в большой колокол,
Разбуди моего батюшку;
Мне теперь его-то надобно,
Что ко часу, ко последнему,
К благословенью великому.
Благословить меня некому:
Благословляет меня брателко,
Со родимой моей матушкой.

Взвеели ветры по полю,
 Грянули веслы по морю.
 С кем-то мне думушку думать?
 Думу думать с родным батюшкой —
 Та мне дума не крепка, нè верна;
 Те словеса не понравилися.
 Взвеели ветры по полю,
 Грянули веслы по морю.
 С кем-то мне думушку думать?
 Думу думать с родной матушкой —
 Та мне дума не крепка, не верна,
 Те словеса не понравилися.

Взвеели ветры по полю,
 Грянули веслы по морю.
 С кем-то мне думушку думать?
 Думу думать мне с Федором —
 Та мне дума и крепка и верна,
 Те словеса мне понравилися!

Заключительною же песней смотренья бывает следующая.

Когда невеста, проводив жениха, остается с родителями своими и подругами, то становится перед отцом на колени, а девушки начинают петь, или вернее выть (причитать).

На заре-то, заре утренней,
 На восходе солнца красного,
 Петухи поют ранни утрени,
 Разбужают они родна батюшка.
 Уж ты встань, родимый батюшко,
 И умойся ключевой водой,
 Ключевой водой, студеною!

Ты утрись, родимый батюшка,
Тонким, белым полотенчиком!
Помолись, родимый батюшка,
Ты царю богу спасителю.
Ты пойдь, родимый батюшка,
К моему другу милому;
Ты узнай, родимый батюшка,
Ты про все житье-бытье.
Он не пьет ли зелена вина?
Не играют ли в кости, карточки?
Не проигрывает ли платья цветного
И мою-то, девью красоту?
А потом, родимый батюшка,
Ты зайди-ко в божью церковь;
Ты узнай, родимый батюшка,
Мне каким венцом венчатися
И каким кольцом обручатися?

В рукобитье, смотрење и девичник, а также и в другие вечера жениха провожают домой следующею песнею:

39

В горнице гусли лежали,
А некому в гусли играти.
Как Андрея дома не лучилось,
Свет Петровича дома не лучилось.
У ласкова тестя пирует,
У ласковой тещи он столует.
Теща-то зятя провожала,
А сама зятю наказала:
Пей, мой зять, не упивайся;
Придешь домой, не ломайся,
Ведь мое-то дитя молодое
Твоего обычая не знает,
Твоего норову не ведает.

Последнее слово повторяется три раза.

Севастьян, господин, воротися!
(повторяется).

Свет Григорьевич, воротися!
Что Маланья твоя стосковалась;
Из окна она в окошко бросалась;
Все стеклышки приломала.

Жених, вышедший за двери, ворочается по окончании песни и, поцеловав невесту, выходит; но, вызванный снова, возвращается, что повторяется до трех раз.

Девичник бывает обыкновенно накануне свадьбы. Сирота-невеста поутру едет на могилы отца или матери и плачет там с причитанием, жалея, что они не могут благословить ее. По возвращении оттуда садится за стол. Для угощения¹ штоф или четверть ведра наливки, вина простого или виноградного, и вместе с тем коробочку, заключающую в себе мыло, гребень, румяны, белилы, башмаки, перчатки, булавки и прочее, также некоторые подарки для девушек. Между тем приданое, первая принадлежность которого состоит из перины с подушками, одеяла, полога, отправляют к жениху с постельницей, провожая её следующей песней:

Разливалась вода вешняя
На луга, на зеленые;
У Федота Дементыча
Ворота отворилися,
Что без ветру, вез вихоря.
Три кораблика уплыли:
Первый корабль с красным золотом,
Вторый корабль с чистым серебром,

---

¹ Подруг невесты жених, смотря по состоянию, присылает.

А третий корабль с красной девицей.
Как не жаль мне золотой казны,
Мне не жаль чиста серебра;
Только жаль мне красной девицы,
Жаль моей милой дочери
Парасковьи Федотовны!
А у Якова Савельича
Что без ветра, без вихоря
Ворота растворилися;
Три кораблика приплыли:
Уж как первый с красным золотом,
А второй с чистым серебром,
Что третий корабль с красной девицей.
Мне не дорого красно золото,
Мне не дорого чисто серебро:
Дорога красна девица,
Свет Прасковья Федотовна,
Мое сужено, ряженое!

Родители жениха, встретив постельницу и приняв приданое, угощают её и дарят по возможности. Когда постельница уберёт постель в назначенной для того комнате, тогда приезжает тысяцкой, запирает комнату на замок, а ключ берёт с собою. Но возвратимся к невесте. Когда девушки приглашены уже сесть за стол, тогда поют следующую песню:

42

Сборы вы, сборы Прасковьины,
Великие сборы Федотовны!
Сбирала она подружек за дубовый стол,
Садила подружек вокруг стола,
А сама садилась выше всех,
Голову клонила ниже всех,
Думушку думала крепче всех.
Вы голубушки мои подруженьки!

Придумайте вы, присоветуйте,
Как жить-то мне в чужих людях?
Как мне звать свекра с свекровью?
Называть свекром — он рассердится.
Назвать батюшкой — мне не хочется.
Назвать свекровью — рассердится;
Назвать матушкой — не хочется.
Я невольно должна покориться!
Назову я свекра батюшкой,
Назову я свекровь матушкой.

По окончании обеда готовят невесту идти в баню и, чтобы расплести косу, поют следующую песню:

43

Ты коса ли моя косынька,
Ты коса ли моя русая!
Тебя зачесывала матушка,
Заплетала родна сестрица!
Уж как мне ли тебя, косанька,
Знать-то, боле не плетать будет;
Алой ленточки не нашивать.
Расстаюсь с тобой, косанька!
Расстаюся с девьей красотой!
Расплетут тебя, косанька,
Как на мелкие на прядочки,
Поведут меня, девицу,
В нову баню мыться.
Там я смою девью красоту
Ключевой водой студеную.

Когда невеста готова, просят отца, мать, братьев и сестер расплести косу; причём. обращаясь к отцу, поют, с причитанием:

Приступи, родимый батюшка,
 Ко моей-то девьей красоте;
 Расплести, родимый батюшка,
 Что мою-то трубчату косу.
 Видно, я у вас отнежилась,
 Видно, я открасовалась!
 Видно, я уж вам наскучила,
 Видно, я вам напрокучила!
 Награди, родимый батюшка,
 Ты меня благословеньцом!

В это время отец, подойдя к дочери, расплетает немного косы; потом, причитая то же самое, обращаются к матери, братьям и сестрам. Каждый, подобно отцу, подошед к невесте, делает то же; остальную часть косы расплетают девушки, припевая между тем:

Приступите-ка, подруженьки,
 Что ко девьей красоте моей;
 Расплетите-ка, голубушки,
 Что мою ли трубчату косу.
 Расчешите-ка, подруженьки,
 Что мои-то русы волосы.
 Поведите-ка, голубушки,
 Вы меня во светлу парушу.
 Вы там смойте-ка, подруженьки,
 Что мою ли девью красоту!

По окончании этого берут невесту под руки, накрывают платком и отправляются в баню; вперёд и обратно идут с песнями и причитаниями. В бане поют:

Потрудитесь-ко, подруженьки,
 На роду-то ли не впервые,
 А в девьей красоте в последние.
 Уж вы смойте-ка, подруженьки,
 Что мою ли девью красоту,
 Со моего тела белого.
 Как моя-то девья красота
 Улетит она в чисто поле,
 Что привьется девья красота
 Что на кустичек малиновый.
 Вы пойдите в чисто поле,
 Принесите мою красоту
 Ко родимому ко батюшке!

Возвратясь из бани, готовят невесту к принятию жениха, который вечером должен быть на девичнике со всеми родными и приглашёнными со стороны его знакомыми, дружкой, тысяцким и поезжанами. Когда жених приедет со всем поездом, то его встречают отец и мать невесты со своими гостями, а девушки в это время поют:

47

У ворот было, у воротичек,
 У ворот было, у стекольчатых.
 У вита кольца серебряна.
 Тут стучит, брячит Агафон сударь,
 Что стучит, брячит-то Иванович;
 Он стучит, брячит со боярами,
 Со боярами, со княжими-то:
 Отпирай-ко ты, тесть, воротички,
 Ты встречай-ко, теща, ласково,
 Ты, своячина, встречай приветливо,
 По двору идет — поклоняется,
 На крыльцо идет — усмехается,
 Во терем идет — похваляется:

Я приехал к вам не молебны петь.
Я пришел-то к вам не воды святить;
Я приехал к вам по сужено,
Я пришел-то к вам по ряжено;
По душу ль, по красно девицу,
По Авдотью-то Николаевну.

Войдя в комнату, молятся богу и садятся по местам, жених в передний угол, под божницею¹, за убранный стол с хлебом и солью и закусками. Невеста в это время находится в другой комнате или в кути. Девушки поют:

48

Не стой, рябина, по край берегу,
Не мочи ветви во быстру реку;
Не летай, соловей, один в саду.
Много со мной гусей, лебедей,
Больше того серых уток;
Нет лишь со мной перепелки одной.
Не сиди, Андреян, один за столом,
Не сиди один за белодубовым.
Много со мной князей и бояр,
Больше того княжнецких детей;
Нет со мной Катерины одной,
Нет со мной Севастьяновны.

В эту минуту вводят невесту; жених берёт её за руку и, поцеловав, сажает подле себя. Девушки поют:

49

Ах ты, реченька,
Ах ты, быстрая!
Ах, почто же ты, реченька,

---

¹ Полка в переднем углу, на которую ставятся иконы.

Ах, почто не быстро бежишь,
Никуда не колыхнешься,
Ни к которому бережку,
Ни к которой сторонушке?
Ах ты, девица, девица!
Ах ты, девица красная!
Ах, почто же ты, девица,
Ах, почто же ты тихо сидишь,
Не промолвишь словечушка,
Ни с отцом ты, ни с матерью,
Ни с сестрами, ни с братьями,
Ни с своим милым суженым,
Ни с своим другом ряженым?
Разве все напрокучили?
Разве все опротивели?

Невеста, вызванная на ответ, стыдливо взглядывает на жениха, и в доказательство, что не все опротивели, целует его, а девушки начинают петь:

50

Как во каменной во палате,
На тесовой да на кровати,
Что не голубь со голубушкой воркует:
Андреян тут Катеринушку целует,
Как Васильич свет Иванову милует.
Принеси-ка, Катеринушка, мне сына,
Что при младости на потеху,
А при старости на замену.

Затем поются песни невесте, жениху, обоим вместе, тысяцкому, свахам, поезжанам и другим присутствующим гостям.

Невесте

Ах ты, злая наша изменница,
Зла изменница, красна девица!
Ты сказала нам, что замуж нейдешь,
Ни за князя, ни за боярина,
Ни за гостя купца торгового.
А теперь-то, наша подруженька,
Ты пошла замуж, задумала,
За удалова, добра молодца
За Михайла, свет Васильича.
Не сама собой я замуж пошла;
Отдает меня сударь батюшка,
Приневоливает родна матушка,
Потакают люди добрые.

Вы красуйтесь, красны девицы,
Во своей-то девьей красоте;
Уж как я открасовалася,
Не плести уж мне русой косы,
Не носить мне алой ленточки!

Жениху

Ах ты, царь ли наш, царевич!
Ты король наш, королевич!
Разудалый, добрый молодец,
Андреян, сударь Васильевич!
Ты умел хорош родиться
И богато снарядиться!
Поносила тебя матушка
Во утробе девять месяцев,
Тяжелым-тяжелешенько;
Во десятый-то породила,

Во христовскую заутреню,
Как во первый большой благовест.
Обмывала тебя бабушка
Ключевой водой студеною;
Пеленала тебя бабушка
Во пеленочки полотняны;
Во свивальнички шелковые.
Сберегала тебя матушка
И от ветра и от вихоря
И от божьей тебя милости;
Не могла она сберечь тебя
Лишь от ясных, от девичьих глаз.

53

Жениху и невесте

Во саду было, во садичке,
Во зеленом виноградничке;
Тут ходил, гулял молодец,
Андреян сударь, Васильевич.
Он чесал ли буйну голову,
Чесал кудри, приговаривал:
Ах вы, кудри, мои кудерцы,
Ах вы, кудри, мои черные,
Прилегайте к могучим плечам,
Ко моему лицу белому,
Ко моему, ко румяному.
Привыкай-ка, красна девица,
Катерина Севастьяновна,
Ко моему уму-разуму,
Ко обычью молодецкому
И ко нраву княженецкому.
Уж как мне-то, красной девице,
За досаду показалось;
Привыкать мне не хотелось.
А уж, знать-то, привыкать будет,

Слеси, гордости, убавити,
Ума-разума прибавити!
Голову держать поклонную,
Ретиво сердце покорное!

54

Ах ты, Дымка, Дымка река!
Промежду, Дымка, гор протекла.
Через Дымку, быструю реку
Мощены мосты калиновые,
Перекладинки то валежные.
Что никто по мостам нейдет,
По калиновым не перейдет.
Как Иван по мостам пройдет,
Как Михайлович-то перейдет,
За собою он Аксинью ведет
Николаевну переведет.
Сам он девушке наказывает:
Ты, Аксиньюшка, не упади,
Николаевна, не утони.
Я хоша, сударь, упаду,
Хоша упаду, не утону:
Не схватаюсь я за батюшка;
За родиму свою матушку —
За тебя, сударь, схватаюся,
За твои-то руки белые,
За твои перстни злаченные.

После этого одна из девушек, налив рюмку вина, подносит жениху, другие поют:

55

Удивися ты, Дементий, удивися,
Удивися ты, Васильич, удивися:
Под тобою все ларцы кованые, кованые;

На ларцах ковры шелковые, шелковые.
Во ларцах казна золотая, золотая.
Золотая казна тебе на свадьбу, на свадьбу;
А серебряна ведь девицам, ведь девицам.
А копеечки-то в богадельню, в богадельню.

Жених, выпив рюмку, кладёт на поднос деньги. Затем припевают песни свахам, тысяцкому, дружке, поезжанам и гостям, как на смотре, и те же самые, и, поднося вино, получают подарки. По окончании вечера жених отправляется домой с той же, как и на смотре, церемонией, то есть трижды прощается с невестою. В день свадьбы, одевая невесту к венцу, поют:

56

Что не вьюн на воде увивается,
Как жених у ворот убивается,
Ах ты, батюшка, тесть мой ласковый,
Ты отдай мое суженое.
Высылают ему копье.
Не мое это суженое,
Не мое это ряженое.
Что не вьюн на воде увивается,
Как жених у ворот убивается.
Ах ты, матушка, теща ласкова,
Теща ласкова, приветливая,
Ты отдай мое суженое,
Мое суженое, ряженое.
Высылают ему ларец.
Не мое это суженое,
Не мое это ряженое.
Что не вьюн на воде увивается,
Как жених у ворот убивается.
Ах ты, шурик мой, шурик мой ласковый,
Ты отдай мое суженое,
Мое суженое, ряженое.

Высылают ему девицу,
Что Ульяну Сергеевну:
Вот мое это суженое,
Мое суженое, ряженое.

Когда невеста оденется к венцу, собираются в комнату родители, братья, сёстры и приглашённые на свадьбу родственники и знакомые. Она падает в ноги отцу и матери, испрашивая благословения их, потом прощается со всеми. В это время плачут навзрыд, а между тем припевают:

57

Благослови-ко, родимый батюшка!
Награди меня благословеньцем,
От желаного сердечушка,
Во божью церковь, под злат венец!
Видно, я у вас открасовалася!
Распрощаюсь я с девьей красотой
И с любезными подружками!
Научи-ко, родной батюшка,
Как то жить мне во чужих людях?
Называть ли мне свекра батюшкой?
Почитать ли свекровь матушкой?
Называть деверьев братьями?
Почитать золовок сестрами?

Отец, оградив дочь знамением креста, целует её, потом девушки обращаются к матери, братьям и сёстрам с тою же песнею. Когда же невеста станет прощаться с девицами, то они поют:

58

Вы простите меня, мой подруженьки,
Вы простите меня, мои голубушки!
Видно, с вами я открасовалася!
Поручаю вам девью красоту;
Принуждают меня с ней расстатися,

Заставляют меня отказатися:
Уж мне чем платить, голубушки,
За труды ваши, за усердие?
Не в моей воле золота казна,
Не в моей воле дороги дары.

По окончании этого обряда невесту сажают за стол, а подле нее мальчика из братьев или родственников, который продаёт косу. Он держит в руках под столом плеть; у поселян сажают взрослого. Продающий косу называется косником. В доме жениха происходит между тем следующее.

Когда все усядутся по местам, дружка говорит: «Батюшка родимый! матушка родима! умели вы своего чада мила хороша породить, вздумали поженить: благословляйте буйну голову чесать, чёрны кудри завивать, цветно платье надевать; станем к нему княженецкий полк подбирать: кому быть тысяцким? боярином большим, средним и меньшим? вежливым человеком? дружке с полудружьем, княжой свашеньке?» «Бог благословит», — отвечают отец и мать.

После этого жениха выводят из-за стола, и он начинает потчевать вином; дружка наговаривает: «Бьёт челом наш князь молодой, с княжева стола, княжим мёдом! Тысяцки надвещают; больши бояре на ногах стоят, а мы, резвы дружки, во светлой светлице похаживаем; ножки с подходом, ручки с подносом, язык с приговором, сердце покорно, а голова наклонна. Извольте горнц принять, из горнца мёд выкушать; пить до дна, а молить добра; буйну голову взвеселите, ретиво сердце обкатите, не будьте кручинны, а будьте радощны, от нашего князя молодого ласковым словом потешны!»

Дружка приговаривает это до тех пор, пока жених не употчевает вином всех; после того требует себе приглашённого заранее на этот случай полудружья, говоря: «Батюшка родимый! матушка родима! Все у нашего князя молодого князья, бояре, веселы и радощны по местам сидят; только не весел, не радощен храбрый друженька: нет у него полудружья! Дайте ж мне из лучших лучшего, из всего княженецкого храброго полку и поезду полудружья!» (назовёт его взвличает).

После этого дружка с полудружьем отправляются верхом на лошадях попроведать невесту. Подъехав к

избе, дружка стучит в красное окно плетью, творя громко молитву. «Господи, Иисусе христе и сыне божий, помилуй нас!» Ему отдают из избы аминь. Дружка говорит: «Спасибо на аминь; аминь нас спасёт, аминь помилует! мы ездим не оханьщики, не обманщики, не московски рассказчики, не морски рыболовщики, не грозны гонцы, а ездим скоры послы от нашего князя молодова, с добрыми вестьми, с хорошими речьми! Наш князь молодой стоит на пути на дороге, на доброй квартире: с места не шевелится!»

Отъезжают от окна, сходят с лошадей и, привязав поводья к кольцам, всегда вколачиваемым на верях ворот, идут в сени. У дверей избы дружка говорит: «Господи Иисусе христе, сыне божий, помилуй нас!» Ему отдают аминь. Дружка отвечает: «Спасибо на аминь: аминь нас спасет, аминь нас помилует! Есть ли у вашего здоровья у дверей придверники, чашники, ложники, блюдники, рядники, скоры поспешники? Если нет у вашего здоровья у дверей придверников, чашников, ложников, блюдников, рядников, скорых поспешников, — благословляйте нас, переезжих, храбрых дружек («Господь благословит», — отвечают из избы), за реберчату¹ скобу взяти, двери на пяту отворити, первый жар пропустити».

Дружка с полудружьем, перекрестясь, входят в избе, ступая через порог правую ногою, говоря: «Скок! Через порог едва ноги переволок дружка с полудружьем; чирок да луток, мохнатый зверь на богатый двор!» Помолясь богу, дружка, обратившись к отцу и матери невесты, говорит: «Богоданный батюшка! богоданная матушка! благословляйте нас, переезжих храбрых друженек, за белодубову скамью переступити, стакан мёду налити, по светлой грядне походити (наливает стакан пива и, опрокинув на ладонь вверх дном, подносит невесте) — в куть за занавесу до кручинной красной девицы сходити. Вот! сказали, что наша невеста крива и слепа! А хорошо видит, далеко смотрит!» Невеста, оборачивая руку дружки, берет стакан и, выпив, отдаёт обратно; дружка, принимая, говорит: «Вашим добром, да вам же и челом! Жив и здоров наш князь молодой; велел вашему здоровью челом ударить и челобитье справить!» Потом

---

¹ Витую.

отправляются к жениху, где дружка, входя с молитвою, говорит: «Наша княгиня молода жива и здорова; веле-ла вашему здоровью челом ударить, челобитье спра-вить». Садятся за стол и по лавкам; немного погодя встают и молятся богу, дружка говорит: «Господи, Иисусе христе, сыне божий, помилуй нас! Батюшка родимый! Матушка родима! благословляйте нашего князя молодого по сужено ехать, сужено понять, под злат венец стать, закон божий принять, златым перст-нем поменяться и во уста сахарные поцеловаться! Братья, сёстры, дядья, тётки, кум, кума, весь род-пле-мя, гости званы и незваны, почтены и богом сполубов-ны! Во всю светлую светлицу, светлую гридню! Благо-словляйте нашего князя молодого по сужено ехать, сужено понять, под злат венец стать, закон божий при-нять, златым перстнем поменяться, в уста сахарные по-целоваться. В куть по лавице, вперёд по скаменце, за берчатой занавесью сидят певцы, певицы, молодые мо-лодицы, красные девицы, пирожные мастерицы, дочери отецки, жёны молодецки, лебеди белы, малины зрелы, изюмные ягодки, наливные яблочки! В кути, на пола-тях сидят стары, старики сапаты, горбаты, косые запла-ты, старые старухи килваты, маленьки ребята — пи-рожные осадчики, материны опачки, урви-ковригу! Сами здогадайтесь!» Родители благословляют жениха ехать за невестой.

Между тем сваха женихова отправляется прежде к невесте с тысячком, но большею частью вместе со всем поездом. Когда сваха войдет в избу, девушки поют:

59

Я не знала, не ведала,
Ко мне сваха приехала;
Молода и домливая,
И горда и спесивая.
Не ступя, она ступила,
Не молвя, слово молвила.
А хоша она ступила
— По атласу, по бархату;
А хоша она молвила
— Все с князьями, с боярами,

До со мной с красной девицей.
Снаряжайся ты, умница,
Снаряжайся, разумница!
Мне куда снаряжатися?
Мне куда собиратися?
От родного батюшки,
От родимыя матушки,
От родных братцов, сестриц?
От всего роду-племени?
Ко чужому отцу, матери,
Ко чужим братцам, сестрицам,
Ко чужому роду-племени.

Когда поезд приедет к дому невесты, дружка у красного окна стучит плетью, говоря: «Господи, Иисусе христе, сыне божий, помилуй нас!» Из избы отдают аминь. Дружка продолжает: «Спасибо на аминь, аминь нас спасёт, аминь помилует! Мы ездим не охальщики, не обманщики, не московски рассказчики, не морски рыболовщики, не грозны гонцы, а ездим скоры послы с добрыми вестьми, с хорошими речьми от нашего князя молодого. Дайте нашему князю молодому двор широкий на приезд, новы сени на приход; прибыл наш князь молодой, к вам на широкий двор». Заезжают во двор и выходят из экипажей, а дружка снова подъезжает к окну, требуя караульного, следующим образом: «Господи, Иисусе христе, сыне божий, помилуй нас! Просим нашего повозничка сменить, а своего посадить». После этого, привязав к кольцу лошадь, идёт впереди всех в сени и, остановясь у дверей комнаты, стучит в них плетью, творя ту же, как и прежде, молитву. Когда отдадут аминь, дружка говорит: «Спасибо на аминь; аминь нас спасёт, нас помилует! Есть ли у вашего здоровья у дверей придверники, блюдники, рядники, скоры поспешники? Если нет у вашего здоровья у дверей придверников, чашников, ложников, блюдников, рядников, скорых поспешников, благословляйте («господь благословит», — отвечают из избы), за рсберчату скобу взяти, двери на пята отворити, первый жар пропустити». Отворяя дверь, говорит: «Скок! через порог едва ноги переволок! Дружка с полудружеством; чирок да луток, мохнатый зверь на богатый двор; прибежал соболь к кунице, а приехал удалый мо-

лодец к красной девице!» Потом молятся богу. Между тем как дружка приедет с поездом на двор и выполняет описываемый обряд, девушки поют следующие песни:

60

Дружке

Воротички скрып, скрып,
— Мороз на дворе.
Ай! друженька скачет
Без коня!

Здрав бы был у дружки
Князь молодой,
Будет у друженьки
Конь вороной.

Воротички скрып, скрып,
— Мороз на дворе.
Ай! друженька скачет
Без седла!

Здрав бы был у дружки
Князь молодой,
Будет у друженьки
Черкасско седло.

Воротички скрып, скрып,
— Мороз на дворе.
Ай! друженька скачет
Без узды.

Здрав бы был у дружки
Князь молодой,
Будет у друженьки
Тесьмяна узда.

Воротички скрип, скрип,
— Мороз на дворе.
Ай! друженька скачет
Без плети.

Здрав бы был у дружки
Князь молодой,
Будет у друженьки
Шелковая плеть.

61

Всему поезду

Ах вы все ли бояре?
Ах вы все ли княжие?
Вы садитесь, бояре, по местам;
Как большой-то боярин повыше,
Что меньшей-то боярин пониже,
Княжа свашенька в свое место,
Большой друженька на ногах стой,
Что полудружьё помогати.

Когда дружка с поездом войдет в комнату, тогда, со-творив молитву, обращается к отцу и матери невесты, говоря: «Богоданный батюшка! богоданная матушка! Дали вы нашему князю молодому двор широкий на приезд, новы сени на приход, светлу гридню на обогрев: дайте ж нашему князю молодому и княжое место, где княжо место ведётся — в переднем углу, под святыми иконами. Да нет ли в княжом месте поместников?» «Есть видно», — отвечает шутливо отец невесты. Дружка, налив стакан или рюмку вина, сыплет, бренча, на поднос деньги, и, подавая коснику, просит выпить. Косник, не отвечая ничего, грозит плетью, и дружка снова сыплет деньги, что повторяется несколько раз или до тех пор, пока не будет положено достаточно. Косник, принимая поднос, прежде всего должен ссыпать с него деньги, а потом выпить вино, в противном случае он лишается и денег и места; ко-

нечно, первого никогда не бывает. Когда коса у невесты таким образом будет куплена и косник выйдет из-за стола, вместе с девушками, подругами невесты, которым так же, как и коснику, дружка подносит вино или наливку, положив на поднос мыло, калачи, деньги и какие-либо по состоянию жениха подарки, тогда сваха, расплетя косу, садится с женихом подле невесты. В это время поют:

62

Ты коса ли, моя косанька!
Ты коса ли, моя русая!
Что чесала тебя родна матушка,
Что плетала тебя родна сестрица:
Уж как ныне тебя, косанька,
Знать-то, больше не плетать будет;
Алой ленточки не нашивать!
Расстаюсь с тобой, косанька,
И со девьей красотой своей.
Расплетут тебя, руса коса,
Что на мелкие на прядочки!

Дружка, усадив весь поезд, говорит: «Батюшка родимой! матушка родима! чьи дары передом пойдут? Ваши или наши?» Затем, налив женихово вино в рюмки и положив подарки на поднос, подаёт сначала отцу невесты, а потом матери. Обращаясь к ним, дружка спрашивает их: «Богоданные батюшка и матушка, кто у вас по роду ближе?» Вместо ответа отец и мать невесты подводят ближних родственников, которые бы могли пользоваться подарками. После даров потчуют вином. В это время весь поезд стоит на ногах; по угощении же дружка повелевает ему словом: «Садитесь!»

Когда сядут по местам, дружка говорит: «Богоданные батюшка и матушка, благословляйте скатерти раскинуть, ложки приласкать перед князя и княгиню молодых, перед тысяцкого, боярина большого, среднего и меньшего, перед дружку с полудружьем, перед княжью и княгинину свашинек». Потом, приступая к поставленному на стол пирогу и калачу, дружка продолжает: «Господи, Иисусе христе, сыне божий, помилуй нас! богоданные батюшка и матушка! благословляйте бел кру-

пичатый калач рушать, укроша да кушать». В это время отец и мать невесты подносят поезжанам вино, а дружка говорит: «Благословляйте рушану да кушану хлеб-соль со стола унести, а не рушану, не кушану на стол принести». По окончании закуски невесту выводят из-за стола, а дружка, творя молитву, обращается к отцу и матери невесты: «Батюшка и матушка! благословляйте нашего князя и с княгинею молодой, со всем дорогим честным полком и поездом из-за дубова стола переступить, на кирпичат пол стати, к образам лицом поворотиться, господу богу и святым угодникам помолиться, а за хлеб за соль челом ударить». Делают три поклона. После чего девушки поют:

63

Шла наша Устинья из-за дубова стола,
Бросила ключи на дубовый стол;
Я тебе, батюшка, не ключница,
Я тебе, матушка, не ларочница:
Ключница я чужу батюшке,
Ларочница я чужой матушке.

Отец и мать благословляют жениха и дочь образом, хлебом и солью, а дружка приговаривает почти то же самое, что и при отправлении жениха к невесте. Между тем девушки поют:

64

Что не стук-то стучит во тереме,
Что не гром-то гремит во высоком,
Молится богу красна девица;
Благословляет ее сударь батюшка,
Во божью церковь под злат венец,
Благословляет и наказывает:
Ты живи-ко, мое дитятко,
Во чужих людях смиреншенько;
Голову держи поклонную,
Ретиво сердце покорное.
Повинуйся свекру-батюшке,
Почитай ты свекровь-матушку.

Ах вы, комони, комони,
 Комони, кони добры.
 Знать слышали комони
 Что невзгоду великую:
 Из Дуная воды не пили,
 Из тихова не кушали.
 По Дунаю насад плывет,
 По тихому ветляньенькой;
 Подле берег колымагу несет,
 Подле крутой багрецовую.
 Во насаде Андрей сидит,
 Что Андрей свет, Николаевич;
 В колымаге красна девица,
 Что Надежда Терентьевна...

Отставала лебедь белая,
 Что от стада лебединова;
 Приставала лебедушка
 Что ко стаду ко серых гусей,
 Уж как стали гуси серые
 Что лебедушку щипати,
 А лебедушка кикати:
 Ах вы, гуси, гуси серые!
 Не щиплите мои перышки!
 Не сама я к вам залетела,
 Не своей волей охотою:
 Занесли-то ветры буйные,
 Забросили вихри бурные!
 Отставала красна девица
 Прочь от батюшки от матушки,
 От своих братьев и сестриц;
 Приставала красна девица,

Катерина свет Михайловна,
Приставала ко чужой семье,
Ко чужой семье, незнаемой.
Ее стали там журить, бранить,
Ее стали там уму учить.
Не журите меня, девицу,
Не браните меня, красную:
Не сама собой я к вам зашла,
Не своей волей охотою;
Занесли меня добры кони,
Что добры кони Терентьевны!

С этой песней провожают невесту до повозок. Она, покрытая фатою или платком, садится со свахою, тысяцкий — с одним из поезжан, имея в руках образ. Между тем дружка, отвечающий за благополучное окончание свадьбы, ограждает поезд от колдунов, недобрых знахарей и волхитов, для чего он берёт восковую свечу, обходит кругом около всего поезда, хлопывая бичом и наговаривая про себя: «Встану я, раб божий (имя), благословясь, пойду перекрестясь; умоюсь студенной ключевой водою, утрюсь тонким полотенцем; оболочусь я оболачами, подпояшусь красною зарею, огорожусь светлым месяцем, обычусь частыми звёздами и освечусь я красным солнышком. Огражу вокруг меня (имя) и дружины моей с ослятами тын железный, почву укладну (уклад-сталь), небо булатно, чтоб никто не мог прострелить его, от востока до запада, от севера на лето (юг), ни еретик, ни еретица, ни колдун, ни колдуница, годный и негодный, кто на белом свете хлеб есть. Голова моя — коробя, язык мой — замок». Потом молитву «Да воскреснет бог» и некоторые другие, что продолжает до трёх раз; от свечи же, отделив небольшие кусочки воску, налепляет поезжанам на кресты, а лошадям в гривы.

В то же время девушки поют:

67

Ты постой, постой, добрый конь,
Ты у батюшкина широка двора,

У матушкина высока терема,
У братцева у красна крыльца,
У сестрицына у кутна окна.
Ах ты, дай-ко мне наглядеться:
Мне на батюшкин на широкий двор,
Мне на матушкин на высок терем,
Мне на братцово на красно крыльцо,
На сестрицыно на кутно окно.
Увезут меня горьку, бедную,
Далеким-то далекошенько,
На чужую дальну сторонушку!
Ах ты, красное мое солнышко,
Ты родимый мой, сударь батюшка!
Незакатная, непомерклая,
Ах ты, светлая моя звездочка,
Ты родимая моя матушка!
Как занялись твои ручки белые
Расплести мою трубочату косу,
Потерять мою алу ленточку!

Потом:

68

Рядом, рядом бояре ехали,
У рябины веточку сломили,
Коню под копыты бросили;
Топчи, топчи, добрый конь, веточку,
Стой ты, рябинушка, без верху;
Живи, живи, батюшка, без дочери,
Без любимые дочери Аннушки!

Дружка, усадив всех и установя порядок поезда, садится на лошадь и приказывает отправляться. Впереди всех едет тысяцкий с образом, потом жених и невеста с своими свахами, за ними родственники с обеих сторон; в заключение поезжане верхами. Когда поезд тронется с места, девушки, провожая невесту, поют:

310

Вы метитесь, улицы,
 Становитесь города,
 Города с пригородками,
 Терема с притеремками,
 Вы несите, кони добрые,
 Красну девицу в божью церковь,
 Во божью церковь под злат венец.

Все едут с открытыми головами, если церковь близко; в противном случае, выехав за селение, закрывают образ и надевают шапки, не переставая петь приличные случаю песни. Между тем дружка увивается около поезда, скачет взад и вперёд, стреляя из пистолета, иногда из ружья; то же делают и некоторые поезжане. Как свадьбы большею частью бывают осенью, перед Филипповым постом, или зимою, после рождества, когда крестьяне имеют более свободного времени, свадебный поезд бывает многочислен; тем более, что в нём участвуют не только приглашённые, но и все, у кого есть досужное время и хорошая лошадь; кто хочет и людей посмотреть и себя показать. Такой поезд в ясный зимний вечер вызывает всё народонаселение на улицу, где проезжает свадьба. Долго прислушиваются к смешанному гулу песен, стрельбы, колокольчиков, брякунцов и ширкунчиков¹, украшающих сбрую лошадей. Поезжане, проводив свадьбу до расстаней², возвращаются домой, если церковь находится не близко. Кстати заметим здесь, что в южной Сибири есть такие приходы, поперечник пространства которых занимает иногда до ста пятидесяти вёрст. По совершении бракосочетания жених и невеста кланяются три раза в землю и, поцело-

---

¹ Брякунец — медная круглая или четырёхугольная бляха с кольцом, прикрепляемая на верхней части хомута; во время езды кольцо, падая на бляху, производит звук; ширкунчик — пустой медный шарик с дробью, привязываемый к сбруе лошади.

² Расстани — место за городом, селом, до которого провожают кого-либо — расстаются; также перекрёстки на улицах.

вав друг друга, отправляются домой, называясь с этого времени новобрачными. За воротами встречают их песней:

70

Ах вы, соколы, соколы,
Соколы перелетные!
Вы куда, соколы, летали?
Вы чего, соколы, видели?
Уж летали, соколы,
Как со моря-то на море;
Уж мы видели, соколы,
Что белу лебедь на заводе.
Вы к чему ее не поймали?
Мы хоша ее не поймали
— Сизы перышки повыщипали.
Ах вы, бояре, бояре,
Вы, бояре переезжие,
Вы куда, бояре, ездили?
Вы чего, бояре, видели?
Ах мы видели, бояре,
— Красну девицу в высоком терему.
Вы к чему ее не привезли?
Мы хотя ее не привезли
— Мы русую косу расплели,
Горючие слезы пролили.

Дружка, прискакав прежде новобрачных, подъезжает к окну и, стуча плетью, говорит: «Господи, Иисусе христе, сыне божий, помилуйте нас! Батюшка родимый, матушка родима! Прибыл ваш новобрачный князь с княгиней молодой и со всем дорогим, честным полком поездом к вам, на широкий двор!» Потом, сойдя с лошади, высаживает молодых из экипажа и ведёт к крыльцу, на которое выходят отец и мать с образом, хлебом и солью, где и благословляют, угощая свах и всех гостей вином; целуют новобрачных. В это время женихова и невестина свахи, стоя друг против друга, с рюмками в руках, заводят какой-нибудь шуточный

разговор, во время которого стараются обратить внимание друг друга на что-нибудь, например, одна, сказав: «Гляди-ко ты, лихотка, что с тысяцким-то деется!», отливает из своей рюмки другой вино, когда та заглядится в сторону; но дружка восстанавливает между ними порядок, размерив между свахами расстояние рукояткою плети. Когда они выпьют вино, то целуются. Затем по угощении всего поезда входят в комнату и, помолвившись богу, садятся за стол. Свахи, закрыв невесту со всех сторон платками или чем-нибудь, начинают окручать её, т. е. плетут две косы и, окрутив вокруг головы, надевают шамшуру (кокошник) и повязывают платком. В это время поют:

71

Семена ли, мои семена,
Семена мои сахарные!
Вас немного было сеяно —
Уж как много уродилось,
Три раздолья, три широкие!
Ты коса ли, моя косанька!
Как доселева-то косаньку
Заплетала родна матушка,
Что мелким она, мелкошенько.
А теперь мою русу косу
Расплетают ее на двое;
Обвивают вокруг буйной главы;
Надевают схиму черную!
Мне не снять ее, не сбросити,
Что от младости до старости,
До седого, бела волоса.
Как доселе схима черная
По дворам она валялася,
По подлавечью таскалася;
А теперь-то схима черная
Она мне-то пригодилася,
На мою буйну головушку!

Также:

72

Ты коса ли, моя косанька!
Ты коса ли, девья косанька,
Меня красила ты, косанька,
В ясный день перед солнышком;
Темной ночью перед месяцем.
Ах ты грела, девья красота,
Среди зимы студеные
В морозы во крещенские!

Между тем дружка, сотворив молитву, говорит: «Батюшка родимый, матушка родима! Благословляйте нашу княгиню молодую снарядить, оболочи (облечь, одеть), белу кикиболку (кокошник) наложить, в нову спальню спать положить». Потом обращается с этими же словами ко всем присутствующим в комнате, подобно тому, как и во время благословенья жениха родителями перед отъездом в церковь. После окрочения обедают, а неприглашённые к тому гости и девушки, подруги молодой, идут домой. После обеда тысяцкий отпирает комнату; новобрачных раздевают и ведут на подклет, поставя там вина и закуску. Потом, заперев на замок дверь, возвращаются продолжать пирушку. Через несколько часов, а иногда на другой день поутру, подняв молодых, выводят к гостям. Все поздравляют их, целуясь; пьют за здоровье их, поют, веселятся всю ночь; особенно если новобрачная окажется достойной такой радости. Молодая у крестьян выходит в одной рубашке и угощает гостей вином. Если молодых кладут в подклет на время, то свахи, после поднятия с подклета, сняв с молодой рубашку, привозят её немедленно с тысяцким и некоторым из поезжан к отцу и матери, благодарят за воспитание дочери и просят к столу; в противном случае эта церемония делается поутру. На другой день молодые посещают родственников и знакомых, после того отправляются к тестю на блины; то есть к столу, к которому приглашаются все родные и почётные лица из знакомых; потом поочерёдно отводят вечерние столы, если имеют возможность к тому. Тысяцкий и поезжане угощаются женихом после первого стола <...>

ПИСЬМА

Проведя юность в Западной Сибири, моей родине, я сохранил в памяти те явления ее жизни, которым способнее был сочувствовать.

С. И. Гуляев

1. С. И. ГУЛЯЕВ — Ф. В. ЧИЖОВУ

Федор Васильевич Чижов (1811—1877), математик, общественный деятель, публицист, искусствовед, писатель-славянофил. Закончил физико-математический факультет Петербургского университета, а затем читал лекционные курсы по высшей математике, имел серьезные научные труды, в том числе о паровых машинах. В начале 40-х годов Чижов, увлекшись литературой и искусством, оставил университет и совершил несколько заграничных путешествий с целью изучения европейского искусства и истории славянских народов. В 1848 г. был арестован по подозрению в связях с Кирилло-Мефодиевским обществом, но вскоре был отпущен. Входил в Московский кружок славянофилов, дружил с Н. М. Языковым, А. С. Хомяковым, братьями Аксаковыми, Киреевскими, М. П. Погодиным. Издавал журнал «Вестник промышленности».

1858 г.

Милостивый Государь Федор Васильевич!

Имею честь уведомить Вас о получении письма от 11 июня, долгом считаю благодарить за внимание к статье моей о Ползунове¹. К сожалению, она не заключает в себе той полноты, какую хотел бы в ней видеть, и составлена из находившихся у меня под рукою только сведений, по вызову Измаила Ивановича Срезневского; поводом же к тому было выраженное однажды сомнение в постройке у нас, до Ватта еще, паровой машины неизвестным в ученом мире механиком. Желая почтить память нашего соотечественника, я принял намерение собрать о нем что было можно и, к счастью, отыскал в архивах всю переписку о машине Ползунова, чертеж ее, с которого снята уже копия, и получил, кроме того, некоторые материалы от брата моего Василия Ивановича Гуляева из Локтевского завода (в Алтайском округе). Из этих данных видно, что Ползунов мог получить идею о машине из сочинения действительного статского советника Шлаттера о горном деле, но изобретение механизма было совершенно новое; что модель машины прислана была, после смерти Ползунова, Адаму Васильевичу Олсуфьеву² и отправле-

на 17 июля 1768 г. в Академию Наук «для причисления к хранящимся в оной таковым же любопытства и некоторого примечания достойным вещам; паче же яко опыт природные народу Российскому остроты». (Так сказано было в бумаге). Отыскать модель я еще не успел. Если бы Измаил Иванович, который находится в Москве и адрес которого я не знаю, отрекомендовал меня хранителю Музея Академического, то я постарался бы открыть что нужно. В бумагах, теперь у меня находящихся, есть подробный журнал, веденный при испытании действия машины Ползунова и рассуждение его о свойствах воды, воздуха, паров и теплорода; способ определения движущей силы, количество употребленных на постройку материалов и ценность их. Предполагая заняться приготовлением подробной биографии и полной, сколько позволят обстоятельства, статьи о Ползунове, покорнейше прошу Вас уведомить меня: признаете ли Вы нужным поместить в статье все эти сведения, и, главнейше, взгляд механика на свойства воды, воздуха, и проч.; журнал, чертеж (весьма интересный по отчетливости отделки) и другие подробности? Кроме этого у меня приготовлена статья об Алтайском горном округе, заключающая краткую историю этого края, географическое положение, описание произведения земли, промышленности, нравы и обычаи жителей, их обязанности и проч. Угодно ли будет Вам со временем поместить эту статью в Вашем журнале? Краткий очерк Кольвано-Воскресенских заводов (то же, что и Алтайские) напечатан в 1852 г. в «Archiv für Wissenschaften kunde von Russland» Эрмана³.

Имею честь быть всегда с глубоким уважением и преданностью

Вашим покорнейшим слугою

Степан Гуляев.

Автограф. РО ГБЛ, ф. 332, картон 22, д. 28, л. 1—2 об.

---

¹ Статья С. И. Гуляева «Механик Ползунов» была напечатана в № 1 журнала «Вестник промышленности» за 1858 год.

² А. В. Олсуфьев (1721—1784), статс-секретарь Екатерины II, писатель.

³ Г. А. Эрман (1806—1877), немецкий физик и путешественник, профессор Берлинского университета, издатель периодического журнала.

2. С. И. ГУЛЯЕВ — И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ

Измаил Иванович Срезневский (1812—1880), русский филолог, палеограф, этнограф. С 1848 г. — профессор Петербургского университета, академик. Среди учеников Срезневского были известные впоследствии ученые: Н. С. Тихонравов, А. Н. Пытин, Л. Н. Майков, а его студентами были Чернышевский и Добролюбов, сохранившие с ним дружеские отношения.

Знакомство Гуляева со Срезневским произошло, видимо, в конце 40-х—начале 50-х годов XIX в. и перешло вскоре в долготлетнюю дружбу. Степан Иванович посещает знаменитые «субботы» Срезневского, ставшие известным ученым и литературным салоном столицы. После переезда в 1859 г. в Барнаул Гуляев переписывался со Срезневским, а во время командировок в Петербург обязательно посещал его дом.

Барнаул, 1860 г.

*Его Превосходительству
Измаилу Ивановичу Срезневскому*

В половине декабря 1859 г. я отправился из Барнаула в Сузунский медеплавильный завод (за 125 верст), взглянуть на тамошнюю Никольскую ярмарку и собрать некоторые сведения о торговле и промышленности местного народонаселения. Зная же, что в здешнем крае у многих грамотных людей, особенно крестьян, придерживающихся в делах веры дедовских обычаев, найдутся старинные книги и рукописи, я надеялся отыскать что-нибудь и надежда меня не обманула. Много помог мне в этом ехавший со мною в Сузунский же завод повидаться с домашними даровитый механик — самоучка И. В. Максимов, устроивший в Барнауле рудную толчею и лесопильню. Остановившись у него в доме, я, при участии г. Максимова, купил на другой же день у отставного заводского переплетчика Соболева замечательную по содержанию рукописную книгу, а на обратном пути получил в деревне Городищи рукописный же сборник. Соболев, как узнал я, предлагал свою книгу каким-то приехавшим на ярмарку купцам или крестьянам, которым, на мое счастье, было некогда: сводили за чаем торговые счета. Приобретение сборни-

ка сопряжено было с некоторыми затруднениями, при том недоверии, с каким простой народ у нас смотрит на чиновника, собирающего, хотя и частным путем, не бог весть для какой цели, разные сведения, особенно о книгах, которые, несмотря на самое невинное содержание, отбираются духовными лицами и земскими властями. Поэтому я просил г. Максимова выдавать меня за купеческого комиссионера или приказчика, покупающего сало, медь и прочее. Таким образом он познакомил меня с одним старинным его приятелем, отставным заводским мастеровым, торговавшим рыбою, у которого по слухам были старинные книги. Со стариком мы сошлись скоро. Это был человек бывалый, грамотный, много читавший и обладающий обширной памятью. Удостоверившись, что я не сыщик какой-нибудь, и узнав цель, для которой мне были нужны рукописи, старик — не принадлежавший, впрочем, к расколу, а православный, — разговорился и был столь обязателен, что предложил заехать к нему на обратном пути и посмотреть книги; если же пожелаю, то и взять. Между тем дочери своей, бывшей на ярмарке, велел отправиться вперед и предупредить старуху, его жену.

В половине одиннадцатого часа вечером мы приехали в Городищи. Там хотя и спали, но зная, что будем, ожидали нас. Поставили самовар, и когда стали пить чай, старуха, по просьбе моей, принесла охапку печатных книг: Ефрема Сирина, молитвенники и другие, между коими сборника не было. Она, несмотря на переданное дочерью приказание мужа и рекомендацию его обо мне, запрятала сборник в сено и уже после убеждений г. Максимова оттуда вытащила. Сборник этот ничего особенно замечательного в себе не заключает; в нем была одна только статья, в конце книги, заслуживавшая любопытство, но кем-то из читавших ее вырвана из переплета. Владелец сборника, знавший наизусть некоторые места, списал для меня начало. Судя по содержанию, статья эта едва ли не принадлежит к оригинальным произведениям русского народа и включает рассказ об одном старце-иноке, который, собирая в лесу яблоки, сорвал ветку хмеля, причем услышал человеческий голос, исходивший от этого растения. Хмель рассказал старцу о своем происхождении, свойствах хороших и дурных, последствиях питья вина. Кроме этих двух рукописей я ожидаю других, там же отысканных.

Уведомив Вас тогда же о моих приобретениях, передам теперь о купленной у Соболева книге более подробные сведения. Заглавного листа в ней, к сожалению, нет, так же как и обыкновенных на старинных книгах и рукописях заметок, кому она принадлежала, только внизу страниц 2—10 листов отмечено скорописью, относящейся по характеру почерка к первой половине прошлого столетия: «Илье Михайловскому отдал вечно пономарь Петр Михневский подписал собственноручно». На страницах 32—35 листов также находилась какая-то вычищенная надпись; восстановить ее химическим способом я не считал нужным. На первом после оглавления и предисловия листе помещено под виньеткою следующее заглавие: «Книга нарицаемая Козмы Индикоплова. Избрана от божественных писаний благочестивым и повсюду славным Кир Козмою к хотящим христианствовати, ко внешним кругловидно небо летящим и прославляющим». Она состоит из оглавления на двух, предисловия на трех, двенадцати глав, называемых «словами», и трех, не упомянутых в заглавии отдельных статей: а) «о святем крещении», б) «о еллинском многобожии» и в) «о возрасте человечестем», — на трехстах восьмидесяти восьми листах. В начале каждого слова нарисованы, довольно отчетливо, виньетки; в середине их, во втором и шестом словах, и на поле второй страницы двенадцатого листа, изображены четырехконечные кресты.

Книга писана церковнославянским языком, крупным уставом, который с двести восемнадцатого листа становится мельче и более сжат. Начальные буквы, заглавия слов и отметки на полях некоторых страниц писаны киноварью; знаки препинания размещены неправильно, затрудняя понимание смысла речи, местами довольно темного. После точек буквы в начале периодов, большей частью, строчные. Сравнительно с рукописями и сборниками религиозного содержания, относящимися даже к новейшему времени, например, к началу прошлого века, книга Козмы Индикоплова сохранилась довольно хорошо, исключая обветшавших от времени полей у некоторых листов, подклеенных, однако ж, бережливцами ее владельцами и, конечно, не раскольниками, которых не могло интересовать ее ученье, философское содержание и которые, как известно, не читают книг с изображениями четырехконечного креста. При том же в ней говорится и о раскольниках, но в другом

смысле, против ныне выражаемого этим словом понятия. Мало загрязнившиеся страницы листов этой книги показывают также, что она читалась немногими, вероятно по причине философского ее содержания. В ней утрачены тридцатый лист текста (во втором слове) и сто шестьдесят первый, на котором, с обеих сторон, находились рисунки, изображавшие, как видно по уцелевшей близ корешка части, события из библейской истории, именно из книги «Исхода». Листы имеют в длину $11\frac{3}{4}$, в ширину $7\frac{1}{2}$ дюймов; текст занимает в длину 8, в ширину от $4\frac{1}{2}$ до 5 дюймов. Строк на каждой странице, до двадцать третьего листа, по девятнадцати; до двести семнадцатого — по двадцати; далее, до конца, по двадцати пяти.

После предисловия, на обороте третьего листа, помещен на всей странице рисунок, изображающий Козму Индикоплова, старца лет шестидесяти пяти, в одежде малинового цвета и спустившейся с левого плеча на колена синей мантии. Вокруг головы у него сияние, хотя в числе святых православной церкви и нет Козмы Индикоплова. Он сидит на деревянном стуле, со спинкою, за столом, на котором видны чернильница, наподобие вазочки, четырехугольная песочница и ножик. Стол с фигурными точеными ножками похож на те столы, которые встречаются и ныне в наших уездных городках и селах. В левой руке Козма Индикоплов держит, боком к себе, раскрытую книгу, а в правой перо, которым на нее указывает. Комната с двумя арками; за первую, в стене, два смежные окна с огивами, за другой аркою, несколько выше первых окон, третье, меньшей величины, под которым, на выступе стены, стоят три книги. Переплет в рамах, состоящих из трех частей, ромбический; перспектива в целом рисунке неправильна. Комната, со всею в ней обстановкой, совершенно сходствует с кельями, и теперь существующими в старинных монастырях. Кроме этого рисунка в книге находится еще семьдесят два других.

Из второго слова видно, что автор жил в Александрии, во время царствования восточных императоров Анастасия (491—518 по Р. Х.), Юстина (518—527) и Юстиниана (527—565). Обращаясь в этом слове к другу своему, соборному епископу всей Персии, он говорит: «Внегда, волею Божиею, от Иерусалима к нам в великий Александров град придет...» (вторая страница девятого листа). «Суц во Аксомийстей земли, идеше ше-

стве творяхом от Александрии...», «Бывшу ми на ме-

стех тех прежде всех времен бывших КЕ, и боле или менши, в начале царства Иустина греческого царя» (лист 35—36). Он был купец, посещавший по торговым делам многие страны, как то Среднюю Африку, за вершинами реки Нила по ту сторону экватора; Аравию, Синай, Индию, остров Прован (Цейлон?), Малую Азию; плавал по заливам, или, как они в книге называются, «пучинам», Аравийской, Персидской, Индийской, Греческой. От путешествия в Индию или «Индикию», вероятно, и назван он «Индикопловом», т. е. «пловцом индийским». Человек образованный, сведущий в священном писании и знакомый с творениями святых отцов и древних языческих философов, как то Пифагора, Аристотеля, Платона, Прокла, Ефора, Ксенофана Колофониуса и вообще с современным состоянием науки, он написал книгу по настояниям и просьбам друзей своих, персидского соборного епископа, о котором упомянуто выше; «трудолюбезного» Анастасия, Феофила, Петра и др. В ней проведена одна тема: опровержение теории древних философов о системе мира, которые принимали круговращение неба вместе со светилами, «прельщаеми, — пишет автор, — от солнечнаго и луннаго течения». Основываясь в своих положениях на священном писании и творениях святых отцов, Козма Индикоплов рассказывает соответствующие предпринятой им цели события из Библейской и Новозаветной истории и сообщает географические сведения о странах, которые он посещал сам или о которых слышал от купцов, оттуда приезжавших; торговле, произведениях этих стран и промышленности; языческих верованиях, исторических преданиях и проч., но, к сожалению, кратко, мимоходом. Несмотря однако ж на этот недостаток, заключающийся в книге Козмы Индикоплова, сведения интересны для науки, дополняя сохранившиеся в летописях русского народа географические сведения. В этом отношении особенно любопытны заметки автора о «пучинах», по трем из коих он плавал; о путешествии в Индию и Среднюю Африку; меновой торговле между александрийскими купцами и дикими народами Африки; памятнике или храме, поставленном в предместье Аксомейского города Адулея Птоломеем Лагом, в честь Иракла и Меркурия, в благодарность за победы и завоевания разных стран; об индийских жи-

вотных, островах Проване, Диоскориде и загадочной Атлантиде (в подлиннике — «Атайтли»); мифологии халдеев, египтян и еллинов; народах и в числе их, великой стране, называемой Русь, исповедывавших в то время христианскую веру. Не менее любопытна и отдельная статья «о возрасте человечеством», представляющая физиологическую характеристику человека в разные периоды жизни.

Подлинное сочинение Козмы Индикоплова было писано, конечно, на греческом языке около 545 г. по Р. Х. или несколько позже; когда же и кем переведено на церковнославянский, решить довольно трудно, при недостатке данных. Позволяю себе предполагать только, что перевод был сделан кем-то из наших соплеменников за Дунаем, ученым мирянином, а не монахом, так как некоторые места книги, по содержанию их не соответствуют строгому религиозному взгляду наших древних летописцев духовного сана, и после распространился в нескольких списках, что видно из следующих заметок. На второй странице сто тридцать седьмого листа написано киноварью: «Сия исправления писанная на брехах во книзе сей со вторья книги, яже послед и принесенная. А с которья писана, в той тако и есть, яко же zde в ряду». На первой странице чернилами: «Сию главизну (пятое слово) не возмогох из обоих книг разумно положити». Таким образом, кроме принадлежащего мне экземпляра, было еще два других варианта, с которых списан третий. Не хранятся ли они и теперь где-нибудь в монастырях или в руках частных лиц? Не знаю, есть ли в Императорской Публичной Библиотеке? Находящийся же у меня экземпляр писан, как полагаю, русским человеком¹ <...>

С. Гуляев.

Автограф. РО БАН, собр. Срезневского, 24. 6. 8., д. 134, л. 1—9.

¹ Описание С. И. Гуляева посвящено одному из списков знаменитой «Христианской топографии» Козмы (Космы) Индикоплова — естественнонаучного сочинения, содержащего сведения о системе мироздания, географические и исторические сведения о странах Востока. Принято считать, что перевод памятника был осуществлен на рубеже XII—XIII веков, а максимальное количество списков падает на XVI—XVII века. Следует отметить весьма высокое качество археографического описания книги, проделанное Гуляевым.

3. С. И. ГУЛЯЕВ — М. А. КОРФУ

Модест Андреевич Корф (1800—1876), барон, государственный деятель, историк, почетный член Петербургской Академии наук, директор Публичной библиотеки.

Был лицейским товарищем А. С. Пушкина, придерживался крайне монархических консервативных убеждений.

Письма, публикуемые ниже, адресованы Корфу как директору библиотеки. Эти письма говорят о масштабах большой собирательской работы С. И. Гуляева, которая началась сразу же после переезда в Барнаул в 1859 г. Четверть века ученый безвозмездно отправлял книги и рукописи в Публичную библиотеку, носящую ныне имя М. Е. Салтыкова-Щедрина. Абсолютное бескорыстие этого подвижничества впечатляет. Остро нуждаясь материально, Гуляев наотрез отказывался от оплаты своих посылок, а ведь среди рукописей и книг были уникальные.

Барнаул, 19 октября 1860 г.

Его Высокопревосходительству барону М. А. Корфу

Ваше Высокопревосходительство

Барон Модест Андреевич!

Имею честь предоставить Вашему Высокопревосходительству, для Императорской Публичной Библиотеки, полученные мною от г. Надворного Советника Ивана Владимировича Ефимова, принадлежавшие отцу его, Якутскому жителю, две книги: 1) «География Геперальная, напечатанная в Москве, повелением Царского Пресветлого Величества, лета Господня 1718, в июне»; 2) «Монархия Турецкая, описанная чрез Рикотта, бывшего Английского Секретаря Посольства при Оттоманской Порте. Переведена с польского на российский язык в Санктпетербурге, 1741 г.»; 3) Рукопись, 1720 г., на бересте, о сборе ясака с инородцев Якутского края. Кроме того приобретенную мною в Барнауле книгу: «Описание коронации Ее Величества Императрицы и самодержицы Всероссийской Анны Иоанновны в царствующем граде Москве, 28 апреля 1730 году. Печатано в Москве при Сенате, октября 31 дня 1730 году».

С глубочайшим почтением и преданностью имею честь быть

Вашего Высокопревосходительства покорнейшим
слугою

Степан Гуляев.

Автограф. Арх. ГПБ, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 154—154 об.

Барнаул, 9 апреля 1860 г.

Его Высокопревосходительству барону М. А. Корфу

Имею честь представить Вашему Высокопревосходительству для Императорской Публичной Библиотеки, полученные от Барнаульского купца П. А. Федченко, два рукописные, на латинском языке, учебника, по которым за сто лет назад преподавались в семинариях Риторика и Пиитика. В одном, о риторических сочинениях, утрачено, к сожалению, несколько листов, другой же заключает полное руководство к Пиитике, составленное под наблюдением тобольского митрополита Павла в 1761 г.¹ Рукопись эта принадлежала, как видно из сделанных в ней заметок, студенту риторического класса тобольской семинарии Ефимию Викуловскому, бывшему впоследствии священником Ревельского драгунского полка. В конце рукописи находятся три отдельные сочинения: 1) Слово, говоренное в день Благовещения, не упомянуто однако ж кем; 2) Три тома, из коих первый и третий состоят из акrostихов на слова: «Благочестивейшая, самодержавнейшая, природная Государыня Императрица Елисавета Петровна, здравствуй на многия лета»; «Природной своей государыне Елисавете Петровне, Ее Императорскому Величеству многия лета»; 3) «Журнал или описание лет и преславных и высокаторжественных побед блаженныя памяти Петра Великого, отца отечества первого Императора Всероссийского».

В числе примеров стихосложения и риторических фигур приводятся в некоторых местах рукописи стихи из Кантемира и Ломоносова. Не заключающая ничего особенного, она интересна, полагаю, в том отношении, что изображает вполне ту схоластическую систему преподавания словесных наук, которая долго господствовала в наших духовных учебных заведениях.

Вместе с этими рукописями имею честь представить приобретенные в Барнауле: а) Издававшийся в Москве с января по июль 1763 г. журнал...² ...книге «Златоуст», считая только с этого времени, более двухсот лет, судя

же по характеру почерка можно полагать, что она писана гораздо прежде. Для усмотрения Вашего Высокопревосходительства прилагаю снятую с одной страницы копию. По сличению некоторых слов Иоанна Златоустого с подобными же, находящимися в сборниках, о которых я упомянул выше, сказывается различие в редакции.

Другая книга, писанная таким уставом, но более отчетливым и с правильно поставленными акцентами, состоит из трехсот девяносто двух листов с семидесятью с лишком рисунками между текстом. Замечательное по содержанию сочинение это принадлежит александрийскому купцу Козьме Индикоплову, жившему в VI веке; когда же переведено на церковнославянский, о том нигде не упомянуто, видно только из сделанных на полях в двух местах отметок, что у русского переписчика было в руках два других экземпляра, и тот, который теперь у меня, принадлежал пономарю Петру Михневскому. Автор «Козьма Индикоплов», т. е. пловец в «Индикию», опровергая теорию древних философов о открытии мира, сообщает, между прочим, географические и другие весьма любопытные для науки сведения о странах, им посещенных по торговым делам. Не знаю, известно ли это сочинение Вашему Высокопревосходительству? Сделав из некоторых мест книги извлечения для II Отделения Императорской Академии Наук, и переложив на русский язык для Императорского Русского Географического Общества географические сведения, долгом считаю представить Вашему Высокопревосходительству копию с одной страницы. Быть может, я и ошибаюсь, но книга Козьмы Индикоплова писана не позже XV века.

Позволю себе при этом обратить внимание Ваше еще на одну находящуюся в Петербурге рукопись, о которой я узнал уже по приезду в Барнаул от типографа Лариона Васильева Шмакова. Он передал мне, что обучаясь с 1850 по 1855 г. в типографии Кесневля, помещавшейся в д. Зиновьева, в Троицком переулке, видел у другого ученика, находившегося в распоряжении наборщика Николая Иванова Бауманова, Ивана Крылова книгу «Цветник», в пятьсот с лишком листов, большого, особенного формата, писанную крупным уставом, которую он и читал (в 1854 г.). По словам Шмакова, в книге этой заключается описание всех известных русскому народу лекарственных растений и

веществ, с рисунками между текстом. Имея доверие к словам Шмакова, я полагаю, что книга «Цветник» принадлежит к одним из полнейших и редких вариантов подобного рода сборников, и смею думать, что если Вашему Высокопревосходительству угодно, то можно приобрести ее для Библиотеки от Крылова, который, вероятно, и теперь находится у Кесневеля или у другого типографщика. Но, как простой народ наш не слишком доверчив, то дело это необходимо поручить опытному в сношениях с простым народом лицу. Простите меня, Ваше Высокопревосходительство, за эти, быть может, и неуместные указания; я решился упомянуть о них, зная по собственному опыту, какую нужно иметь осторожность в приемах при собирании сведений в среде простого народа, особенно о старинных книгах, за которые он, несмотря на самое неважное их содержание, подвергается земскими и духовными властями преследованию.

Имея же в виду приобретение в здешних краях книг и рукописей, которые желал бы представлять в Императорскую Публичную Библиотеку, но пересылка которых, в виде частной корреспонденции, будет для меня обременительна, осмеливаюсь спросить Ваше Высокопревосходительство: могу ли отправлять их чрез почту бесплатно, как дозволено это в подобных случаях ученым обществам?

Императорских Обществ: Русского Географического и Вольного Экономического член Степан Гуляев.

Автограф. Арх. ГПБ, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 20—25 об.

---

¹ Павел Коняхевич, управляющий тобольскою и сибирскою митрополиею с 20 ноября 1758 г. по 11 января 1768 г. (Описание церквей в Тобольске. Москва, 1852, с. 82). <Сноска С. И. Гуляева>.

² В рукописи дефект.

4. С. И. ГУЛЯЕВ — М. П. ПОГОДИНУ

Михаил Петрович Погодин (1800—1875), русский историк, писатель, академик; издатель журналов «Московский вестник», «Москвитянин», сторонник теории «официальной народности», по некоторым вопросам

был близок к славянофилам. С середины 1820-х годов занимался литературно-издательской деятельностью и на этой почве сблизился с А. С. Пушкиным. М. П. Погодин известен как крупный собиратель рукописей и старопечатных книг. Общественно-политические взгляды М. П. Погодина пережили эволюцию от элементов дворянского либерализма до охранительного консерватизма.

Барнаул, 20 декабря 1860 г.

Ваше Превосходительство Михаил Петрович.

Сколь ни желал я представиться Вашему Превосходительству в Петербурге, во время посещений Ваших столицы, и в 1859 г. в Москве, когда я проезжал в Барнаул; однако разные обстоятельства не позволили мне исполнить этого давнего, задушевного намерения, выразить мое уважение и то удовольствие, которые доставляли мне Ваши ученые труды и мнения, высказанные в известных донесениях Графу Уварову, в письмах Графу Блудову¹ и статьях в разных журналах, — о политических вопросах, связанных с судьбою нашего отечества и славянских народов, вопросах, решение которых было задолго Вами предусмотрено и оправдалось свершившимися в Европе событиями. Если, впрочем, интерес науки и одинаковые убеждения сближают людей, несмотря на отдаленные пространства, то, конечно, не покажется странным настоящее письмо от человека, Вам лично неизвестного. Цель моя теперь сообщить Вам сведения о приобретенных здесь исторических материалах, быть может, заслуживающих некоторого внимания и разработки и даже неизвестных.

По приезде в Барнаул, по делам службы, в августе 1859 г., я приобрел несколько старинных книг, и рукописных, и печатных. Одним из интересных, по мнению моему, приобретений [является] большая, в лист, книга из 390 л., писанная крупным, красивым уставом, с вишнетками и бордюрами в начале глав (названных словами), с 75-тью рисунками между текстом и на целых страницах². <...> Не находились ли варианты ее в собрании Вашем или в других книгохранилищах? Известен ли автор в ученом мире? Может ли она заключать какой-либо интерес для науки?

Кроме этой книги я приобрел еще рукописи: о покорении Казани; завоевании Сибири; келейную ле-

топись Дмитрия Ростовского; книгу «Златоуст», писанную уставом древнего почерка, пожертвованную архиепископом Тобольским Нектарием в Софийскую церковь; мне видно это из отметки внизу страницы. Впрочем, она не заключает в себе, кроме поучений из Златоуста и других святых отцов, исторических сведений. Школу крюковых нот, о которых, помнится, была статья в «Московском телеграфе», но не совсем удовлетворительная. Крюковые ноты с текстом церковных песен. Рукописную книгу, заключающую ответ раскольничьих учителей архиепископу Питириму; раскольничьи сборники. Ныне обещали мне доставить Хронограф из 1000 листов и передали сведения о двух других, в здешнем крае находящихся. У одного из крестьян д. Убинской, на Иртыше, была большая рукопись из виршей. По заметкам можно было заключить, что она принадлежала царевне Софии, если только не была ею переписана; содержание религиозное. К сожалению, прежде чем я мог увидеть эту рукопись, она, во время пожара на пасеке владельца, сгорела. Из Якутска доставлена мне рукописная книга на 131 л. — История Петра Великого, «которую сочинил почтеннейший отец Антоний Катифорос Заки (...)»³, хотя о имени своем не упоминает, — так сказано переводчиком в обращении к читателю. Не знаю, известна ли она ученым и Устрялову⁴? В ней, между прочим, помещена переписка между Петром и царевичем Алексеем. Хотя содержание писем и одинаково, но редакция их, по сличению с напечатанными Устряловым, в первом томе другая; следовательно, переводчик не имел у себя копий с подлинных писем, между тем как автору были они известны. Самые числа на письмах выставлены другие. Книга написана четкою, убористою скорописью, относящейся к первой половине прошлого века. Переводчик о себе не упоминает; видно, что обладал знанием русского языка; он везде правилен, не заключая введенных тогдашними риториками оборотов.

Между книгами, отобранными у одного крестьянина земскою полицией и признаваемых раскольничьими, я видел одну, напечатанную в Чернигове, под заглавием: «Повесть чудная и зело душеполезная, сложено от древнего писания, о иконном изображении, како и когда иконное изображение по написании иконы пречистия владычицы наша Богородицы и присно Девы

Марии, честная ея Одигитрия, и о чудесах ея, иже сотвори в царствующем Константине граде, и о иже, како уставися праздновати честный праздник ея Одигитрию». В этой книге в связи с праздником о явлении иконы Божией Матери на Ладожском озере в Тихвине, приведены исторические события, до Новгорода относящиеся. Между прочим, в одной главе говорится: «Месяца сентября, в 15 день, сказание о милости Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и присно Девы Марии, како преславно избави обитель свою, иже на Тихвине, где же святой ея чудотворный образ Одигитрие, от нашествия зловерных и поганых варяг, иже свияне наричаются». Книга напечатана с древней рукописи (года которой, к сожалению, не обозначено), — следующие наши летописцы под словом «Варяг» разумели шведов. Книга отправлена в Томскую консисторию. Я не понимаю однако ж причин, почему такие книги признаются за раскольничьи? Вероятно, духовное начальство, по настоянию которого они отбираются, не дает положительных указаний на то, что должно считать нецензурным и вредным? Меры эти, ожесточая только народ, ничего благотворного не приносят; отбираемые же книги гниют в консисторских подвалах, Синоде, в Секретной Канцелярии Министерства Внутренних Дел. Не полезнее было бы высшему духовному начальству, обладающему огромными доходами от одной продажи церковных свеч, употреблять часть этих доходов на учреждение школ в селах, для мальчиков и девочек; не прибегая к несовременным мерам, относительно закоснелого в фанатических верованиях, оживающего дни поколения, но распространять свет науки между юною генерациею, путем кротких, человеческих убеждений. Вследствие их и алтайские калмыки, трудами покойного архимандрита Макария и других миссионеров, оставляют язычество, косневши в нем со времени присоединения здешнего края к империи. Из крещеных калмыков я недавно познакомился здесь с одним замечательным человеком. Его зовут Михайлом Васильевичем Чивалковым⁵. Приняв, по собственному убеждению, православие, он выучился против желания отца грамоте; поет хорошо церковную службу; играет на скрипке и кларнете; пишет на калмыцком языке (составляющем, впрочем, смесь из калмыцких и тюркских слов) стихи; хороший слесарь... Сюда прпехал, одновременно со мною, из Пруссии,

доктор филологии Радлов⁶, определенный Кабинетом Его Величества учителем немецкого языка в горном училище. Этот молодой, любознательный человек, предприняв изучить наречия алтайских инородцев, пригласил к себе Чивалкова, который в течение года блистательно исполнил обязанность свою. Радлов выучился языку, составил азбуку, хрестоматию и статью о всем этом представил уже в Академию Наук, чрез барона Мейендорфа, кажется, управляющего Кабинетом Его Величества. Желательно было бы, чтобы лица, **власть имущие**, обратили на Чивалкова свое внимание, награда медалью, почетным кафтаном произвела бы моральное влияние на его однопородцев; высоко поставила бы его в их глазах. Не увлекаясь пристрастием, я думаю, что Чивалков — готовый проповедник Евангелия между калмыками и в состоянии выполнить эту высокую обязанность. Чивалков уже уехал домой, в село Улалы, в 80 верстах от Бийска. Простите, Ваше Превосходительство, что я, заговорив об этом человеке, уклонился от моей цели, насчет рукописей и книг. В числе их еще доставлены мне: Летописец келейный Св. Дмитрия Ростовского, заключающая Ветхозаветную и Новозаветную Историю, с рассуждениями; небольшую, в четвертую долю листа, рукопись, названную «**Лусидориос**»⁷, переписанную отцом одного 80-летнего старика, отставного учителя заводской школы Потатурова, в 1781 г., с другой. Она состоит из разговора между учеником и учителем, который объясняет последнему, на вопросы его, разные предметы, и принадлежит к чину энциклопедий, заключаая, между прочим, географические сведения из греческих хронографов, мифологии и проч., Историю о взятии г. Казани, составленную из Царственной книги и опыта Казанской Истории Рычкова⁸. О походе Дмитрия Ивановича на Мамаю. Не имея у себя под рукою напечатанной Измаилом Ив. Срезневским «Задонщины», я не могу сказать ничего, без сличения с этим изданием. Край здешний представляет много интересного для науки. Путешественники, за исключением Миллера и Палласа⁹, ограничивались только специальными наблюдениями по некоторым предметам естественной истории, ботанике, зоологии, минералогии и проч., и сочинения их, напечатанные на немецком языке, не для нас, русских, мирно покоятся в библиотеках. Народ, его язык, обычаи и верования не обращали на себя внима-

ния, а между тем предметы эти стоили бы исследования. Странный народ этот — иностранные ученые. Не считая нужным изучить язык той страны, куда они отправляются, изучить хотя бы настолько, чтобы спросить хлеба, смотрят на русский народ сквозь туманные пристрастием очки. Сам Гумбольдт, бывший здесь, кажется, в 1829 г., не много сделал для науки, вместе с Еренбергом и Розе¹⁰. Он высказал много несогласного с истиной и уверял, что будто бы видел с берегов Иртыша, по дороге в Устькаменогорск, Тянг-шань, или небесные горы, находящиеся на границах Заилийского края с Китаем, чего не случилось бы, когда он расспросил бы если не ямщиков, то, по крайней мере, наших русских купцов, так ли называются те горы, которые воображение его представляло? Но, кажется, наступает уже время, когда и русский язык начинает делаться для иностранцев необходимым и получит право гражданства в семье языков великих народов!

Прошу Вас не ставить мне в вину длины этого письма, приняв во внимание побуждения, в начале его выраженные, и верить искренней преданности

Вашего покорнейшего слуги

Ст. Гуляева.

Р. С. Если угодно будет узнать адрес мой, то прилагаю для этого карточку.

Автограф. РО ГБЛ, ф. 231, Пог./П, картон 9, д. 77, л. 73—78 об.

¹ С. С. Уваров (1786—1855) — русский государственный деятель, реакционер. Был президентом Петербургской Академии наук, а также министром народного просвещения. Автор теории «официальной народности».

Д. Н. Блудов (1785—1864) — русский государственный деятель. В 1832—1838 гг. — министр внутренних дел. В 1855—1864 гг. — президент Петербургской Академии наук, председатель Государственного совета и кабинета министров.

² Далее следует подробное археографическое описание книги Козмы Индикоплова, содержащееся уже в письме С. И. Гуляева к И. И. Срезневскому.

³ В рукописи неразборчиво.

⁴ Н. Г. Устрялов (1805—1870) — историк, академик Петербургской Академии наук, автор «Истории царствования Петра Великого» и других сочинений.

⁵ М. В. Чевалков — первый алтайский писатель, знакомый Н. М. Ядринцева.

⁶ В. В. Радлов (1837—1918) — русский востоковед-тюрколог, этнограф, переводчик, академик. Один из основоположников сравнительно-исторического изучения тюркских языков.

⁷ Искаженное «Луцидариус» — русский апокрифический сборник XVI в.

⁸ П. И. Рычков (1712—1777) — русский историк, автор трудов по археологии и этнографии.

⁹ Г. Ф. Миллер (1705—1783) — русский историк, член Петербургской Академии наук. С 1733 по 1743 г. находился в экспедиции по Сибири, собрал коллекцию копий документов по русской истории.

П. С. Паллас (1741—1811) — русский естествоиспытатель, академик Петербургской Академии наук, путешественник, автор трудов по зоологии, палеонтологии, ботанике, этнографии.

¹⁰ А. Гумбольдт (1769—1859) — немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, побывал на Урале и в Сибири.

Х. Г. Эренберг (1795—1876) — немецкий естествоиспытатель, зоолог, профессор медицины Берлинского университета.

Г. Розе (1798—1873) — немецкий геолог, минералог, профессор Берлинского университета.

5. С. И. ГУЛЯЕВ — Н. С. ГУЛЯЕВУ

Николай Степанович Гуляев (1851—1918), сын Степана Ивановича, известный археолог и исследователь Алтая, обучался в Казанском и Петербургском университетах, участвовал в студенческих волнениях и был выслан в Барнаул в качестве политссыльного народника. Н. С. Гуляев был одним из создателей «Общества любителей исследования Алтая», куда вошел целый ряд политссыльных народников — С. П. Швецов, Н. П. Шеер, И. К. Платонов и др. Публикуемое письмо обращено к десятилетнему Николаю в то время, когда он учился в Петербургской гимназии, и характеризует семейные отношения Гуляевых и принципы воспитания, которые разделял Степан Иванович.

Барнаул, 2 января 1861 г.

Поздравляю тебя, мой милый друг Коля, с Новым годом, желаю тебе здоровья и приобретения знаний. Молись Богу, друг мой, дабы он даровал тебе разумение преподаваемого; трудись, ибо премудрость даром не дается человеку. Веди себя благородно и честно, не делай того, что запрещает совесть. Поступай всегда, как следует доброму юноше; бегай всего оскорбляющего и унижающего человеческое достоинство. Помни, что я советовал тебе и здесь и в Петербурге. Обязанности твои еще не велики, исполнить их легко...

Краски я еще не получил, быть может почта доставит их завтра. В таком случае вышлю немедленно. Что касается до журнала «Детское чтение», то он получается у вас...

Сестры твои хворают и потому праздник проводили грустно, нигде не бываем. Один раз только я побывал в театре; играл Березовский с другими урядниками две пьески и выполнили их превосходно. Березовского стихи положены на музыку Антоном Антоновичем Дерфельдтом в Петербурге¹. Ноты нам пришлют...

Будешь хорошо учиться, то, вероятно, разрешат тебе отпуск. Будем работать в саду, гулять за городом.

Как идет ученье? В науках, в языках? Особенно в математике и словесности?

С. т. Гуляев.

Автограф. ГААК, ф. 163, оп. 1, д. 14, л. 4—5 об.

---

¹ Антон Антонович Дерфельдт (1810—1869), композитор и капельмейстер, закончил Парижскую консерваторию, с 1850 г. — капельмейстер и музыкальный инспектор Петербургского гвардейского округа. Перелагал для военно-духовых оркестров пьесы, писал романсы, издавал единственный в России оркестровый журнал.

Сведений о Березовском найти не удалось.

**6. ПЕРЕПИСКА С. И. ГУЛЯЕВА
С ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКОЙ
А. Ф. БЫЧКОВ — С. И. ГУЛЯЕВУ**

Афанасий Федорович Бычков (1818—1899), палеограф, археограф, библиограф. Окончил Московский университет и работал в Публичной библиотеке сначала хранителем отделения рукописей, потом помощником директора (с 1868 г.) и директором (с 1882 г.). Автор многочисленных библиографических описаний и каталогов, академик.

С.-Петербург, 6 апреля 1864 г.

Милостивый государь Степан Иванович!

За принесенные Вами в дар для Императорской Публичной библиотеки рукопись, автограф, рисунок и лубочную картинку, имею честь принести Вам, милостивый государь, от лица отечественного книгохранилища искреннюю благодарность.

Примите, милостивый государь, уверения в совершенном моем почтении.

А. Бычков.

Автограф. Арх. ГПБ, ф. 1, оп. 1, д. 9, л. 74.

С.-Петербург, 9 апреля 1871 г.

Милостивый государь Степан Иванович!

Императорская Публичная библиотека, получив при письме Вашем от 4 января сего года принесенные ей Вами в дар Сборник известий о войне с французами в 1812 г., составленный Ф. Н. Поярковым¹, и некоторые бумаги, оставшиеся после заведовавшего Елагиным островом² Ф. И. Кошелева, имею честь принести Вам, милостивый государь, искреннюю свою благодарность.

Примите, милостивый государь, уверение в истинном моем почтении и преданности.

Подписал А. Бычков.

Копия XIX в. Арх. ГПБ, ф. 1, оп. 1, д. 12, л. 73.

Барнаул, 17 мая 1872 г.

В Императорскую Публичную Библиотеку.

Посетив в декабре 1859 г. Никольскую ярмарку в Сузунском заводе (в Алтайском горном округе), я

приобрел от уволенного от службы мастерового Соболева рукописную «Книгу Козьмы Индикоплова», в которой заключаются, между прочим, интересные космографические и географические сведения.

Автор ее, александрийский грек, современник императора Юстиниана, жил в VI веке и путешествовал по торговым делам в Африке, до вершин реки Нила, по Индии, Малой Азии и другим странам. Кем переведено было это сочинение на древнерусский язык, неизвестно.

Так как подобные редкие сочинения, находясь в руках частных лиц, весьма легко могут утрачиваться, то, в важность общей пользы, я счел долгом предоставить «Книгу Козьмы Индикоплова» в распоряжение Императорской Публичной Библиотеки.

Степан Гуляев,
член Императорского Русского Географического и других ученых обществ.

Автограф. Арх. ГПБ, ф. 1, оп. 1, д. 37, л. 42—42 об.

Барнаул, 22 декабря 1873 г.

В Императорскую Публичную Библиотеку.

Имею честь представить в Императорскую Публичную Библиотеку рукописи: 1) Путешествие в Иерусалим Трифона Коробейникова; 2) Проповедь иезуита Висеры; 3) Экономия жизни человеческой, или сокращение индийского нравоучения, сочиненное некоторым браминном; 4) Гистория о Палионционе, царевиче египетском: (В Смирдинском каталоге № 8.380); 5) Описание о царствовании и державе великого государя, царя Алексея Михайловича и великия государыни, царицы Наталии Кириловны и проч.; 6) Юности честное зеркало; 7) Повесть о Мамаевом побоище; 8) Ноты старинных полонесов, менуэтов и маршей.

С. Гуляев.

Автограф. Арх. ГПБ, ф. 1, оп. 1, д. 59, л. 126—126 об.

Барнаул, 16 марта 1874 г.

В Императорскую Публичную Библиотеку.

Имею честь представить для нашего отечественного книгохранилища приобретенные мною в Барнауле ру-

кописи: 1) «Слово о силе примеров», говоренное в большой придворной церкви, в присутствии их Императорских Величеств архимандритом Инокентием 4 сентября 1791 г.; 2) «Показание российской древности из сочиняющейся пространной истории»; 3) Памятные записки 1827 г., писанные кем-то из жителей Иркутска. (В них помещена проповедь, приписываемая П. А. Слобцову³, товарищу Сперанского⁴).

С. Гуляев.

Барнаул, 20 марта 1874 г.

В Императорскую Публичную Библиотеку.

В дополнение к посланным мною для отечественного книгохранилища (от 16 марта) рукописям, имею честь представить еще две: 1) О рождении антихриста и знамениях его пришествия и 2) «Книгу, глаголемую Лусидориус ветхий завет; ученическое вопрошение и учительский ответ, в которой предлежат различные нам учительства; и что в иных имеется сокровенно, а в сей книге положено ясно. Кто хочет, охотно себе, читати, то ему всякую в себе содержащую мудрость покажет; где положено сокровенно, — здесь, в кратких словах, очень ясно истолковано»⁵.

«Лусидориус» приобретена мною от бывшего учителя барнаульского заводского училища Г. И. Потатурова, восьмидесятилетнего старика. Она состоит из двух частей, из коих в первой учитель передает вопрошающему его ученику сведения о сотворении мира, космографии, географии, естественной истории, мифологии, чудесах природы, разных физических явлениях и проч.; во второй о грехопадении Адама, страдании и смерти Иисуса Христа; таинствах и церковных обрядах. Затем следует выписка из № 87 Санкт-Петербургских Ведомостей 1 ноября 1754 г., — о страшном землетрясении в Константинополе, и отрывок (без начала и конца) Сказания о младенце Кирике⁶. Подобные Лусидориусу сборники составляли вместе с «цветниками» и «пчелами» любимое чтение наших предков, так же как и знаменитый «Письмовник Курганова»⁷ в новейшее время. Грамотные люди при беседах с ними не раз спрашивали меня, где бы можно доставать книги вроде упомянутых сборников, особенно же те, в которых говорится о рае Господнем, реках, из него вытекающих, и

вообще о чудесах Божьего мира. Желанию этому, конечно, можно было бы удовлетворить изданием народных энциклопедий, написанных языком, доступным пониманию простого человека.

С. Гуляев.

Автограф. Арх. ГПБ, ф. 1, д. 11, л. 36—38 об.

---

¹ Филипп Николаевич Поярков, тесть С. И. Гуляева, служил в Петербурге в чине титулярного советника.

² Елагин остров — административная часть Петербурга.

³ П. А. Словцов (1767—1843), историк, автор книги «Историческое обозрение Сибири» в 2-х томах. Был сослан в Сибирь за «вольномыслие», допущенное в публичной проповеди, прочитанной в Петербурге.

⁴ Михаил Михайлович Сперанский (1772—1839), граф, русский государственный деятель, в 1819—1821 гг. генерал-губернатор Сибири, составил план административной реформы Сибири.

⁵ Имеется в виду «Луцидарнус», русский апокрифический сборник XVI в., своеобразная энциклопедия, в которой освещаются богословские вопросы.

⁶ Отрывок из жития Кирика и Улиты.

⁷ Своеобразная развлекательная энциклопедия, в которую вошли более 300 переводов, исторических анекдотов и бытовых сенок. Автор — Н. Г. Курганов (1725—1796), русский просветитель, педагог, издатель. «Письмовник» был любимым чтением русской публики, о нем высоко отзывались А. С. Пушкин, В. К. Кюхельбекер, В. Г. Белинский.

7. С. И. ГУЛЯЕВ — П. И. БАРТЕНЕВУ

Петр Иванович Бартенев (1829—1912), археограф, библиограф, историк и литературовед. Закончил историко-филологический факультет Московского университета, занимался архивной работой. В 1863 г. основал первый русский специальный исторический журнал «Русский архив», бессменным редактором которого он был до конца жизни. По своим политическим взглядам Бартенев близок к славянофилам, особенно к А. С. Хо-

мякову, развивал идеи славянского единства и ведущей роли России в сближении славянских народов. П. И. Бартенев внес значительный вклад в развитие русской археографии и источниковедения.

18 февраля 1871 г.

Милостивый Государь Петр Иванович!

В числе бумаг, доставшихся мне после умершего в 1859 г. в Петербурге одного моего родственника, я нашел: два стихотворения Державина с отметкою о том, что они нигде не напечатаны, и написанную солдатом Измайловского полка Василием Макаровым в 1802 г. поэму «Солдатская жизнь»¹. Не имея полного издания сочинений Державина, для проверки справедливости отметки на листе помянутых стихотворений, быть может, и не напечатанных, имею честь препроводить их к Вам, вместе с поэмою Макарова; не изволите ли признать возможным их напечатать. Сочинение Макарова я нахожу интересным в том только отношении, что в нем описываются существовавшие тогда в гвардейских полках суровые обычаи и порядки, вызвавшие известную Семеновскую историю.

Кроме этого, посылаю на Ваше, милостивый государь, усмотрение и распоряжение некоторые выписки из отобранных земскою полициею у раскольников рукописных книг (самого невинного содержания), поступивших в Томскую Духовную Консисторию.

Покорнейше прошу принять уверения в совершенном моем почтении и преданности.

С. Гуляев.

Барнаул.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 1, д. 563, л. 52 об.—53.

---

¹ По поводу поэмы В. Макарова, широко распространенной в сибирской рукописной традиции, авторы академических «Очерков русской литературы Сибири» пишут: «Это стихотворение... не принадлежало к поэзии Сибири, но оно стало фактом местной культурной жизни, ибо судьба ее автора была понятна и знакома многим, в том числе тысячам сибирских крестьян-рекрутов, насильно переодетых в солдатские шинели». (Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 186).

8. С. И. ГУЛЯЕВ — Ф. Р. ОСТЕН-САКЕНУ

Федор Романович Остен-Сакен (1832—?), барон, известный ботаник, географ, секретарь Русского географического общества. Известно несколько писем Гуляева к нему.

Барнаул, 28 февраля 1871 г.

Милостивый Государь барон Федор Романович.

В дополнение к посланной от 12 июля 1870 г. рукописи о народо-врачебных средствах, имею честь представить Вам, с тою же целию, о которой упомянул в моем письме, еще следующие рукописи: 1. «Из книги благоуханный Цветник, или Вертоград здраво сотворенный, сочиненной на латинском языке, по изобретению премудрейших мужей и достовернейших, выписано по частям человека, вкратце»; 2. Описание целебных трав; 3. Лечебник (к сожалению, без начала и без конца).

Если бы эти рукописи оказались ненужными для Императорского Русского географического общества, то покорнейше прошу Вас препроводить их в Императорскую публичную библиотеку¹.

Недавно доставили мне Хронограф, «списанный, — говорится в оглавлении, — с древнего письменного же Хронографа, в лето 1818 году, странопришельцем, христианином истинныя католической веры, Пермской губернии, города Чердыни из мещан, Филиппом во святом крещении Николином».

Хронограф этот, как то можно судить по двум номерам, выставленным на белой странице, находился в какой-либо библиотеке и, переходя из рук в руки, принадлежит теперь одному крестьянину. Он писан полуставом на 508 страницах и представляет историко-географическую энциклопедию. Рядом с библейскими событиями в нем говорится о древних народах и царствах Вавилонии, Персидском и др., Космографии, мифологии, походе аргонавтов, Троянской войне, Александре Македонском и его подвигах, царствах Латинском и Греческом, рождении Иисуса Христа и распространении христианства, княжествах Сербском, Литовском, Польше, Чехии, пачале и распространении Русской земли, переводе Священного писания на славянский язык, открытии Америки, вселенских соборах, разделении церквей, нашествии татар, завоевании Казанско-

го царства, о временах междоцарствия, самозванце, небесных явлениях, путешествии Трифона Коробейникова в Иерусалим и пр. Хронограф оканчивается царствованием Алексея Михайловича, затем следует выписка из Соборного уложения, Сказание о Мамаевом побоище, соборное послание известного в раскольничьем мире Андрея Денисьева, «списанное с собственной руки», «Беседа от ангела... к сынам, от различных посланий», «Повесть древняя из книги Летописца, о некоем благочестивом царе» и «Слово о Димитрии купце, по прозванию Басарга Киевлянин». Из заметок в некоторых местах Хронографа видно, что в подлиннике заключались выписки из других Хронографов. Об этой интересной книге я счел нелишним уведомить Императорскую публичную библиотеку.

Между тем, собирая на досуге сведения о здешнем крае, я напал на замечательную личность — слепого старика, крестьянина деревни Ересной (в 5 верстах от Барнаула) Леонтия Тупицина². Обладая обширной памятью, он знает много богатырских былин и песен, которым выучился от отца, а тот от деда, вышедшего сюда из Олонецкой губернии. Более 20 былин мною списаны, а напевы их положены на ноты приехавшим в Барнаул молодым крестьянином Спасской волости (близ Томска) Большаниным, с которым по счастливому случаю я познакомился и который обещает мне положить на ноты напевы всех песен и былин, какие услышит. Посылая для Вашего любопытства напевы трех былин, прибавлю, что они, как изволите заметить, далеко не походят на те напевы, которые приложены к былинам в «Древних стихотворениях», приписываемых Кирше Данилову, и представляют по характеру мелодии особый разряд от всех других народных наших песен. Мне желательно было бы собрать это дорогое народное достояние, пока не уничтоженное цивилизацией, представляющее богатый материал для будущих гениальных композиторов...

С. Гуляев.

Автограф. Архив ГО СССР, р. 62, оп. 1, д. 17. л. 1—3 об.

¹ Указанные рукописи в архиве Географического общества и Рукописном отделе ГПБ не обнаружены.

² Подробнее см. о Тупицине в письме С. Гуляева к Л. Майкову.

9. С. И. ГУЛЯЕВ — Л. Н. МАЙКОВУ

Леонид Николаевич Майков (1839—1900), историк литературы, библиограф, этнограф, академик. Закончил Петербургский университет, член Географического общества с 1864 г. Известен как автор книги «О былинах Владимирова цикла», а также крупных исследований о А. С. Пушкине. Брат поэта А. Майкова и критика В. Майкова.

Барнаул, 21 ноября 1871 г.

На Тупицына, как певца былин, указал мне переселившийся в Барнаул из Верхотурья мещанин Моисей Тренихин. Пригласив к себе Тупицына в январе 1871 года после крещения, я познакомился с ним и тут же приступил к записыванию от него былин и старинных народных песен. С того времени он часто приходил ко мне с кем-либо из детей или с женою и гостил по нескольку дней, если дома не было для него работы. При начале нашего знакомства он передал мне некоторые о себе сведения. Так как они были весьма кратки, то исполняя желание этнографического отдела императорского Русского Географического Общества, я счел нужным расспросить Тупицына подробно и взглянуть на домашнюю его обстановку. С этой целью отправились мы в один из прекраснейших зимних вечеров по только что установившемуся снежному пути с моим знакомым в деревню Ересную, взять с собой Тупицына. Мы увидели самую жалкую, кое-как сколоченную из тоненьких бревешек избушку, без сеней, с дверью прямо на улицу. Тупицын топтал (валял) в это время сукно в корыте; с печки выглядывали четверо ребят. Он пригласил нас отправиться в дом к его зятю, у которого была особая чистая горенка. Хозяйка хотела было угостить нас чаем и уже приготовила самовар и принесла калачей, но мы, отказавшись от радушно предложенного угощения, отправились обратно. По приезде Тупицын рассказал мне, что прадед его Лазарь вышел откуда-то с реки Ишима вскоре по основании А. Н. Демидовым Колыванских заводов и поселился с другими выходцами в пяти верстах от Барнаула, вверху по Оби, на левом ее берегу, у подошвы крутого косогора. Сначала они жили в землянках, занимались рыбной ловлею и работали на заводе: перевозили руду и уголь. Дед Иван умер с лишком восьмидесяти

лет; отец Гаврило жил более семидесяти. Все они знали много былин, песен и преданий. Кроме того, дед славился еще и знахарством и выкидывал непостижимые штуки против недобрых, дружек и свах.

Отец Леонтия, занимаясь по вечерам в избе какой-либо работой, напевал постоянно былины или рассказывал о стародавних временах. Во время исправления *повытки* (урочной заводской работы, состоящей в рубке дров, перевозке руд и угля), когда бывало *станут лагерем* (на ночлег или для корма лошадей), тогда все, собравшись к огню, садились около старика и слушали его былины, которые нравились также и господам. Казачьи урядники и казаки, охранявшие солёные озёра Ямышевское и Боровое, куда он ездил за солью, всегда за это удовольствие позволяли ему нагреть веза три бесплатно. Леонтий, прислушиваясь к былинам, напевал их после один и таким образом удержал в памяти; но многое, говорит, позабыл. Теперь он считает себе более шестидесяти лет. Овдовев лет двадцать пять назад, он через четыре года женился в другой раз. От первой жены остались три сына и три дочери, от второй имеет четырёх сыновей, из которых только старшему ныне семнадцать лет, и двух дочерей. Двое из сыновей от первого брака женаты, а дочери все замужем. Занимаясь рыбной ловлею и перевозкою руды и угля, умел делать телеги, разную посуду, вить верёвки, вязать сети, он жил хорошо. Но после смерти первой жены, женитьбы сыновей и выхода замуж дочерей, когда семья разрознилась, хозяйство стало *распадаться*, особенно после двух постигших его несчастий, которые довели и его до крайней бедности. Первое, случившееся лет шестнадцать назад, состояло в том, что однажды, когда он поехал на дровнях за сеном, вонзилась в икру левой ноги лежавшая на дороге сосновая *зелина* (зелье, из которого городят *заездки* для верш). Выдёргивая сгоряча занозу, он переломил её. Нога в колене согнулась, отчего он девять лет ходил на костылях с большим трудом, но всё-таки занимался домашними работами. Рана не заживала, но на десятом году на другой стороне ноги, против раны, образовался нарыв и показался конец занозы, которую Леонтий мало-помалу вытащил, после чего рана закрылась; нога же осталась согнутою, так что во время ходьбы он ступает только на оконечности пальцев, не касаясь земли подошвою. Другое несчастье — внезапная слепота, по-

разившая его в 1863 г. Это случилось в мясопустное заговенье. Леонтий был в гостях у двоюродного брата Ивана Тупицына. Возвращаясь часов в шесть вечера домой, он шёл по переулку. Погода была тихая, но вдруг пахнул в лицо налетевший с косогора ветерок, отчего у Леонтия «затряслись веки и в глазах потемнело», так что он добрался до избы уже ошупью. На эту странную причину внезапной слепоты я обратил внимание местных медиков, которые отозвались, что подобные случаи бывают. Несмотря на потерю зрения, он постоянно занимается какою-либо работой... Выдалбливает водопойные колоды и корыта *сеяницы* (сеяльницы), *начевки* (лотки) для калачей и проч.; делает вилы и грабли; прядёт лён и пеньку, на сделанной им самим ещё до потери зрения прядехе (самопряхе), вьёт верёвки и вяжет сети, рубит деревья, косит траву, лишь бы указали ему *постать* (место на лугу). Года три назад нарубил для одного из соседей сажен 12 дров. Леонтий шьёт даже *азямы* (армяки) из крестьянского сукна, скроённого женою, причём нитки в иголку вдевают дети. По заказу моему он сделал минувшим летом два водолейные корыта и однажды, во время приезда ко мне, приготовил двои головки для граблей. Узнав, что он и другие крестьяне вьют из содранной с молодых ветвей коры верёвки, я попросил его привезти несколько деревцев и показать мне, что он и сделал на моих глазах. Верёвки эти употребляются преимущественно для *кошей* (якорей) из сосновых *каракуль* (суковитых вершин). На якори эти становятся рыбацьи лодки...

Леонтий Гаврилович, обладающий обширной памятью и наблюдательностью, представляет замечательный тип даровитого великорусса. В простой речи он передает обстоятельно все случившееся с ним в жизни, виданное или слышанное от других. Убеждённый в справедливости всего, о чём говорится в былинах, он поёт их с выражением на лице чувства внутреннего удовольствия, увлекаясь, при поэтической его натуре, в мир фантазии, забывает, кажется, настоящее.

Пение и музыка производят на него особенное впечатление, очевидно приятное, как можно судить по проявлявшейся на лице улыбке. Заслышав знакомый ему напев, он, при чутком музыкальном слухе, не может удержаться, чтобы не подтягивать про себя мелодии. Кроме былин он знает довольно других песен обрядо-

вых, круговых и проч., сказок, поверий. Хотя голос его уже потерял полноту и свежесть, однако ж былинами его заслушивались все. Женская прислуга у жены, когда он по вечерам начинает петь их, трогается до слёз. Вообще, насколько я могу судить по личным моим наблюдениям, жители здешнего края весьма сочувственно относятся к былинам и старинным нашим песням, сложенным народом, а не сочинителями, поддельвающими под народный лад...

Не лишним считаю прибавить, что на этих днях мне говорили об одном певце былин, столетнем старике, живущем в Барнауле...

Автограф. ГААК, ф. 163, оп. 1, д. 216, л. 201—210.

10. С. И. ГУЛЯЕВ — М. И. ПИСАРЕВУ

Модест Иванович Писарев (1844—1905) — известный русский актер и литературный критик, друг и первый издатель сочинений А. Н. Островского. После окончания Московского университета долгие годы работал в провинциальных театрах, где завоевал славу лучшего исполнителя в пьесах А. Ф. Писемского и А. Н. Островского. С 1885 г. — актер Александринского театра в Петербурге. М. И. Писарев был близок к революционно-демократическому лагерю, встречался с Чернышевским и Некрасовым, дружил с известным фольклористом-демократом П. И. Якушкиным. Письмо С. И. Гуляева к М. И. Писареву было вызвано желанием актера собрать воспоминания о П. И. Якушкине, на которое Гуляев с готовностью откликнулся. Текст воспоминаний в настоящее время считается утерянным.

Барнаул, 1 февраля 1876 г.

Милостивый Государь Модест Иванович.

Получив от моего сына Николая Степановича письмо из Казани (от 1 декабря) долгом считаю принести Вам мою искреннюю благодарность за принимаемое в нем участие и покорнейше прошу не отказать ему в этом на будущее время. Жалею от души, что не могу выразить Вам лично моей благодарности за все для него сделанное.

По просьбе Коли я нынче же послал ему воспоминания о знакомстве моем с покойным другом Вашим

Павлом Ивановичем Якушкиным, которые Коля, как видно, желает передать Вам. Прошу располагать моими заметками, и буду рад, если они для Вас пригодятся.

Из них Вы увидите, что я, попавши «волею-неволею» в чиновничью колею, принимал некоторое участие в интересовавшем обоих нас деле: собирания произведений народной поэзии, сохраняющихся в былинах и песнях. Стремление к этой цели было у нас одинаково, но, по семейным обстоятельствам и заботам о завтрашнем дне, я не мог, подобно Павлу Ивановичу и другим, трудившимся на этом поприще, посвятить себя исключительно любимому предмету. Впрочем, кроме статей, напечатанных в «Библиотеке для чтения»¹ (на 1848 г.) Сенковским², «Известиях Академии Наук»³ и в «Записках Географического Общества»⁴, я приготовил по приезде из Петербурга большую рукопись, заключающую заметки о колонизации здешнего края, описание нравов, обычаев и поверий русского населения, свадебных обрядов, знахарства, собрание былин, народных песен, — в строгом значении этого слова, обрядовых, круговых или хороводных и проч., но ожидаю возможности напечатать это, — не обинуясь скажу, — солидное сочинение⁵.

Пользуясь настоящим случаем, покорнейше прошу принять от меня, в знак особого уважения, изданный мною в 1859 г. «Опыт грамматики русского языка» под псевдонимом «домашнего учителя С. Алейского»⁶. Он писан был еще в 1851 г. для старшего моего сына Александра (обучавшегося в латинской гимназии), но существовавший тогда особый «цензурный комитет по рассмотрению учебных руководств» не пропустил рукопись самого невинного содержания, опасаясь вредных последствий от напечатания «предварительных понятий» (логических объяснений)! Исключить их, как предлагал Комитет, я не согласился; по упразднении же Комитета печатание рукописи было разрешено безусловно, но я успел напечатать только один первый выпуск, второй, окончательный, по случаю определения на службу в Барнаул, остается в портфеле.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

С. Гуляев.

Печатается по автографу: ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. 231 М. И. Писарева, д. 67, л. 1—2 об.

¹ «Библиотека для чтения» — ежемесячный журнал, выходивший в Петербурге в 1834—1865 гг., первый «толстый» журнал в России. В 1848 г. в № 9 и 11 журнал опубликовал пространную статью С. И. Гуляева «Этнографические очерки Южной Сибири». По словам автора, «статья эта, заключающая описание свадебных обрядов, народные песни, наговоры знахарей и словарь, была составлена из воспоминаний отроческих и юношеских лет и материалов, присылавшихся в Петербург разными лицами...» (ГААК, ф. 163, оп. 1, д. 214, л. 1).

² О. И. Сенковский (1800—1858) — русский писатель, журналист, востоковед, редактор и издатель журнала «Библиотека для чтения».

³ С. И. Гуляев имеет в виду свою публикацию двух былин и одной «старинной» песни в издававшихся И. И. Срезневским «Известиях Академии Наук по отделению русского языка и словесности» — ИОРЯС, т. 3, СПб., 1854, раздел «Прибавления», стлб. 257—264.

⁴ С. И. Гуляев. Об Иртыше и странах им орошаемых. В кн.: Вестник РГО на 1851 г. СПб., 1851. Ч. III. Кн. 5—6.

⁵ «Солидное сочинение», проспект которого дал Гуляев, долгое время считалось утерянным. Однако описание состава рукописи совпадает, в основном, с содержанием пяти рукописных тетрадей, представляющих собой беловой автограф С. И. Гуляева и хранящихся в рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский дом) — ф. 163, оп. 1, д. 59 (1—5). Эти тетради могут стать основой для реконструкции «гуляевского фольклорного сборника».

⁶ Алейский (Гуляев). Опыт грамматики русского языка. СПб., 1859.

11. Г. Н. ПОТАНИН — С. И. ГУЛЯЕВУ

Григорий Николаевич Потанин (1835—1920), русский исследователь Центральной Азии и Сибири, журналист и общественный деятель, идеолог сибирского областничества. Потанину посвящено два тома «Литературного

наследства Сибири» ((6-й и 7-й). Составитель 6-го тома приводит следующее свидетельство писателя В. Шишкова о месте Потанина в общественной жизни Сибири: «Потанин пользовался по всей Сибири громадной популярностью, почти такой же, как Лев Толстой в России» (цит. по кн.: Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 7). Знакомство и переписка Потанина и Гуляева продолжались несколько лет и питались общими научными интересами. К сожалению, эта переписка до сих пор не обнаружена.

Иркутск, 26 апреля 1880.

Многоуважаемый Степан Иванович.

Во время свидания с Вами в Барнауле Вы позволили мне обращаться к Вам с запросами и просьбами, и я теперь хочу воспользоваться Вашим дозволением.

1) Мне хотелось бы иметь из одной из Вами записанных былин несколько строчек, где говорится об Илье Муромце, как он рекомендует себя: Юриш Мариш Шишмаритин. Такое соединение корней я встретил в одной малоросийской сказке; там одна чудесная девица-оборотень, называемая Юрза-Мурза; в одной детской присказке, которую напевают во время деления на партни, говорится: Эндель, биндель, ципа, циндель, арци, барци, кулиш варци. К этому присоединить можно еще название царя в одной монгольской сказке Арджи Барджи. Подбирая параллельные случаи и считывая этим путем приобрести еще один факт для истории происхождения мифа вообще, мне хотелось бы иметь из Вашей былины несколько более длинное свидетельство, чем одно собственное имя.

2) Не можете ли сообщить, существует или нет в Барнауле легенда о том, что Улита, к которой прибежал Христос спастись от жидов, бросила своего сына в огонь в печь, а на руки взяла Христа и выдала его за своего сына, а когда жида ушли, сын Улиты, Кирик, оказался сидящим в печи невредимо.

3) Есть ли варианты сказки о Петре Великом, которую рассказывают в Бийском округе. Содержание сказки такое: Петр хотел, кроме наук, научиться и воровству; на первых же уроках он превзошел учителя. Затем он обворовывает казначейство; для этого он везет мимо казначейской караулки бочку вина на телеге с подрубленными колесами; против караулки телега

села, тогда Петр выпряг лошадь и уехал на ней за топором, а караульные перепились. Петр в это время и обокрал казначейство. Далее описываются разные придуманные царем меры поймать Петра, но он гениально все их обходит. Если есть легенды о Кирике и Улите, и о воре, хотя бы под другим именем, нельзя ли их записать.

Глубоко уважающий Вас
Григорий Потанин.

Мой адрес: в Иркутске, Восточносибирский отдел Географического общества для передачи Григорию Николаевичу Потанину. Жена моя шлет поклон всему Вашему доброму семейству.

Автограф. Архив АН СССР (Ленинград), р. 4, оп. 59, д. 5, л. 1—2 об.

12. С. И. ГУЛЯЕВ — С. Н. ШУБИНСКОМУ

Сергей Николаевич Шубинский (1834—1913), историк, редактор журнала «Исторический Вестник». Состоял в переписке и дружеских отношениях со многими видными русскими писателями и историками второй половины XIX века. Гуляев написал Шубинскому несколько писем, связанных с присылкой исторических документов для публикации в журнале.

Барнаул, 7 марта 1881 г.

Милостивый Государь Сергей Николаевич.

Имею честь препроводить к Вам для напечатания в издаваемом Вами «Историческом Вестнике» статью, заключающую некоторые эпизоды из «пугачевщины», покорнейше прошу не отказать мне в присылке 10-ти оттисков¹.

Занимаясь изучением Алтайского края в историческом и этнографическом отношении, я приготовил два сочинения, из коих одно состоит из следующих отделов:

1. О колонизации Южной Сибири.
2. О нравах, обычаях и говоре русского населения.
3. Народных удовольствиях, играх.
4. Свадебных обрядах.
5. Народных, в строгом смысле, песнях — обрядо-

вых, круговых (хороводных), девичьих, женских, мужских (вернее: юнацких), былевых (былинах), духовных стихах, напевах.

6. О знахарстве и поверьях².

Другое: о торговых сношениях с Чжунгарией в прежнее и с Западной Монголией в настоящее время. (В нем заключаются неизвестные еще в литературе сведения, относящиеся к китайскому вопросу)³.

Так как рукописи, по содержанию их, соответствуют программе «Исторического Вестника», то покорнейше прошу Вас почтить меня уведомлением или отзывом о том, угодно ли будет получить рукописи эти для напечатания в Вестнике или отзыв Ваш передать другу моему, Вашему сотруднику Александру Петровичу Милюкову⁴.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть

Вашим покорным слугою.

С. Гуляев.

Автограф. РО ГПБ, оп. 1, д. 18, л. 161 об.—162.

¹ Речь идет о статье С. И. Гуляева «К истории пугачевщины», напечатанной в «Историческом вестнике» за 1881 г., № 6.

² С. И. Гуляев имеет в виду фольклорно-этнографическую рукопись, о которой подробнее см. в его письме к М. И. Писареву.

³ Упомянутое «сочинение» также не было напечатано и сохранилось в архиве сибиреведа в виде разрозненных черновых вариантов.

⁴ Александр Петрович Милюков (1817—1897) — педагог и писатель. Закончил Санкт-Петербургский университет и преподавал в средних учебных заведениях столицы. Известность Милюкову принесли «Очерки истории русской поэзии» (1847 г.), в которых отразились взгляды В. Г. Белинского. Издавал журнал «Светоч», сотрудничал в «Историческом Вестнике», друг Ф. М. Достоевского, А. Н. Майкова и других видных писателей.

13. Н. М. ЯДРИНЦЕВ — С. И. ГУЛЯЕВУ

Николай Михайлович Ядринцев (1842—1894), писатель, публицист, экономист и этнограф, путешествен-

ник и общественный деятель, сибиревед и один из главных идеологов сибирского областничества. Ядринцев познакомился с Гуляевым в 1878 г. в свой первый приезд на Алтай и с тех пор до самой смерти ученого переписывался с ним. О судьбе этих писем ничего неизвестно. «Во многих других письмах к Гуляеву, — пишет Н. Н. Яновский, — Ядринцев посылал целые отчеты о своих экспедициях и делах, а с 1882 г. сообщает о своем детище — «Восточном обозрении». Гуляев опубликовал в газете большое количество разных статей, заметок, корреспонденций — от обличительных... до научных и краеведческих...» (Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 261).

Петербург, 18 января 1882 г.

Дорогой Степан Иванович!

Предпринимая издание в Петербурге, посвященное Сибири и азиатскому Востоку, первым долгом шлю Вам привет и программу, прошу не отказать в своем сотрудничестве и присылке материалов, какие найдете возможным послать. За все буду благодарен. В газете я дам значительное место научному отделу и исследованиям. Ваш же драгоценный материал ждет опубликования¹. Ваше имя было бы для меня лестно иметь на страницах газеты, как старейшего исследователя Сибири. Средства на издание уже скопляются, и я уже имею 10.000 р., и обещают еще. Как только накопится достаточно средств, начнем платить гонорар. В газете обещали участвовать все занимающиеся Востоком и Сибирью, начиная с ориенталистов. Постарайтесь распространить орган и в Барнауле, о чем контора рассылает особые письма.

Сообщаю последнюю новость: Григорию Николаевичу Потанину присуждена большая золотая медаль², мне — малая золотая за путешествие в Алтай в 1878 году³.

Примите уверения в моем глубоком уважении к Вам.

Н. Ядринцев.

Адрес пока на контору редакции: Ивановская, 13.

Печатается по книге: Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 261—262.

¹ «Драгоценный материал», о котором пишет Н. М. Ядринцев, это прежде всего фольклорные и этнографические записи, собранные Гуляевым, опубликованные при жизни ученого лишь частично (о сборнике таких материалов см. подробнее письмо С. И. Гуляева к М. И. Писареву). В советское время фольклорное собрание Гуляева публиковалось дважды: М. К. Азадовским в 1939 г. — «Былины и исторические песни из Южной Сибири» и И. Г. Париловым в 1952 г. — «Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева», обе книги вышли в Новосибирске.

Однако Н. М. Ядринцев имел в виду не только фольклорные и этнографические материалы, но и большое количество естественно-научных, экономических и обличительных заметок, написанных Гуляевым после переезда из Петербурга в Барнаул.

² За сочинение «Очерки северо-западной Монголии» (части 2-я и 4-я) Г. Н. Потанину была присуждена большая золотая медаль отделений этнографии и статистики Русского географического общества. Из-за нужды ученый вынужден был ее сдать и получить награду деньгами.

³ Малую золотую медаль Н. М. Ядринцев получил за работу «Поездка по Западной Сибири и горный Алтайский округ...» (Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО, 1880, вып. 11). Это исследование обратило внимание знатока географии М. И. Венюкова, который сделал по этому поводу доклад в Париже — оно было посвящено состоянию земледелия, скотоводства и горного промысла на Алтае, но более всего переселению крестьян.

(За эти указания благодарю Н. Н. Яновского — Ю. Т.).

14. К. М. БЭР — С. И. ГУЛЯЕВУ

Карл Максимович Бэр (1792—1876), естествоиспытатель, основатель эмбриологии, один из учредителей Русского географического общества, академик. В России находился с 1834 г. Среди научных заслуг Бэра — установление сходства эмбрионов высших и низших животных, описание развития всех основных органов

позвоночных, исследование Новой Земли и Каспийского моря, а также редактирование серии изданий по географии России.

Письмо господину Степану Гуляеву в Барнаул.

Я имел удовольствие получить Ваше письмо от 20 ноября¹, за которое я Вам очень благодарен. Не менее благодарна будет Вам Академия за Ваше сообщение, так как она уже давно хотела иметь возможность обследовать мягкие части мамонта, сохранившиеся в мерзлом грунте дальнего Севера. Академия, несомненно, примет меры, чтобы воспользоваться мамонтом, о котором было сообщено. Какие меры ей будут приняты, не могу Вам сообщить, так как решение об этом будет принято только 11 января.

К. Бэр.

Автограф на немецком языке. Архив АН СССР, собр. П. Л. Вакселя, д. 746, л. 1.

¹ Письмо не поддается точной датировке. В переписке С. И. Гуляева с И. Я. Словцовым имеется несколько писем, посвященных обнаруженному в 1877 г. на прииске А. И. Громова, в Мариинском округе, останкам мамонта. Речь в этой переписке идет, видимо, о другой находке: см. дату смерти К. М. Бэра.

**15. ДОНЕСЕНИЕ С. И. ГУЛЯЕВА
В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ
ОБ ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОМ
ОПИСАНИИ г. БАРНАУЛА**

Декабрь 1887 г., Барнаул.

В Центральный статистический комитет.

Действительный член Томского губернского статистического комитета Гуляев имеет честь представить историко-статистическое описание города Барнаула — резиденции управления Алтайскими заводами. Оно обнимает время с основания селения при Барнаульском заводе до освобождения приписных к Алтайским заводам крестьян и мастеровых от обязательных работ (в 1861—1863)¹.

В связи с этой статьей находятся составленные Гуляевым: очерк колонизации Южной Сибири, в которую вошел округ Алтайских заводов, и, по обширной программе, — этнографические описания, которые, по недостатку средств, остаются ненапечатанными².

С. Гуляев.

Автограф. Архив ГМЭ, ф. 1, оп. 2, д. 204, л. 1—1 об.

¹ Рукопись историко-статистического описания Барнаула пока не обнаружена, однако отдельные черновые фрагменты и подготовительные материалы к ней содержатся в нескольких делах личного архивного фонда С. И. Гуляева в Алтайском госархиве.

² Гуляев имеет в виду фольклорно-этнографический сборник, описанный им в письме к М. И. Писареву.

БЫЛИНЫ

1. Илья Муромец (первая поездка его в Киев)

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, Государственный архив Алтайского края, ф. 163, д. 214, л. 221—226.

Записана С. Гуляевым со слов крестьянина Леонтия Гавриловича Тупицына в Барнауле¹.

В архиве хранятся две рукописи этой былины: первая — беловая рукой С. Гуляева (л. 297—301), без нумерации стихов; вторая — беловая, написана другим почерком, с нумерацией стихов рукой С. Гуляева (л. 221—226). Тексты рукописи тождественны. Названа былина в рукописи «Про Илью Муромца. Первая поездка его в Киев».

В конце первой рукописи Гуляевым сделаны примечания, ссылки на варианты К. Данилова. XLVI, с. 352; П. В. Киреевского, вып. 1, с. 25—46, 77—86, вып. 4-й, с. 1—6; П. Н. Рыбникова, т. 1, с. 45—61 (л. 226, с. 2).

Напечатана Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером в книге «Русские былины старой и новой записи», М., 1894, отдел II, № 1, с. 1—7.

Перепечатана в кн. М. Азадовского «Былины и исторические песни из южной Сибири», Новосибирск, 1939, № 1, с. 34—39.

Былина эта — о Илье и Соловье-разбойнике — является широко популярной, известной в большом количестве вариантов. «Основной замысел былины о Соловье-разбойнике, — пишет А. Астахова, — дать образ

¹ К фамилии Л. Г. Тупицына в рукописи имеется сноска, рукой Гуляева написано: «Тупицын помер в 1878 г. Ниже помещаются биографические сведения об этой замечательной личности» (л. 221). Сведений этих нет.

могучего богатыря, совершающего подвиги, нужные народу, и силою и храбростью затмевающего князя и его приближенных». («Былины Севера», с. 606).

Сказитель Л. Тупицын показывает превосходство Ильи над князем Владимиром. Илья изображен полным достоинства и сознания своей силы и правоты. Оскорбленный несправедливым обвинением во лжи и хвастовстве, Илья отказывается от княжеского угощения, уходит из палаты князя Владимира и возвращается только после особого приглашения князя.

Ссоры Ильи с Владимиром — тема особой былины. В ряде случаев эпизод ссоры вводится в былину «Илья и Калин-царь». Тупицын искусно и вполне уместно вводит его в данную былину и тем усиливает в народном герое чувство собственного достоинства.

2. Илья Муромец и царь Калин

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 228—231.

Записана С. Гуляевым со слов Л. Г. Тупицына в Барнауле.

В архиве имеется две рукописи этой былины. Первая — беловая, с нумерацией стихов и правкой Гуляева (л. 228—231); вторая — беловая рукой Гуляева, без нумерации стихов, озаглавлена Гуляевым «Про Калина-царя» (л. 302—305). Тексты тождественны.

Как в первой, так и во второй рукописях рукой Гуляева слова «матушку Неву-реку», исправлено на «Батушку Днепр-реку» (стихи 7, 43, 49, 62).

В конце рукописи имеется примечание Гуляева: «XXIV былина в Древн. Российск. стихотвор. с. 242 одинаковая по содержанию с приведенною выше былиною, списанной со слов Тупицына, она заключает более подробностей о подвиге Ильи Муромца, и кроме того в ней говорится еще о Василии Пьянице» (л. 228).

Напечатана в кн. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера, отдел II, № 9, с. 30—34. Перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 2, с. 39—43.

Былина популярна и известна во многих вариантах.

«Илья Муромец и царь Калин» принадлежит к циклу былин о татарском нашествии. Как указывает А. Астахова, эти былины сохранились на Севере и в Сибири.

Данный сюжет — ближе к олонецким былинам, за-

писанным Гильфердингом на реке Моши (Гильфердинг, т. III, № 304). Выразительно описывается патриотический подвиг Ильи, его расправа с татаринном в палате Владимира, победа над царем Калиным.

3. Про Илью Муромца и царя Калина

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 289.

Записана Д. Соколовым в Сузунском заводе от Половникова. Название былины дано Гуляевым.

Рукопись Д. Соколова написана без разделения на стихи. На ней следы правки Гуляева. Сверху рукой Д. Соколова помечено: «Со слов старика Половникова» (л. 289).

В архиве имеется вторая беловая рукопись этой былины, сделанная рукой Гуляева с разделением на стихи и нумерацией их (л. 232—234). Это беловая рукопись помещена вслед за былиной Тупицына «Про Илью Муромца и царя Калина», поэтому в начале ее помечено «тоже, в Локтевском и Сузунском заводах» (л. 232).

В конце беловой рукописи примечание Гуляева: «Напечатано в «Прибавлениях к Известиям Акад. Наук, т. III». Перепечатано Киреевским, вып. 1 (с. 66).

Напечатана по рукописи архива АН (ф. 216, оп. 8, № 204) в сбор. «Былины и исторические песни», № 36, с. 122—125.

Настоящая былина является вариантом былины об Илье и Калине. Она отличается от предшествующей былины Тупицына тем, что в ней введен эпизод ссоры Ильи с Владимиром. В ней усилено, сравнительно с вариантом Тупицына, отрицательное изображение бояр, которые рисуются клеветниками и изменниками. Илья перед походом на Калина требует бояр к себе и казнит их.

4. Илья Муромец и богатырь Турок

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 243.

Рукопись беловая, написана рукой С. Гуляева и названа «Про Илью Муромца и богатыря Турка».

В конце рукописи примечание Гуляева: «Былина эта списана со слов барнаульского мещанина Калистратова».

Былина была впервые опубликована в статье Гуляева «Этнографические очерки Южной Сибири», в журнале «Библиотека для чтения», 1848, т. 90, отд. III, с. 107—108; вновь напечатана была в «Известиях Академии наук» (II, 1853, «Памятники и образцы», XII, с. 153); перепечатана у Кирсевского, вып. 1, с. 93.

Напечатана по рукописи архива АН в кн. «Былины и исторические песни...», № 11, с. 81.

Для данного варианта былины характерна замена постоянных врагов татар — турками. М. Азадовский такую замену считает результатом бытования былины в казачьей среде.

5. Об Илье Муромце и Алеше Поповиче

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 249—250.

Записано со слов старика солдата Василья Худяшова в Локтевском заводе.

Рукопись беловая почерком С. Гуляева.

Напечатана по рукописи архива АН в кн. «Былины и исторические песни...», № 44, с. 140.

По словам составителя кн. «Былины и исторические песни...», «текст этот» — вариант редкой былины о богатырях на Соколе-корабле, известной, главным образом, в Сибири у казаков.

«В Енисейском округе — пишет М. Азадовский, — былина о Соколе исполнялась в качестве величальной обрядовой песни во время святочных праздников. Певцы носили с собой укрепленную на длинном шесте звезду, на наружной стороне которой был изображен корабль. Нос этого корабля имел форму змея, на корме — Полкан-богатырь, на палубе — Добрыня, Илья Муромец и Алеша, потом три церкви, солнце, месяц и звезда, турецкий город и море, где турки на катерах» (с. 183).

В варианте Худяшова упоминается некий Многолюд-богатырь; видимо, сказитель забыл имена других героев, обычно упоминаемых в этой былине.

6. Про Илью Муромца и Тугарина

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 227—227а.

Записана Соколовым в Сузунском заводе.

Былина озаглавлена Гуляевым «Про Илью Муромца и Тугарина».

Былина была опубликована С. Гуляевым в «Известиях Академии наук» (т. III, 1854, «Памятники и образцы», XXV, с. 257—259); перепечатана в сборнике Киреевского, вып. 1 с. 56; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 30, с. 110—111.

Сюжет былины исключительно редкий.

7. Об Илье Муромце и Борiske

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 273—274, 285—286.

Записана Д. Соколовым в Сузунском заводе от Епанешникова.

Рукопись Д. Соколова без разделения былины на стихи прислана С. Гуляеву в Петербург при письме от 6 июня 1853 г. В письме Д. Соколов пишет: «Епанешников рассказывает о князе Владимире, богатырях его: Илье Муромце, Добрыне и проч. Пелись только песни; и я в пример при сем одну выпишу со слов его без всякой поправки» (л. 285). Дальше в письме приводится текст былины.

К тексту былины имеется примечание Д. Соколова: «Подобно этому и о прочих богатырях рассказывает Епанешников, но объяснить он вполне не может совершенно; есть же старик, который прежде с ним певал эти песни, да тот уехал в Змеев на свиданье с сыном... Когда приедет, постараюсь от него выведать через Епанешникова, который называется его другом» (л. 286, с. 2). Друг Епанешникова, о котором говорит Д. Соколов, это, вероятно, сказитель Половников.

В архиве С. Гуляева кроме названной рукописи былины, имеются еще две беловые рукописи. Одна Д. Соколова, видимо, прислана позже, тождественная по тексту присланной Гуляеву с письмом (л. 273—274). Вторая рукопись беловая с разделением на стихи и нумерацией их (л. 246—249). Эта рукопись помещена вслед за былиной, озаглавленной рукой Гуляева «Об Илье Муромце и Алеше Поповиче», записанной со слов старика Епанешникова в Сузунском заводе, поэтому в начале ее помечено «Об них же (записано со слов старика Епанешникова)».

Эта последняя беловая рукопись является гуляевской редакцией былины, присланной Д. Соколовым.

В редакции С. Гуляева этот текст был опубликован в «Известиях Академии наук» (II, 1853, «Памятники и образцы», XIV, с. 161—163); перепечатано у Киреевского, вып. 1, с. 7, напечатано в кн. «Былины и исторические песни...», № 29, с. 107—109.

В письме к И. И. Срезневскому С. И. Гуляев дает характеристику этого текста Епанешникова.

«Имею честь представить вам одну былину об Илье Муромце и Алеше Поповиче» доставленную из Сузунского завода учителем тамошней горной школы Д. П. Соколовым... К сожалению, былина, списанная со слов одного старика Епанешникова, заключает, как вы изволите заметить сами, пропуски, пополнить которые г. Соколову было невозможно за неимением в виду других лиц, знающих, подобно Епанешникову, богатырские былины. Равным образом нельзя было г. Соколову сообщить и напева, потому что в Сузунском заводе нет никого, кто бы мог написать ноты с голоса».

В конце письма С. И. Гуляев говорит: «Представляемая былина, сколько можно судить по содержанию ее, есть та же самая, которая напечатана в «Древних Русских Стихотворениях» под заглавием: «Илья ездил с Добрынею» (с. 360—366, № XII). Бориска, о котором говорится в былине Епанешникова, есть Сбут-Борис-Королевич Кирши Данилова» («Былины и исторические песни...», с. 175—176).

Былина Епанешникова принадлежит к группе былин об Илье Муромце и сыне его.

В разных вариантах сын Ильи называется по-разному: Сокольник, Подсокольник, Збут-Королевич и др.

К белой рукописи былины С. Гуляев дает большой словарный комментарий, который мы используем в «Словаре».

8. Илья Муромец и сын его

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 176—177.

Текст былины находится в тетради, названной «Русские народные песни»; от кого и где записано, не указано.

Настоящий текст является вариантом к былине «Об Илье Муромце и Бориске» (см. № 7).

9. Добрыня Никитич и отец его
Никита Романович
(Бой со Змеем)

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 326—334.

Рукопись беловая почерком С. Гуляева, с разбивкой на стихи. Где и от кого записаны былины, не указано; по данным М. Азадовского — от сказителя Тупицына.

В заглавии она была первоначально названа «Про Никиту Романовича отца Добрыни». Затем исправлена «Про Добрыню Никитича и отца его Никиту Романовича».

Напечатана Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером, отд. II, № 21, с. 68—77; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни» № 3, с. 43—51.

В опубликованных текстах по сравнению с текстом архивной рукописи вставлены стихи 197, 230, 377. Стих 397 был опущен.

Сюжет былины популярен, это сюжет о бое Добрыни со Змеем.

Сказитель этой былины перенес в нее некоторые описания Змея из былины о борьбе Алеши Поповича со Змеем Тугариным. (Характеристика Тугарина перепесна на Змея Горыныча).

В типовых вариантах Добрыня спасает Забаву Путятишну, племянницу князя Владимира, которую похищает Змей. В данной былине Змей уносит жену князя Владимира Апраксию. Эта замена геронни былины, несомненно, результат забвения текста. Сказанное подтверждается не только сличением с другими вариантами былины, где в плен к Змею всегда попадается Забава, но также странно звучащим в устах князя Владимира предложением Добрыне отдать ему в жены освобожденную княгиню Апраксию (Апраксия — жена Владимира). В других вариантах идет речь о возможности женитьбы Добрыни на племяннице Владимира — Забаве Путятичне.

В ряде вариантов этой былины Добрыня побеждает Змея «шапкой земли греческой», в чем представители исторической школы усматривали отражение крещения Руси. В данной былине

Зажимал Добрыня ком желта песка,
Бросал в Змеишше, зла Горынишша,
Отшиб Змеишшу тридцать хоботов...

10. Добрыня Никитич и Василий Казимерской

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 315—321.

Записана от сказителя Л. Тупицына в Барнауле.

Рукопись былины беловая, написана рукой С. Гуляева с разделением на стихи, озаглавлена «Про Василия Казимерского».

Напечатана Н. С. Тихонравовым, В. Ф. Миллером, отд. II, № 37 с. 134—142; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 3, с. 51—59.

В этих изданиях в тексте прибавлен стих 286, эпитет «богатый» (стих 5, 16) заменен эпитетом «удалый»; в стихе 321 вместо «по подлавечью» напечатано «по подлавке».

Былина эта часто называется «Добрыня Никитич и Василий Казимерский». И действительно, Добрыне в тексте отводится большая роль. Он здесь показан как разнообразно талантливым человеком: и как могучий богатырь-патриот, и как мастер разных игр и состязаний.

11. Про Добрыню и жену его (Отрывок былины)

По рукописи архива АН напечатано в кн. «Былины и исторические песни...», № 46, с. 143.

Согласно примечанию М. Азадовского, записана С. Гуляевым от мастера Кольванской шлифовальной фабрики Н. В. Черешнева.

Текст представляет собой начало неизвестной былины.

12. Первый выезд Алеши Поповича

Напечатана Вс. Миллером («Живая старина», 1911, с. 446); перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 42, с. 138. В архиве Гуляева не найдена. Согласно примечанию М. Азадовского, записано С. Гуляевым в Локтевском заводе со слов заводского мастера-инвалида Кузеванова.

Текст является началом былины, описывающим сборы молодого богатыря. По соображениям исследователя, первоначально это была былина о Добрыне Никитиче, затем имя Добрыня было заменено Алешей («Былины и исторические песни...» с. 182).

13. Алеша Попович и Еким Иванович

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 292—295.

Записана Д. Соколовым в Сузунском заводе со слов старика нищего.

Рукопись этой былины прислана Д. Соколовым С. И. Гуляеву при письме от 23 февраля 1860 г. вместе с рукописью былины о Суханьше Замантьевиче.

В письме Д. Соколов сообщает обстоятельства, при которых были записаны обе былины (см. примечание к былине № 18).

Рукопись Д. Соколова не озаглавлена, без деления на стихи.

В архиве имеется вторая рукопись былины — беловая рукой Гуляева, с разделением на стихи, озаглавлена «Алеша Попович и Еким Иванович» (л. 251—253). Это гуляевская редакция рукописи Д. Соколова.

По этой рукописи былина была напечатана Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером, отд. II, 228, с. 93—97; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 40, с. 130—134.

В беловой рукописи Гуляева и напечатанных текстах этой былины допущены ошибки. Например: 7-й стих читается «Тут-то Алеша *тучен* человек». Эпитет «тучен» никак не характерен для Алеши. Здесь несомненная ошибка переписчика, т. к. у Д. Соколова мы читаем «Тут-то Алеша *поучен* человек». И это в данном контексте единственно правильный эпитет, т. к. дальше рассказывается, как Алеша рассматривает подписи на камне.

Следует отметить также, что стихи 27—36 — общее место, Д. Соколовым не были записаны полностью, в рукописи сказано, что «далее те же самые слова, что и о Чернигове» (л. 292). Известно, что сказитель не всегда точно повторяет общие места, требуется каждый раз полная запись.

Сюжет данной былины рассказывает о борьбе Алеши Поповича с Тугариным. Алеша рисуется как храбрый богатырь.

В публикуемой былине бой Алеши с Тугариным происходит на Куликовом поле, что, видимо, связано с памятью о победе русских войск над Мамаем.

14. Алеша Попович

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 135.

Записана А. И. Лазебниковым в Ордынском; прислана Гуляеву с письмом от 23 ноября 1870 г.

Напечатана у Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера, отд. II, № 30, с. 101; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 24 (с. 96).

Былина напечатана, видимо, в редакции С. Гуляева или издателя: она отличается от текста А. Лазебникова по зачнну. У Лазебникова: «У нас то было во Московском государстве», напечатано «Как во стольном городе во Киеве» и т. д.

Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером, а вслед за ними М. Азадовским былина отнесена к Чумышской волости. Это неверно, т. к. на тетради записей А. Лазебникова рукой С. И. Гуляева зачеркнуто «из Чумышской волости» и написано «от Лазебникова из Ордынска»¹.

Публикуемый текст является отрывком из героической поэмы об Алеше Поповиче.

15. Об Алеше Поповиче

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 274—275.

Записана Д. Соколовым в Сузунском заводе от Епанешникова.

Рукопись Д. Соколова без деления на стихи, не озаглавлена.

В архиве имеется вторая рукопись былины с делением ее на стихи и нумерацией их рукой Гуляева, озаглавленная «Об Илье Муромце и Алеше Поповиче», с примечанием С. Гуляева: «Записана со слов старика Епанешникова в Сузунском заводе» (л. 244—245).

Опубликована в редакции С. Гуляева в «Известиях Академии наук», т. II, 1853, «Памят. и обр.», XIV, с. 166—167); перепечатана у Киреевского, вып. III, с. 56 и в кн. «Былины и исторические песни...», № 31, с. 111—113.

16. Михаил Казарян

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 311—314.

¹ Это относится ко всем записям А. Лазебникова.

Записана С. Гуляевым от Л. Тупицына в Барнауле. Рукопись беловая рукой Гуляева. Названа «Про Михайла Казарятина».

В конце рукописи примечание С. Гуляева: «Михаил Казарятин, — говорил старик Тупицын, поясняя былинку, — ездил поляничагь двенадцать лет, а без него татары увезли сестру, о чем он не знал. Он остался семи лет». Но в былине об этом не пелось, только рассказывалось (л. 314).

Напечатана Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером, № 41, с. 149—153. Перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 7, с. 67.

17. Василий Пьяница

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 137—138.

Записана А. Лазебниковым в Ордынском. Рукопись беловая рукой А. Лазебникова, без деления на стихи, не озаглавлена. По рукописи правка и разбивка на стихи рукой С. Гуляева, с примечанием его: «Редакция исправлена по другому варианту» (л. 137, с. 1). Другого варианта этой былины в архиве нет.

Былина напечатана Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером, отд. II, № 39, с. 146—148. Перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 25, с. 97—98.

В опубликованном тексте былины на пять стихов больше, чем в тексте Лазебникова. Это произошло вследствие внесения повторений в стихах 5, 42, 44, а также вставки стихов 48, 86, 90 (по опубликованной редакции).

Былина «Василий Пьяница» принадлежит к циклу былин о героической борьбе русского народа с татарами. Герой ее — представитель голи кабацкой, бедноты — спасает родину от врага «собаки Подольского царя»; в других вариантах враг именуется Батыгой.

18. Суханьша Замантьев

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 295—296.

Записана Д. Соколовым от старика нищего в Сузунском заводе.

Текст этой былины прислан Д. Соколовым С. Гуляеву одновременно с былиной «Алеша Попович и Еким Иванович» при письме от 23 февраля 1860 г.

Рукопись былины написана карандашом без разбивки на стихи и не озаглавлена.

В письме С. Гуляеву Д. Соколов сообщает любопытные сведения о записи былины.

«Посылаю Вам при сем, — пишет Д. Соколов, — две побывальщины или сказки, не знаю, как правильно назвать, списанные ныне со слов старика-крестьянина случайно. Этот старик нищий жил по просьбе моей у меня 12 недель. Однажды вечером я, чувствуя себя хорошо, начал рассказывать бывшим со мною про великого князя Дмитрия Ивановича, как он победил Мамая. И лишь только кончил, как старик закричал, что я вру, и стал объяснять по-своему (как это Вы увидите из второй побывальщины) и при этом сказал с уверенностью, что на поле Куликове и доныне костей надуло горы, а костей по всему полю, как снегу белого. Вот это-то заставило меня просить его еще что-нибудь подобного этому рассказать — что он и исполнил» (л. 291—292).

Напечатана Тихонравовым и Миллером, отд. II, № 54, с. 188—190. Перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 37, с. 125—127. В обоих случаях были отнесены к сказителю Половникову, что, как можно видеть из письма Д. Соколова, неверно.

Былина «Суханьша Замантьев» принадлежит к циклу былин о татарщине. Герой ее в других вариантах именуется Сухманом, Суханом. Некоторые исследователи выдвигают гипотезу о том, что в былине отразились события Куликовской битвы, победа русских над Мамаем.

В былине дан выразительный образ взбушевавшегося Днепра, который, по меткому замечанию, «принял характерные очертания взбушевавшейся горной (Алтайской) реки во время половодья» («Былины и исторические песни...», с. 179—180).

19. Скимен-зверь

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 130.

Записана А. Лазебниковым в Ордынском.

По замечанию М. Азадовского, «Былина эта явля-

ется одной из самых загадочных в русском эпосе, и вопрос о ее происхождении, как и о происхождении Скимена-зверя, еще не получил должного разрешения. Вероятнее всего, что это было своеобразной заповкой к былинам о Добрыне; позже она оторвалась от основного текста и получила самостоятельный характер, как это, например произошло с заповкой о турах» («Былины и исторические песни...», с. 172).

20. Скимен-зверь

Записана В. И. Гуляевым в Локтевском заводе.

Впервые опубликована в «Известиях Академии наук» (т. II, 1853, с. 169—171), перепечатано у Киреевского, вып. II, с. 9, перепечатано в кн. «Былины и исторические песни...», № 41, с. 137—138. В архиве С. И. Гуляева данного текста не обнаружено.

21. Скимен-зверь (Рождение богатыря)

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 219—220.

От кого и где записана, не указано.

В архиве С. Гуляева рукопись былины о Скимене озаглавлена «Рождение богатыря». Этот текст напечатан Тихонравовым и Миллером, № 18, с. 65—66 под названием «Добрыня» (Скимен-зверь, рождение), с примечанием: «Былина эта была записана С. И. Гуляевым в Локтевском заводе и напечатана в неполном виде в «Прибавл. к Извест. Импер. Акад. Наук», т. II, с. 173, 174, а затем перепечатана в сб. Киреевского (рис. II, с. 9—10). Впоследствии она была записана вновь в более исправленном виде С. И. Гуляевым в Барнауле и в Чумышской волости» (с. 66).

Текст, опубликованный Тихонравовым и Миллером, был перепечатан в кн. «Былины и исторические песни...», № 23, с. 95—96.

М. Азадовский в примечании к напечатанной им былине «Скимен-зверь» пишет: «Неясно, было ли в распоряжении С. И. Гуляева два совершенно сходных варианта, из которых он выбрал один, или же был сводный текст из двух вариантов» (с. 172). На наш взгляд, опубликованный текст «Рождение богатыря», рукопись которого имеется в архиве (л. 219, 220), яв-

ляется сводным, компилятивным, источников которого, кроме текста А. Лазебникова, нет в архиве. Что мы имеем дело с компиляцией С. Гуляева, подтверждается примечанием его в конце текста рукописи «Рождение богатыря». Указывая, что былина была напечатана в «Известиях Акад. Наук», а затем Киреевским, Гуляев добавляет: «дополнена из 3-х былин, записанных в к...». Последняя фраза зачеркнута.

22. Рождение богатыря

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 283.

Записана Д. Соколовым в Сузунском заводе, прислана С. Гуляеву при письме от 30 января 1854 г. От кого записана — не указано.

По рукописи архива АН опубликована в кн. «Былины и исторические песни...», № 35, с. 120.

Текст представляет собой начало былины.

23. О Дунае Ивановиче

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 275—276.

Записана Д. Соколовым в Сузунском заводе. От кого записана, в рукописи не указано; по данным М. Азадовского, от сказителя Епанешникова («Былины и исторические песни...», с. 177).

Рукопись Д. Соколова прислана Гуляеву с письмом от 15 июля 1853 г. В ней текст дается без разделения на стихи, не озаглавлен.

Запись Соколова общие места не повторяет целиком, ограничивается заметкой «и т. д.».

Герой в рукописи именуется «Сдунай».

Былина была напечатана в «Известиях Академии наук» (т. II, 1853, Пам. и обр. XIV, с. 166—167); перепечатана у Киреевского, вып. III, с. 56; напечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 32, с. 113—115. В архивной рукописи стихов 3—10 нет, они вставлены Гуляевым или издателем.

Некоторые варианты былины о Дунае Ивановиче соединяют тему добывания невесты (ср. «Добрыня-сват») с темой состязания и смерти мужа и жены.

В публикуемом варианте былины добывания невесты

сты нет, имеется лишь часть, говорящая о состязании Дуная в стрельбе с женой, о гибели жены Дуная и его самого.

24. Ставер Годенович

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, т. 163, д. 214, л. 322—325. Записана С. Гуляевым от Леонтия Тупицына в Барнауле. Рукопись беловая чернилами, с разбивкой на стихи, озаглавлена «Про Ставра Годеновича».

Напечатана Тихонравовым и Миллером, отд. II, № 56, с. 193—196; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 5, с. 59—62.

25. Иван Годенович

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 306—310.

Записана С. Гуляевым со слов Л. Тупицына в Барнауле.

Рукопись написана рукой С. Гуляева, беловая. В конце даны ссылки на варианты у К. Данилова (XV, «Древние Российские стихотворения», с. 135); у П. В. Киреевского, вып. III, с. 9, «Иван Годенович»; в сб. П. Н. Рыбникова, с. 197—205.

Рукопись заканчивается заметкой С. Гуляева: «В былине, переданной крестьянином Тупицыным, недостает начала, которого он не мог припомнить, говоря, что так пел ее отец» (архив, д. 214, л. 310, с. 2).

Напечатана Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером, № 42, с. 153—159. Перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 6, с. 63—67.

Былина эта весьма популярна. Сибирский колорит былины, по замечанию М. Азадовского, заключается в описании звериных следов.

26. Иван Гостиный сын

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 141—143.

Записана А. Лазебниковым в Ордынском.

Рукопись без деления былины на стихи, озаглавлена «Старина». По рукописи правка Гуляева; им вставлены в опубликованных текстах стихи 68—70.

Напечатана Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером,

№ 55, с. 190—192. Перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 26, с. 99—101.

27. Про Чурила Пленковича

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 283—284.

Записана Д. Соколовым от сказителя Епанешникова в Сузунском заводе.

Текст былины был препровожден Д. Соколовым С. Гуляеву при письме от 30 января 1854 г.¹ Рукопись без разделения на стихи, не озаглавлена.

Была опубликована в редакции С. Гуляева в «Известиях Академии наук», т. III, 1854, «Памят. и обр.» XXV, с. 259—262. Перепечатана Киреевским, IV, с. 87.

По рукописи архива АН напечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 33, с. 115—117.

Текст Д. Соколова правлен С. Гуляевым: вместо «чаем-кофеем» написано «сладким медом» (стих. 26); вместо «слуге ее горничной» напечатано «сенной девушке» (стих. 27); в опубликованном тексте стихи 19, 35 — опущены; внесено в текст повторение «выпал белый снег» (стих 11); общее место: «Он грозно по горенке похаживает...» (стих. 55—58) Д. Соколовым записано неполностью, обозначено словами «и проч.».

28. Чурило Пленкович

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 140—141.

Записана А. Лазебниковым в Ордынском.

Рукопись написана без разделения на стихи, названа «Старина». По рукописи правка С. Гуляева: «Белемель» — везде исправлено на «Бермято», «Василиса Николаевна» — на «Василису Никулишну». Рукой Гуляева текст разбит на стихи.

Напечатана Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером, № 45, с. 163—165; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 27, с. 101—103. В этом последнем издании выпали (или выброшены) стихи 56, 57.

Текст является вариантом былины «Про Чурила Пленковича» № 27.

¹ В этом же письме Д. Соколов сообщает о смерти сказителя Кондратия Васильевича Епанешникова, умершего 27 декабря 1853 года.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

29. Кострюк Иземзюрьевич и царь Иван Васильевич

Напечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 45, с. 141—142.

Согласно примечанию М. Азадовского, «записано со слов старика Василия Худяшова в Локтевском заводе; по указанию С. Гуляева пелась на мотив «комаринской».

По данным М. Азадовского, в архиве АН (ф. 216, оп. 4, № 244), имеется более ранняя запись этой былины, сделанная у того же сказителя. Она приводится в кн. «Былины и исторические песни...» (с. 158—159).

По замечанию М. Азадовского, вариант, записанный от В. Худяшова, принадлежит к числу ранних, о чем свидетельствует ее скомороший склад, а также строчки:

Как у нас было при славном при царе,
При Иване при Васильевиче,
При блаженной памяти его...

Интересно в данном тексте упоминание о двух бойцах «по прозвищу Калашниковы» (стих. 51—54). М. Азадовский говорит: это «проливает свет на происхождение имени героя лермонтовской поэмы». Очевидно, Лермонтов создал свою поэму не только на основании текста К. Данилова о Мастрюке Темрюковиче, как это утверждает П. В. Владимиров в кн. «Исторические народно-бытовые сюжеты поэзии М. Ю. Лермонтова» (чтение в ист. обществе Нестора летописца, VI, Киев, 1892), но и на основе других текстов этой песни, известных Лермонтову.

30. Про Ивана Грозного (Царь Иван Васильевич и сын)

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 341—344.

Рукопись представляет собою полевую запись С. Гуляева, сделанную карандашом, с разбивкой на стихи; озаглавлена «Про Ивана Грозного».

Полевые записи С. Гуляева, находящиеся в архиве, сделаны собирателем от Л. Тупицына. И хотя на

рукописи нет пометки об этом — ее следует отнести к Тупицыну. К этому же сказителю отнесен настоящий текст, видимо на основании данных С. Гуляева, и В. Ф. Миллером в его книге «Исторические песни...», с. 2—7, а также в кн. Азадовского «Былины и исторические песни...», № 8, с. 71—74.

Эта карандашная запись С. Гуляева имеется в архиве в белой рукописи, представляющей обработку полевой записи. В белой рукописи нет начальных 33 стихов (л. 338—340).

31. Царь Иван Васильевич и сын

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 272, 273.

Записана Д. Соколовым в Сузунском заводе от Епанешникова. Запись сделана без деления на стихи, не озаглавлена. На левом поле первого листа рукописи примечание Д. Соколова: «Эта песня со слов Епанешникова; я ее вовсе не намерен был писать, но как в письме вашем (имеется в виду письмо С. И. Гуляева — Ю. Т.) сказано: одним словом, все, что знает Кондр. Васильевич; поэтому и написал» (л. 272).

Эта рукопись Д. Соколова обработана, отредактирована и переписана С. Гуляевым, названа «Царь Иван Васильевич». К ней дано примечание: «записана в Сузунском заводе» (л. 335—337).

В редакции С. Гуляева песня напечатана В. Миллером в кн. «Исторические песни...», с. 7—11; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 34, с. 117—120.

32. Покушение на царя

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 344, 345.

Записана С. Гуляевым от Л. Тупицына в Барнауле. Рукопись полевая, карандашная, на одном листе с другой песней про Ивана Грозного (№ 30).

Песнь, как можно предполагать, была сложена об Иване Грозном; по содержанию она сближается с народными преданиями о боярской измене и о попытках бояр извести Грозного. Однако не лишено вероятия предположение, что эта песнь пелась так же, как песня о Петре I, о котором, как и о Грозном рассказывались

предания о заговорах бояр и их попытках убить царя-реформатора. Текст песни — уникальный.

33. О Иване Грозном (Правеж)

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 284.

Записана Д. Соколовым в Сузунском заводе. От кого — не указано. Прислана Гуляеву при письме 30 января 1854 г.

Текст является вариантом песни о правеже; она встречается под названием «Молодец и казна монастырская», в большинстве случаев песня эта приурочивается к имени Грозного, реже к имени Петра I.

По рукописи архива АН аналогичный текст напечатан в кн. «Былины и исторические песни...», № 39, с. 128—129. В архиве Гуляева этот текст не найден. Публикуемый нами текст, записанный Д. Соколовым, значительно отличается от текста, опубликованного в вышеназванной книге.

34. Про царя Ивана Васильевича (Правеж)

Печатается по тексту кн. «Былины и исторические песни...», № 39, с. 128—129.

В архиве С. И. Гуляева рукописи данного текста не найдено.

Песня является вариантом к публикуемому нами тексту № 33.

35. О царском Соколе

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 358.

Записана С. Гуляевым от Л. Тупицына. Текст представляет собой отрывок песни; по содержанию он совпадает с народными легендами о любимом соколе Ивана Грозного и царском сокольничем Трифоне.

36. Ермак Тимофеевич

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 215—216.

Записана в Локтевском заводе; от кого — не указано.

В архиве Гуляева имеются две тождественные по тексту рукописи этой песни.

Напечатана В. Миллером в кн. «Исторические песни...», № 43, с. 139.

37. Князь Михайло Скопин

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 347—348.

Рукопись беловая рукой Гуляева, названа «Про князя Михаила Скопина», от кого и где записана — не указано.

Напечатана В. Миллером в кн. «Исторические песни...», с. 27—29. Перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 9, с. 75—76. По указанию М. Азатовского, текст этой песни принадлежит сказителю Л. Тупицыну (с. 166).

Песня сложена в Московской Руси и говорит о смерти в 1610 г. Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, игравшего положительную роль в борьбе с шведско-польской интервенцией. Данный текст, так же, как некоторые печорские варианты, переносит действие в Киев ко двору князя Владимира.

38. Сын Степана Разина

Напечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 13, с. 83—84.

В архиве С. Гуляева этого текста не найдено.

По данным составителя книги «Былины и исторические песни...», текст этот первоначально напечатан В. Миллером в кн. «Исторические песни...», с. 37, затем А. Н. Лозановой в кн. «Народные песни о Степане Разине», Саратов, 1928, № 28 и в ее же книге «Песни и сказания о Разине и Пугачеве», Акад., 1935, № 30.

39. Казнь Степана Разина

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 213.

Согласно примечанию С. Гуляева, «записана в разных местах со слов старых людей». В рукописи песня названа «О Стеньке Разине».

Текст песни тождественен напечатанному Киреевским, вып. 7, с. 40—41, А. Н. Лозановой в кн. «Песни и сказания о Разине и Пугачеве», № 22, с. 52.

Песнь эта, по замечанию А. Н. Лозановой, один из старейших вариантов песни разинцев-казаков (с. 363).

40. О Салтыкове

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 360—361.

Согласно примечанию С. Гуляева, «записано в Барнауле со слов крестьянки Фетины Тырышкиной, предки которой вышли из Архангельской губ.» (л. 361). Напечатана В. Миллером в кн. «Исторические песни...», с. 44—45; перепечатана в книге «Былины и исторические песни...», № 14, с. 84—85.

В примечании к песне Гуляев пишет: «Относится к соловецкому сидению».

Действительно, песня является откликом на возмущение монахов Соловецкого монастыря, начавшееся в 1657 году с протеста против реформы Никона и перешедшее затем в открытое восстание, поддержанное беглыми холопами и окрестным населением. Восстание с трудом было подавлено военной силой лишь в 1676 г.

Песня приписывает разгром монастыря Салтыкову, на самом деле осадой руководил Мещериннов.

41. Князь Голицын

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 164—165.

Рукопись написана Гуляевым, на ней примечание: «Песню эту мы слышали от ямщика в Тюменском уезде и в Барнауле от певца былин крестьянина Тупицына и старика заводского мастерового; в ней чего-то недосказано» (л. 164).

Этот же текст имеется в архиве, записанный А. Лазебниковым в Ордынском (л. 134). Существенной разницы между тем и другим текстами нет.

Напечатана Вс. Миллером в кн. «Исторические песни...», с. 49; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 15, с. 85.

По замечанию М. Азадовского: «в основе этой песни лежит факт возвращения в Москву князя Василия Васильевича Голицына, любимца и приближенного ца-

ревны Софьи, после его неудачного похода в Крым» (с. 169).

42. О князе Голицыне

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 35, л. 3—4.

Записана С. И. Гуляевым в Локтевском заводе. Прислана с письмом от 23 января 1858 г. Данный текст является вариантом к тексту № 40.

43. О Шереметьеве

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 138—139.

Записана А. Лазебниковым в Ордынском. Рукопись без названия, правлена Гуляевым, озаглавлена им «О Шереметьеве».

В архиве имеется вторая беловая рукопись песни (л. 167) с примечанием: «Записана в с. Ордынском Барнаульского уезда».

Печатаем по рукописи Лазебникова. Взятое в скобки слово (семьсот) — вставлено С. Гуляевым. Последняя строчка была Гуляевым вычеркнута.

Напечатана Вс. Миллером в кн. «Исторические песни...», с. 51—52; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 16, с. 86.

Характерным для данного варианта песни о Шереметьеве является то, что действие в ней перенесено с севера на юг, вместо шведов в ней выступают турки, что, быть может, можно объяснить тем, что Шереметьев участвовал в войне против турок и против шведов.

44. О З. Г. Чернышеве

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 114.

Записана Ив. Стрижковым в Кольвани. Вариант этой песни записан С. Гуляевым в Барнауле (л. 166).

З. Г. Чернышев — вельможа, служивший при Петре I и Екатерине. Во время Семилетней войны он участвовал в сражении против немцев, занимал Берлин. Популярность его в народных песнях объясняется, на наш взгляд, тем, что во время Пугачевского восстания один из подвижников Пугачева Зарубин-Чика принял это имя.

45. О Суворове

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 113—114.

Записана Ив. Стрижковым в Колывани, помещается в тетради вместе с другими песнями, присланными им С. И. Гуляеву с письмом от 10 февраля 1868 г.

В архиве имеется вариант этой песни, записанный А. Лазебниковым в Ордынском (л. 136). Суворов здесь заменен генералом без имени. Аналогичный текст имеется также в архивной тетради, озаглавленной «Русские народные песни», л. 175—176, № 17.

В книге «Былины и исторические песни...» напечатаны варианты песен о Суворове (с. 152—153), записанные Потаниным в Бухтарме. Первый из этих вариантов весьма близок нашему.

Факт, описываемый в песне о Суворове (смерть Суворова в войне против прусского короля), не соответствует действительности. Суворов участвовал в войне с Пруссией в чине подполковника, был ранен. Но песня интересна тем, что говорит о большой любви народа к великому полководцу.

О широкой популярности песни о Суворове в Алтайском горном округе говорит не только наличие ряда вариантов ее, но и тот факт, что она исполнялась во время игры «Взятие снежного городка», описанной С. И. Гуляевым (см. архив, ф. 163, д. 35, л. 13—14, 5—6).

46. О Кутузове

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 169—170.

От кого и где записана — не указано.

Песня, по-видимому, солдатская, маршевая, о чем говорят и ритм ее и такие выражения, как:

Бериксон наш генерал
Он удумал это так,
Чтоб итти нам всем вот так...

47. О Платове

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 165—166.

Записана в Барнауле, от кого — не указано.

В архиве находится еще несколько записей этой песни: Ив. Стрижкова из Колывани (л. 110); Лазебникова из Ордынского (л. 138); Обрядина — из Гавриловского завода (л. 264) и в архивной тетради «Русские народные песни» (л. 170—171).

Это свидетельствует о большой популярности песни в Южной Сибири. Песня эта имеется в ряде записей, сделанных в последнее время в Сибири: в Нарыме (см. сб. «Русский фольклор Нарыма», с. 167—168). Она записана в 1948 году экспедицией кафедры литературы Новосибирского педагогического института в Сузунском, Ордынском районах Новосибирской области.

48. О войне 1854—1855 годов

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 121. Записана И. Стрижковым в Колывани, от кого — не указано. Песня является откликом на события Крымской войны России 1854—1855 гг. против англо-французских и турецких захватчиков. В ней говорится о героизме и самоотверженности русских солдат в борьбе за родину.

Текст песни редкий. Вариант ее в сб. Т. М. Акимовой «Фольклор Саратовской области», Саратов, 1946, с. 85, № 29.

ПЕСНИ-БАЛЛАДЫ

49. Полонянин

(Молодец в плену татарском)

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 35.

Рукопись беловая рукой Гуляева, озаглавлена «Про полонянина». Где, от кого записана — не указано.

Напечатана Вс. Миллером в сб. «Исторические песни...», с. 59; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 18, с. 87—88.

Песня относится к числу произведений о татарской неволе.

Последняя строчка в предшествующих публикациях не печаталась.

50. Девушка в лодке атамана

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 122—123.

Записана Ив. Стрижковым в Кольвани.

В препроводительном письме С. И. Гуляеву от 10 февраля 1868 года Стрижков пишет: «Наконец-то я имею счастье препроводить лепту моих трудов. Собранные мною стихи, по Вашему указанию, неполны, т. е. требуют большой поправки с вашей стороны, а с моей, чего требовалось и мог, — я сделал; они написаны более простонародно, но, впрочем, Вы сами увидите» (л. 109).

Напечатана Вс. Миллером в сб. «Исторические песни...», с. 57—58; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 20, с. 89.

Опубликованные тексты песни значительно отличаются от рукописи Ив. Стрижкова.

В рукописи «Уж вы девушки, да наши детушки» — напечатано «Уж вы детушки, да наши красные»; в рукописи «Черным бархатом уколочена» — напечатано «Рытым бархатом уколочена», в рукописи «Крупным жемчугом изнасечена» — напечатано «Крупным жемчугом вся унизана» (стих. 19), в рукописи «Гребцами молодцами изнасажена» — напечатано «Что гребцами она изнасажена» (стих. 21). Последняя строчка рукописи «Воля вечная бесконечная» в публикации была вовсе выброшена.

51. О девице доставшейся с дувану молодцу

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 351.

Рукопись рукой Гуляева, где, от кого записана — не указано. Напечатана Вс. Миллером в кн. «Исторические песни...», с. 57—58. Перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 19, с. 88.

52. Молодец и казна монастырская

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 357.

Записана С. Гуляевым в Барнауле от Тупицына.

Напечатана Вс. Миллером в кн. «Исторические песни...», с. 72—73; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 17, с. 86—87.

53. Марьюшка вдовьяна дочь

Печатается по кн. «Былины и исторические песни...», № 21, с. 90. Согласно примечанию в этой книге (с. 171),

песня записана С. Гуляевым в Барнаульском округе. Там же говорится: «В примечании собирателя указано, что поется только в посты как духовные стихи».

54. Молодец возвращается к жене

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 352—353.

Записана Гуляевым в Барнауле, вероятно, от Л. Тупицына.

Рукопись полевая. При правке Гуляев в стихах 4, 5, 6, 16, 24, 27, 29, 30, 31, 36, 37 выбросил начальный союз «и».

В редакции Гуляева напечатана Вс. Миллером в кн. «Исторические песни...», с. 70—72. Перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 22, с. 91.

55. Про князя Михайлу

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 228.

Записана Д. Соколовым в Сузунском заводе, от кого — неизвестно. Текст песни прислан Д. Соколовым Гуляеву при письме от 8 мая 1854 г.

Впервые напечатан по рукописи архива АН в кн. «Былины и исторические песни...», № 38, с. 127—128. Здесь он отнесен, видимо, на основании данных С. Гуляева, к сказителю Половникову.

Песня-баллада про князя Михайлу известна в ряде записей. Для данного варианта характерен зачин из былины о Чуриле (см. № 28).

В публикуемом М. Азадовским тексте строчки 3, 4, 6 вставлены, вероятно, Гуляевым.

56. Князь Волконский и Ваня ключник

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 349—360.

Рукопись беловая рукой С. Гуляева, озаглавлена «Про князя Волконского и любимого его ключника». От кого и где записана — не указано.

Напечатана Вс. Миллером в сб. «Исторические песни...», с. 66—68; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 10, с. 76—78.

Особенностью данного варианта является то, что

действие перенесено в Киев, князь Волконский называется Владимиром, а жена его именем жены Владимира — Апраксией.

57. Гришутка ключник

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 139.

Записана А. Лазебниковым в Ордынском.

Напечатана Вс. Миллером в кн. «Исторические песни...», с. 69—70; перепечатана в кн. «Былины и исторические песни...», № 28, с. 103.

Текст представляет вариант песни о князе Волконском и Ваньке ключнике, имя Вани заменено Гришуткой.

Песня начинается с былинного зачина. Действие происходит в Киеве у князя Владимира; Волконский заменен князем Владимиром.

58. Про кулика-гравника

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 354—355.

Записана С. Гуляевым в Барнауле.

Рукопись полевая рукой Гуляева. Правлена собирателем. В стихах 3, 4, 5, 10, 11, 14, 16, 17, 19, 22, 23, 27, 29, 31, 33, 35, 43, 49, 51 зачеркнут начальный союз «и».

В редакции С. Гуляева текст был напечатан Вс. Миллером в сб. «Исторические песни...», с. 74—76, перепечатан в кн. «Былины и исторические песни...», № 12, с. 82—83.

М. Азадовский в заметке к этому тексту приводит примечание С. Гуляева: «Это сатирическое произведение мы слышали от двух лиц в разных местах. По содержанию оно одинаково с песнею в «Древних Российских стихотворениях», но ни к песням, ни к былинам его отнести нельзя, оно поется или вернее рассказывается речитативом, далеко непохожим на тот напев, который помещен в «Древних Российских стихотворениях» (с. 167).

В своей статье «О сибирских круговых песнях» Гуляев упоминает эту песню, слышанную им от свадебного дружки Ивана Максимовича Калистратова в Барнауле. Запись Гуляева дает единственный вариант к тексту Кириши Данилова.

59. «Не вечерняя заря приутихла...»

Печатается по рукописи архива С. И. Гуляева, ф. 163, д. 214, л. 214.

Согласно примечанию на рукописи, «эта песня записана в разных местах со слов старых людей»

Песня, по всей видимости, сложилась среди волжской вольницы, бурлаков.

Первая часть песни имеется в собрании Соболевского, т. 1, с. 324—325, № 246.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Лирические песни собраны С. И. Гуляевым в Алтайском горном округе, первоначально напечатаны в ст. «О сибирских круговых песнях» (Отечественные записки, 1839, № 3. С. 153—172), затем в большем количестве в работе «Этнографические очерки Южной Сибири» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 90. С. 59—112).

Варианты к лирическим песням С. И. Гуляева в сб. Сахарова «Сказание русского народа», ч. II, 1837, № 5, 6, 7, 8.

НАРОДНАЯ СВАДЬБА

Народная свадьба записана С. И. Гуляевым в Алтайском горном округе в 40-х годах XIX в. Опубликована в «Этнографических очерках Южной Сибири» (Библиотека для чтения. 1848. Т. 90. С. 1—47).

В архиве С. Гуляева хранится много материалов о народной свадьбе в записях корреспондентов. Имеется беловая рукопись свадебного обряда. В основном тождественная с опубликованным в «Этнографических очерках...» (ф.-д.—36, д. 214, л. 254—263, 368—390); в этой рукописи несколько листов недостает.

К свадебным песням, записанным С. И. Гуляевым у Сахарова, в кн. «Сказание русского народа», ч. III, кн. 2, 1837 имеются следующие варианты:

- к № 1 — № 1 (с. 9 — сокращенный вариант);
- к № 2 — № 2 (с. 10); к № 3 — № 3 (с. 10);
- к № 12 — № 4 (с. 11—12); к № 13 — № 7 (с. 13);
- к № 14 — № 8 (с. 13—14); к № 20 — № 12 (с. 17);
- к № 21 — № 10 (с. 14—15); к № 23 — № 15 (с. 20);
- к № 34 — № 236 (с. 184); к № 36 — № 160 (с. 143);
- к № 40 — № 43 (с. 42); к № 41 — № 31 (с. 33);
- к № 55 — № 30 (с. 32); к № 68 — № 88 (с. 82).

СЛОВАРЬ СТАРИННЫХ, МЕСТНЫХ И МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ

А

Алтын — монета в три копейки.

Б

Базыга — хрыч, глуздырь.

Бежать — ехать.

Белояровая — светлая, отборная, высокого качества.

Берлин — старинная карета, рыдван, колымага.

Берчатый — узорчатый, браный.

Бурзаецкий — см. Мурзомецкий.

В

Вальяжный — резной, точеный, прочный, крепкий.

Вен, вьюн, — венюк.

Вершить — кончать; головой вершить — жизнь покончить, сломать голову.

Выжлык — гончая собака.

Г

Глуздырь — умник (в насмешливом смысле).

Гольяшный — см. вальяжный.

Гридня, гридняца — княжеский покой, приемная комната.

Гость, гостиный сын — купец, купеческий сын.

Д

Дел — место, где делят добычу, добыча.

Довлеть — довольно, полно, достаточно.

Доступать — выручать, добывать, освобождать.

Дуван — сходка для дележа добычи, дележ добычи или заработка.

Е

Елбан — холм.

Ж

Живот — имущество.

З

Завечать — загадывать.
Завозенка — конюшня, сарай.
Закликнуть — позвать.
Знимать — поднимать.
Зуй — небольшой кулик.
Зычный — звучный.

И

Изобраться — вызваться.
Ископыт — копать, пыль от бега коня.

К

Казна — деньги, имущество, богатство, драгоценности.
Камка, камочка — шелковая ткань с разводами.
Клеть — комната.
Крековый, крековистый — кряжистый, старый.
Косая сажень — мера от носка отставленной правой ноги до конца среднего пальца протянутой по одной линии с ногой левой руки или наоборот.
Косица — висок.
Косящатый — окно с косяками, с колодками в отличие от волокового.
Крепок — нагрудник.
Куна — куница.
Куть — кухня в старой крестьянской избе.

Л

Лавица — лавка.
Летовочка — к лету относящаяся.

М

Меженный — летний.
Младен — ребенок.

Морянин — плавающий по морю хозяин мореходного судна.

Мумренный — крепко заделанный, закупоренный.

Мурза мецкий, мурзалецкий — татарский, восточный, от слова «мурза».

Н

Назолушка — грусть, тоска, огорчение.

Намет — убор, шитье.

На носок востер — ловкий, хитрый, себе на уме.
«Поговорка эта, — поясняет Гуляев, — происходит от борьбы с носка, в которой поединщики берут друг друга правой рукой за ворот зипуна или армяка, а носком левой ноги стараются подхватить выставленную вперед правую ногу противника, или наоборот — носком правой ноги — левую. Нам случилось видеть, что при этом вострый на носок борец перекидывает через себя поединщика» — (Архив Гуляева, д. 214, л. 249).

Наотворот — в ответ.

Наособицу — отдельно.

Напрокучить — надоесть, наскучить.

Напятьу — широко, настежь.

Насад — лодка, судно с поднятыми нашивными бортами.

Насадка — наконечник.

Начиженный — нацежено, приготовлено.

Недосуг — некогда.

О

Обручница — невеста.

Обстала — обступила.

Окатистый — пологий.

Опочивдержать — спать, отдыхать.

Отчина — родина, отчество.

П

Паволока — ткань бумажная и шелковая, дорогая привозная.

Плат — платок.

Подмолчиный — сплетник, клеветник.

Покорить — упрекнуть.

Палица — боевая дубинка с утолщением на конце.
Поленица — богатырь.
Полонянин, полоняночка — пленник, пленница.
По-писаному — вежливо, по заведенному обычаю.
Пороша, пороха — первый снег, рыхлый снег,
идуший в безветрие и потому прикрывающий землю
ровно.
Поченый — пропитанный потом.
Провещать — проговорить.

Р

Реленка — перила, поручни.
Ременчатый — складной на ремнях.
Росстань — место, где дорога расходится в разные
стороны.
Рушаты — резать, делить.

С

Сбойчавый — буйный, наглый.
Сдымать — поднять.
Сиповка, сыповка — народный музыкальный ин-
струмент, дудка из тростника.
Скатный — круглый, крупный, ровный.
Скурлат — палач, происходит от народного прозви-
ща главы опричнины Ивана Грозного Малюты Ску-
ратова (Скурлатова).
Стает — встает.
Стоятель — защитник.
Ступисчатый — шагистый, т. е. идущий плавным,
скорым шагом, иноходью.
Сыта — сыченая медом вода, медовый взвар, раз-
варной мед на воде.

Т

Таволожная — сделанная из дерева таволожника,
степной березы.
Талан — участь, судьба.
Тароватенький — великодушный, щедрый, рас-
торопный, бойкий, проворный.
Третро-петро — опахало.
Турка — турок.

У

У права — посадка.

Ф

Ф ата, ф а т и ц а — платок.

Х

Х в о л ы н с к о е м о р е — Каспийское море.

Х л о п а т ь — врать, пустобаить, распускать вздорные слухи.

Х р у щ а т ы й — с узорами.

Ч

Ч а д о — дитя.

Ч и н ж а л и щ е — кинжал.

Ч е с т л и в ы й — вежливый, обходительный.

Ч е б о т ы — сапоги.

Ч у м б у р — повод уздечки, за который водят коня.

Ш

Ш а л ы г а — плеть, кнут, погонялка.

Ш а н е ц — окоп, канава.

Ш е л е п у г а — широкий толстый ремень, употребляемый вместо плети.

Ш е л о м — холм, пригорок; шеломы окатисты — пологие, но обрывистые, куполообразные.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Л. Троицкий. Подвижник сибирской науки 5

Былины

1. Илья Муромец (Первая поездка его в Киев)	33
2. Илья Муромец и царь Калин	41
3. Про Илью Муромца и царя Калина	46
4. Илья Муромец и богатырь Турок	51
5. Об Илье Муромце и Алеше Поповиче	52
6. Про Илью Муромца и Тугарина	53
7. Об Илье Муромце и Бориске	55
8. Илья Муромец и сын его	59
9. Добрыня Никитич и отец его Никита Романович (Бой со Змеем)	62
10. Добрыня Никитич и Василий Казимерской	74
11. Про Добрыню и жену его (отрывок былины)	85
12. Первый выезд Алеши Поповича	86
13. Алеша Попович и Еким Иванович	87
14. Алеша Попович	93
15. Об Алеше Поповиче	94
16. Михаил Казарятин	97
17. Василий Пьяница	102
18. Суханьша Замантьев	105
19. Скимен-зверь	107
20. Скимен-зверь	108
21. Скимен-зверь (Рождение богатыря)	110
22. Рождение богатыря	112
23. О Дунае Иваповиче	113
24. Ставер Годенович	116
25. Иван Годенович	121
26. Иван Гостиный сын	128
27. Про Чурила Пленковича	132
28. Чурило Пленкович	136

Исторические песни

29. Кострюк Иземзюрьевич и царь Иван Васильевич	141
30. Про Ивана Грозного (Царь Иван Васильевич и сын)	144
31. Царь Иван Васильевич и сын	149
32. Покушение на царя	153
33. Об Иване Грозном (Правеж)	155
34. Про царя Ивана Васильевича (Правеж)	157
35. О царском соколе	160
36. Ермак Тимофеевич	161
37. Князь Михайло Скопин	162
38. Сын Степана Разина	165
39. Казнь Степана Разина	166
40. О Салтыкове	167
41. Князь Голицын	169
42. О князе Голицыне	170
43. О Шереметьеве	171
44. О З. Г. Чернышеве	172
45. О Суворове	174
46. О Кутузове	175
47. О Платове	176
48. О войне 1854—1855 годов	178

Песни-баллады

49. Полонянин (Молодец в плену татарском)	181
50. Девушка в лодке атамана	182
51. О девушке, доставшейся с дувану молодцу	183
52. Молодец и казна монастырская	184
53. Марьюшка вдовья дочь	185
54. Молодец возвращается к жене	187
55. Про князя Михайлу	189
56. Князь Волконский и Ваня ключник	191
57. Гришутка ключник	194
58. Про кулика-травника	195
59. «Не вечерняя заря приутихла...»	197

Лирические песни

Песни круговые, обрядные	201
Песни круговые	232
Песни проголосные	246

Народная свадьба	261
----------------------------	-----

Письма

1. С. И. Гуляев — Ф. В. Чижову	317
2. С. И. Гуляев — И. И. Срезневскому	319
3. С. И. Гуляев — М. А. Корфу	325
4. С. И. Гуляев — М. П. Погдину	328
5. С. И. Гуляев — Н. С. Гуляеву	334
6. Переписка С. И. Гуляева с Императорской Публичной библиотекой	336
7. С. И. Гуляев — П. И. Бартеневу	339
8. С. И. Гуляев — Ф. Р. Остен-Сакену	341
9. С. И. Гуляев — Л. Н. Майкову	343
10. С. И. Гуляев — М. И. Писареву	346
11. Г. Н. Потанин — С. И. Гуляеву	348
12. С. И. Гуляев — С. Н. Шубинскому	350
13. Н. М. Ядринцев — С. И. Гуляеву	351
14. К. М. Бэр — С. И. Гуляеву	353
15. Донесение С. И. Гуляева в Центральный ста- тистический комитет об историко-статистиче- ском описании г. Барнаула	354
Примечания	356
Словарь	384

Юрий Львович Троицкий,
составитель

**БЫЛИНЫ И ПЕСНИ
АЛТАЯ**

*Из собрания
С. И. Гуляева*

Редактор

Н. Балакирева

Художник

А. Кальмуцкий

Художественный редактор

В. Еранкин

Технический редактор

М. Сафонова

Корректоры

Н. Тырышкина,

Г. Ульченко

ИБ № 2029

Сдано в набор 21. 03. 1988 г. Подписано
к печати 28. 04. 1988 г. Формат 70x90/32.
Бумага тип. № 2. Гарнитура литератур-
ная. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,33.
Усл. кр.-отт. 14,693. Уч.-изд. л. 17,862. Ти-
раж 50000 экз. Заказ № 863. Цена
1 руб. 50 коп.

Алтайское книжное издательство Госу-
дарственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной тор-
говли — 656015, Барнаул, 76.

Производственное объединение «Полигра-
фист» управления издательств, полигра-
фии и книжной торговли крайисполко-
ма — 656023, Барнаул, Титова 3.